

РОБИН ЙОРК

STAGE DIVE & PLANET OF BOOKS

ГЛУБЖЕ

КЭРОЛАЙН & УЭСТ. КНИГА ПЕРВАЯ

Когда бывший парень Кэролайн Пьясеки опубликовал их сексуальные фотографии в интернете, это разрушает ее репутацию хорошей ученицы колледжа. Внезапно ее некогда многообещающее будущее не выглядит таким уж прекрасным. Кэролайн пытается убрать фотографии, надеясь, что время спрячет ее позор. Потом парень, которого она едва знает, поднимается на ее защиту и надирает ее бывшему задницу.

Уэст Левитт — последний человек, который нужен в жизни Кэролайн. Все знают, что он подозрительный. Однако, Кэролайн привлекла его уверенность и самодовольство — даже после того, как она дала обещание своему папе, что будет держаться от него подальше. Позже, бессонными ночами, Кэролайн начинает навещать пекарню, в которой работает Уэст.

Они вместе проводят время, болтают. Хотя Кэролайн и Уэст говорят друг другу, что они «просто друзья», их чувства увеличиваются до такой степени, что становится невозможно притворяться. Чем сложнее становятся ее отношения с Уэстом, тем сильнее Кэролайн должна бороться, чтобы понять, что же она хочет для себя, и тем легче ей становится найти в себе мужество, чтобы бороться против всех тех, кто собирается осудить ее.

Когда, кажется, что все потеряно, иногда единственным действием остается зайти глубже.

Робин Йорк

Глубже

Серия: Кэролайн и Уэст. Книга первая

Перевод: Настя С. (пролог — 1 гл.), Виктория Горкушенко (2 гл. — эпилог)

Редактура: Алена

Обложка: Ленчик Lisi4ka Кулажко

Вычитка: Виктория Горкушенко

Оформление: Виктория Горкушенко

Переведено для группы: vk.com/stagedive

ДО

Иногда я ненавижу девушку, которой была тогда. Это как, когда ты смотришь ужастик, ты не можешь помочь, но чувствуешь презрение к девственнице, которая пошла прогуляться в лес после полуночи. Как она может быть такой глупой? Неужели она не знает, что ее зверски зарубят?

Она должна знать. Вот почему это так тяжело смотреть. Потому что ты хочешь, чтобы она знала. Потому что ты хочешь, чтобы она защитила себя, и ты пренебрегаешь ее незнанием, хотя очевидно, что виноват тот парень, который наносит ей резаные раны.

Дело в том, что фильм делает его похожим на силу природы — неотвратимым — так и девственница, как полная тупица, вышла, не проверив прогноз погоды, чтобы узнать будут ли осадки в виде серийных убийц ночью.

В наши дни, если бы кто-то прислал мне сообщение, в котором не было бы ничего, кроме «О Боже мой», я бы не задавалась вопросом, будет ли то, что я сейчас узнаю, плохим. Я бы только задумалась, насколько плохо и сколько времени мне понадобится, чтобы выкарабкаться из той ямы, в которую я собиралась упасть. Но в августе второго курса колледжа Патнем я не волновалась. Я подумала, что, возможно, Бриджет, моя лучшая подруга и соседка по комнате, отвлеклась, не успев закончить свою мысль.

Я высушила волосы полотенцем и встала, чтобы бросить влажное полотенце в корзину для белья в шкафу. Промахнулась. К тому времени, как я подняла его и положила на место, на моем телефоне появилось еще одно сообщение, на этот раз со ссылкой.

Ты должна это увидеть, — говорилось в нем.

И сразу после, — *Мне очень жаль.*

Я нажала на ссылку.

Думаю, часть меня знала еще тогда. Потому что, когда ты хорошая девушка, ты всю свою жизнь проводишь в оттачивании радара для обнаружения всего, что потенциально может заставить людей любить тебя меньше.

Девушки, вроде меня — или, полагаю, такие, какой я была до прошлого августа — мы питаемся одобрением. Мы живем для этого. Поэтому, когда мы делаем что-нибудь стремное — или, скажем, когда мы делаем что-то действительно кошмарное — мы все понимаем.

Экран заполнился моим изображением топлесс, с членом Нейта во рту.

Я посмотрела и сделала глубокий вдох. Закрыла глаза.

Я чувствовала это — как почва уходит из-под ног.

Знаю, это звучит слишком уж «драма-лама», когда я так говорю, но я не знаю другого способа, чтобы описать это.

В одну минуту, у меня есть твердая опора — девятнадцатилетняя жизнерадостная фанатка политики, на пути в юридическую школу и захвату мира — и в следующую, мои ноги потеряли опору. Я обмякла на столе. Мне не хватало воздуха.

Шок от случившегося не заставил себя ждать. Он пронесся мгновенно, по какому-то короткому пути от моих глаз к той части мозга, которая составила тихий, частный список последствий этих фотографий, как только Нейт сделал их.

Все увидят тебя, будут издеваться и ненавидеть.

Ты не попадешь в юридическую школу.

Ты никогда не получишь стипендию Родса.

Ты никогда не станешь судьей и не изберешься на эту должность.

Это все меняет.

Увидев эти фотографии, я была опустошена. Мгновенно. Потому что знала.

Той ночью, когда я занималась оральным сексом с Нейтом, он поднял свой телефон и навел прямо на мою голову, радар «хорошая девочка» работал прекрасно. «Плохая идея» сказал радар мне. «Определенно плохая идея». Но я отвергла его, потому что Нейт был не в духе, и я подумала, что согласившись на это, помогла бы ему.

Ты ему доверяешь — говорила я себе. Нейт никогда не сделает этого.

Но он сделал. Очевидно. Сайт идентифицировал меня как Кэролайн Пьясеки, из Патнема, Штат Айова и Нейт был единственным у кого были эти фотографии. Или он выложил их, или он отдал их кому-то, кто сделал это.

Там были две фотографии моего улыбающегося лица. Одна с выпяченными губами, которую я сделала в своей машине, чтобы подразнить его. Одна, где я в своем любимом лифчике с животным принтом и трусиках, которую я сделала в зеркало в спальне старшей школы, втянув живот и выпятив грудь, потому что я хотела выглядеть сексуально. Я очень хотела выглядеть сексуально для него.

И другие, еще более грязные фотографии. Те, на которые я почти не могла смотреть.

Под ними была надпись: **«Я Кэролайн Пьясеки, я фригидная стерва, которой нужно трахаться!»**

Я не могла плакать.

Я не могла дышать.

Я не могла поверить в это (в действительность этого).

На странице было 462 комментария.

Четыреста. Шестьдесят. Два.

Если бы кто-то спросил меня десятью минутами раньше, что я чувствовала к Нейту, я бы сказала: «Никаких серьезных чувств и обид».

Три года вместе, и мы просто отдалились друг от друга. Предполагаю, что колледж был тому виной. К концу первого курса я начала чувствовать, что возможно между мной и Нейтом не так уж много общего. В старшей школе я была свободна, до того как он позвал меня на свидание — поздний цветок, как сказал мой отец. Нейт был милым, популярным и умным. Приятно быть замеченной таким парнем.

Но в колледже Патнем я начала думать, что между ним и мной чего-то не хватает. Химии. Более глубокой связи.

Я порвала с ним прежде, чем мы вернулись на учебу. Мы поделили пиццу и пили газировку, и я пыталась объяснить ему свои рассуждения, чтобы не задеть его чувств. Я думала, что все прошло хорошо. К концу обеда он снова улыбался и был милым.

Я сказала ему, что он хороший парень. Что мы все еще друзья.

Хотя не стоило бы удивляться, но я была удивлена.

Я следовала правилам, упорно трудилась, чтобы получить хорошие оценки, встречалась с хорошим парнем и заставила его ждать секса долгое время. Этого не должно было случиться. Я не ожидала, что мой партнер на выпускном, мой первый парень, мой первый во всем, воспользуется интернетом, чтобы назвать меня кончающей шлюхой, которая любит, когда ей кончают на лицо, или перечислит название моего колледжа и моей средней школы прямо под фотографией с минетом.

Потому что, кто такое ожидает?

Я опустила в кресло и пролиставала на экране несколько первых комментариев. Страничку за страничкой.

У нее классные сиськи.

Я бы приударил за ней.

Я дрочу, спасибо Кэролайн, шлюшка!

Какая уродливая шлюха. Хочу большие вагины

Каждое слово, которое я читала, каждую мерзость, которую какой-то придурок из интернета, живущий в подвале, говорил обо мне, я думала: *Это моя вина...*

Моя ошибка. Моя ошибка. Моя ошибка.

Я никогда не должна была позволять Нейту фотографировать меня. Я знала это. Я знала это, когда он сделал их, я знала это после, я знала это, когда мы расстались и у меня был мимолетный порыв умолять его, чтобы он позволил удалить каждую фотографию со мной из его телефона. Но я отмахнулась от этого порыва, потому что не хотела его обижать.

Не хотела быть грубой.

Я просидела так долгое время, листая и читая, и вытирая слезы с моих глаз свободной рукой. Я задыхалась больше, чем дышала. Паниковала больше, чем думала. Я была слишком дезориентирована, что иметь хоть какой-нибудь последовательный план.

Думаю, это было оплакивание конца чего-то, даже не знаю чего. Моей молодости, наверное. Солнечной, идеальной части меня.

Это не было до тех пор, пока Бриджит снова не написала мне:

Ты в порядке? — вот что я действительно осознала в тот момент. Я осознала то, что она вернется в комнату. Она знает и мне придется посмотреть ей в лицо.

Я думала о том, что это увидит не только Бриджит. Это увидят все.

И вот тут-то я поняла, я никогда не буду в порядке снова.

СЕНТЯБРЬ

Кэролайн

Через две с половиной недели после появления фотографий в интернете у меня все под контролем. Вплоть до того момента, когда я выхожу с латыни и сталкиваюсь с локтем Уэста Левитта.

Я иду с опущенной головой, думая о предстоящих выборах в студенческий сенат. Думала, что буду баллотироваться в этом году, чтобы представлять свое общежитие, но теперь не понимаю, как могу это сделать. Девушка, которая на всех сайтах...

Ноги выводят меня за дверь и направляют вправо, подальше от большинства других учеников. Раньше я ходила налево, но у Нейта макроэкономиста в классе рядом с моим, и я не хочу с ним столкнуться. Я начала ходить направо, а затем обходить здание снаружи, чтобы направиться в столовую на обед.

Сегодня, однако, мой путь не пуст — коридор переполнен, он гулкий и оживленный. Но поскольку я опустила голову, то не замечаю этого, пока не наткнулась на спину какого-то случайного человека. Сумка, которую я несу, выбивается у меня из рук и падает на пол. Я поднимаю ее, извиняюсь, замечаю, как много ног в этом зале и начинаю соображать, что происходит. Я все еще пытаюсь понять это, когда встаю на ноги и получаю удар в нос.

В тот момент я не понимаю, что это часть тела, которая наносит мне удар или кому она принадлежит. Я только знаю, что прямо передо мной происходит много движений руками, и что переносица соединилась с чем-то движущимся и глубоко непрощающим.

Больно.

О, Святая Матерь Божья, это больно.

Защищая нос, я зажмуриваюсь, пригибаю голову и закрываю тело от боли. Мои глаза наполняются слезами. Теплая жидкость скользит по моим губам. Мой язык высовывается, чтобы облизать ее, прежде чем я понимаю, что — *ух, кровь* — у меня идет кровь. Потом она покрывает мой рот, течет по всему подбородку, и мне уже все равно, потому что мой нос не перестает болеть.

Меня никогда раньше не били по лицу.

Это мучительно больно.

Я знаю, что мне нужно что-то делать, а не истекать кровью на собственные пальцы, которыми я крепко зажала нос, как будто они способны сделать... хоть что-то. Но это не так. Моргая, в замешательстве, я оглядываюсь вокруг в поисках того, с чем я столкнулась и почему оно меня ненавидит. Учитывая состояние моего носа, я ожидала увидеть кирпичную стену или, возможно, монстра со шлакоблоками вместо рук.

Вместо этого я вижу большие мужские тела, которые толкаются и кричат. Вокруг них есть пространство, но я его нарушила, поэтому, вероятно, и получила удар в лицо, а также благодаря этому я оказалась в идеальной позиции, чтобы увидеть приближающийся удар.

Я не вижу, как он достигает цели. Человек, которого ударили, стоит спиной ко мне, прямо между мной и кулаком. Но от упругого удара кожи о кость у меня сводит живот.

Парень падает прямо передо мной. Другой парень держится за талию, грудь вздымается, он наклоняется так, что я вижу только его макушку. Он выглядит так, будто готов сделать

еще один замах, и я действительно не хочу, чтобы он делал это, потому что все это настолько примитивно и жестоко, что я не уверена, что смогу это выдержать.

Затем раздается этот ужасный шум — высокочастотный, задыхающийся звук и парень сверху смотрит прямо на меня.

О Боже.

Это я шумела. Этим хриплым визгом была я. А теперь я вообще не могу дышать, потому что парень сверху — Уэст, а лицо, которое он так сильно ударил, принадлежит Нейту.

Глаза Уэста расширились.

— Господи, Кэролайн, я тебя ударил?

Он встает и подходит ближе, протягивая руку. Как будто он совсем забыл, что избивает Нейта и просто идет за мной. Взгляд его глаз, протянутая рука — это так похоже на то, как Уэст впервые потянулся ко мне, больше года назад, что у меня наступает момент дежавю. Мои колени подгибаются, что меня раздражает. Мое тело сейчас враг — мои неумелые колени, этот звук, который решило издать мое горло, мой затекший нос и пульсирующая боль в лице. Не говоря уже о моем сердце, которое пытается вырваться из груди, яростно ударяясь о ребра.

Рука Уэста опускается на мою талию, надежно и крепко, и это глупо. Мое тело глупое. Потому что его рука кажется просто потрясающей.

Очевидно, у меня сотрясение мозга. Уэст — тот, кто ударил меня и он определенно тот, кто ударил Нейта, который...

Черт.

Нейт распростерся на полу, изо рта течет кровь.

Хуже того, я не могу заставить себя сосредоточиться на Нейте, потому что другая рука Уэста ненадолго приземлилась на мое плечо, а теперь он поднимает мой подбородок. Кровь делает его пальцы скользкими. Я истекаю кровью на него. И мне это нравится.

Такое уже случилось с нами. Он прикасался ко мне один раз, но это не тот случай, который девушка забывает.

Боже, есть так много причин, по которым это нехорошо. Большинство из них даже не связаны со здоровьем. Для начала, мне не нравятся парни, которые бьют людей. Мне в принципе не нравятся парни в данный момент и точка. А если бы и нравились, я бы не увлеклась Уэстом, потому что Уэст — это проблемы, а у меня на них аллергия.

— У тебя кровь, — говорит он.

— Ты ударил меня.

— Дай мне посмотреть.

Он берет меня за запястье, и я позволяю ему убрать мою руку от носа, потому что в принципе я позволю Уэсту Левитту делать все, что угодно. Вполне возможно, что он какое-то магическое существо. То есть, это не так. Я знаю, что нет. Он двадцатилетний второкурсник колледжа Патнем, специализирующийся на биологии. Он раскладывает книги по полкам в библиотеке, по выходным обслуживает столики в «Позолоченной груше» — это единственный модный ресторан в Патнеме — и работает в ночную смену в городской пекарне. Все это, плюс пара теневого, неофициального источника дохода, еще занятия, делает его более занятым, чем кого-либо из моих знакомых.

Он высокий — около 182 см, может, чуть выше, с беспорядочными каштановыми волосами, голубовато-зелеными глазами и отличным загаром.

Он парень, который учится в моем колледже. Вот и все.

Но это еще не все.

Его лицо... Знаете, говорят, что людей больше привлекают симметричные лица. Так вот, лицо Уэста немного не симметрично во всех мыслимых отношениях. Одна его бровь немного приподнята, а другую рассекает тонкий белый шрам. Его глаза такого цвета, который на самом деле не является цветом, с этими крошечными маленькими вкраплениями, которые иногда выглядят сияющими, и я не понимаю, как это возможно. Его рот шире, чем должен быть, что делает его похожим на умника каждый раз, когда он улыбается или почти улыбается, или думает об улыбке. Его нос, должно быть, однажды был сломан, возможно и не один раз, — потому что он находится не совсем там, где должен быть. Он сместился немного влево. И, если честно? Я думаю, что его уши слишком маленькие.

Когда он смотрит прямо на меня, я едва могу разобрать слова.

Вот почему я стою здесь, истекая кровью и позволяя ему осмотреть мой нос.

— Он все еще там? — спрашиваю я. Только, к сожалению, это звучит скорее, как

— Ом се еще дам?

— Да. Скорей всего, я ударил тебя локтем. Но он не сломан.

— Откуда ты знаешь?

— Кровотечение было бы сильнее.

Он проводит пальцем по переносице.

Больше не болит.

Стон с пола отвлекает внимание Уэста от моего лица и в этот момент мой нос снова пульсирует, и я напоминаю себе, кто и почему стонет.

У Нейта разбита губа. Вся передняя часть его рубашки багровая и мокрая. Его зубы розовеют, когда он сплевывает.

Розовые зубы.

Это немного пробуждает меня.

Уэст ударил Нейта. У него кровь. У меня кровь.

Мой мозг продолжает предлагать эти заявления, одно за другим, как будто я могу в конце концов найти историю, чтобы связать их воедино. Но какая бы часть меня ни отвечала за анализ и обработку данных, она отключена.

Кровь капает с моего подбородка. Я прослеживаю ее путь и вижу, что она попала на потертый носок черного ботинка Уэста.

— Мне нужно бумажное полотенце, — говорю я.

Друг Уэста Кришна хватает его за руку.

— Ты должен уйти отсюда.

Кришна высокий, с темной кожей, черными волосами и пугающе красивым лицом. Он также обычно настолько спокоен, что находится рядом с коматозным состоянием, поэтому его срочность — это запах аммиака у меня под носом.

Студенты на задворках толпы повернулись, чтобы посмотреть в коридор, где что-то происходит. Кто-то идет.

Уэст Левитт ударил Нейта по лицу.

У меня идет кровь.

Он все еще прикасается ко мне, а я не могу думать.

— Позаботься о ней, — Уэст говорит с Кришной, но смотрит прямо на меня, когда говорит это, его выражение лица извиняющееся.

Кришна слегка подталкивает его.

— Ладно, чувак, просто иди.

Уэст поворачивается, еще раз смотрит на меня и трусцой бежит по коридору. Кришна поднимает с пола мою сумку, а я даже не заметила, что снова уронила ее, и обнимает меня за плечи.

— Пойдем, мы найдем тебе бумажное полотенце.

— Как думаешь, Нейт в порядке?

— Я думаю, что Нейт — мудака, — говорит Кришна. — Но он еще дышит. Ты можешь идти быстрее?

Я стараюсь изо всех сил. Мы оказываемся в женском туалете на втором этаже, Кришна стоит у двери и подпирает ее своим телом, пока я прижимаю к носу грубое коричневое бумажное полотенце и рассматриваю себя в зеркале.

Я выгляжу как что-то из фильма о слэшэрах. Все лицо в крови, кончики моих длинных каштановых волос слиплись. Моя рука покрыта запёкшейся кровью, а ранее белый край моей рубашки, где он торчит из-под свитера, стал багровым и мокрым.

Получила то, что заслужила, не так ли? Шлюха.

Мой желудок вздымается, внезапный толчок заставляет меня закрыть глаза и глубоко вдохнуть.

Я смотрю на Кришну, но, конечно, не он это сказал.

Это были они. Мужчины.

Они следуют за мной повсюду. Их голоса. Их мерзкие мнения, теперь бесконечный поток негативных комментариев о моей жизни.

Я бы все равно трахнул ее, говорят они, когда я включаю кран. Трахал бы эту сучку, пока она не стала бы смешно ходить. И мне плевать на ее лицо.

Я сую пальцы под струю холодной воды и жду, пока она нагреется.

— Ты в порядке? — спрашивает Кришна.

Он выглядит неловко. Мы дружелюбны, но мы не совсем друзья. Он ближе с Бриджит, моей соседке по комнате, чем со мной. В прошлом году мы жили в одном холле, я и Бриджит жили напротив Уэста и Кришны.

Мне нравится Кришна, но он не тот парень, на которого я бы решила опереться. Он вроде как, мужчина — шлюха и бездельник. Не думаю, что стоять здесь и смотреть, как я истекаю кровью, входит в его список дел, которые он хотел бы сделать сегодня.

Экспериментируя, я убираю бумажное полотенце. Кровотечение, кажется, остановилось.

— Я в порядке. Тебе не обязательно оставаться.

— Я бы не возражал, только мне нужно кое с кем встретиться. Но если ты хочешь...

— Все в порядке.

Я бы предпочла побыть одна. Мои руки дрожат, а колени все еще чувствуют неуверенность.

— Я скажу Уэсту: — Нет ущерба, нет нарушения, хорошо?

— А?

— Я скажу, что ты не пострадала.

Но мне больно. Внутри меня, под грудной клеткой, где-то глубоко под легкими, есть сырая, разрезанная плоть, которая не хочет закрываться. Она болит все время. Мой нежный нос и тулая пульсация в голове не могут сравниться с этой болью.

— Скажи ему все, что хочешь.

Он все еще выглядит неловко, но молчит.

— Увидимся позже.

Когда я говорю это — он уходит.

Дверь закрывается с тихим стуком.

Я прислоняюсь к диспенсеру для бумажных полотенец, слушаю, как течет вода, и делаю глубокий вдох.

Вдох. Выдох.

Вдох. Выдох.

К восьмому вдоху мне удастся изгнать большую часть страха и заглушить боль. У меня было несколько недель для тренировок. У меня хорошо получается не чувствовать ничего.

Главное — не отвлекаться. Ставить цели и вычеркивать их из списка, одну за другой. Я не могу стоять здесь весь день и дышать. Мне нужно успеть пообедать, потому что у меня куча дел, которые нужно сделать до встречи по групповому проекту в три часа. Мне нужно посмотреть электронную почту — я слышала, как вибрировал мой телефон во время занятия по латыни, и я знаю, что найду свежую порцию ссылок в моем ежедневном оповещении Гугл. У меня есть немного времени, чтобы разобраться с ними до встречи.

Вот на что похожа моя жизнь сейчас. Всегда есть чем заняться.

Раньше я была прилежной студенткой. Распечатывала свое расписание с цветными блоками, где учебные занятия были аккуратно обозначены и заштрихованы. Я пробивала все свои конспекты и делала специальные папки, по одной для каждого класса, с индивидуальными разделителями.

Теперь я вкладываю все свое усердие в создание электронных таблиц для отслеживания моего прогресса в удалении моих сексуальных фотографий из интернета. Я отмечаю URL-адрес каждого изображения, хозяина сайта, дату и время размещения. Я освоила обратный поиск изображений и приобрела безумные навыки в поиске контактной информации владельцев сайтов и бомбардировке их юридически обоснованными сообщениями, пока они не удалят все мои фотографии со своих серверов.

Единственный способ преуспеть в этой ужасной игре, в которую я даже не хочу играть, — это проводить много времени в интернете, видя то, что я хотела бы не видеть. Сейчас я знаю о файлообменных порносайтах больше, чем среднестатистический парень из студенческого братства. Я повидала на одиннадцать жизней венозных, эрегированных пенисов. Всякий раз, когда я ложусь и закрываю глаза, мой мозг показывает мне клип-шоу «День в порно» и я слышу, как мужчины обвиняют меня из своих темных, грязных уголков интернета.

Ты — не кто иная, как членососная шлюха.

Я буду держать тебя и трахать эти сиськи. Посмотрим, как тебе будет жарко.

Я знаю, что они думают обо мне, потому что они не хотят об этом молчать. Иногда ночью я не могу заснуть, поэтому тайком выбираюсь из комнаты в общежитии, которую делю с Бриджит и езжу кругами вокруг Патнема.

Я слушаю этих мужчин, потому что у меня нет выбора.

Я вожу машину, потому что не знаю, что еще делать.

Но я не должна разваливаться на части. Сначала я думала, что да, когда увидела фотографии. Что жизнь, какой я ее знала, закончилась и мне остается только смириться.

Я ошибалась. У меня есть выбор. Не разваливаться на части — это мой выбор. Каждое

утро, независимо от того, спала я или нет, продержалась ли я весь день без слез или сдалась и рыдала в душе, где меня никто не слышит — встает солнце, и я делаю свой выбор.

Сегодня не день, когда это сломает меня.

Я выбрасываю отвратительный комок окровавленного полотенца и ополаскиваю лицо, вытирая его свежим полотенцем. Мой свитер испорчен. Я стягиваю его через голову и выбрасываю в мусорное ведро. Все равно он был дешевый и начал линять.

Я сую манжету рубашки под кран, пытаюсь вспомнить, какой водой нужно пользоваться — холодной или теплой, чтобы смыть кровь. Но у меня не получается.

Надо посмотреть в телефоне.

Я должна выяснить, почему Уэст только что ударил Нейта.

Да. И это тоже.

Если только я уже не знаю почему. Надеюсь, что нет.

Боже, я надеюсь, что нет.

Я должна относиться ко всему этому как к еще одной вещи, с которой нужно справиться. Это все, что есть. Проблема, которую нужно решить. Я могу решить любую проблему, если буду работать достаточно усердно.

Мужчины могут смеяться надо мной, наполнять мою голову своим ядом. Они могут смотреть на меня голую, драть на меня, писать комментарии с фотографиями своих членов, покрытых спермой, обхваченных кулаками, на своих компьютерах.

Я ничего не могу с этим поделать, *Кэрлайн*, говорят они мне. *Это ты виновата в том, что ты такая чертовски горячая!*

Они уже все это сделали. Они сделали так, что я не могу ходить по кампусу в шортах, не чувствуя себя распутной, глупой и полностью виноватой.

Но я не позволю им победить меня.

Я втягиваю руки в рукава настолько далеко, что могу выжать мокрое, а затем просовываю руки обратно через отверстия. Мне придется сменить рубашку позже. Пока это лучшее, что я могу сделать.

Бальзам для губ. Щетка для волос.

Один шаг за другим, час за часом, день за днем, пока не станет лучше.

Если я буду продолжать, в конце концов, должно стать лучше.

Я пересекаю кампус, обхватив руками торс. Замечаю голубое небо, веселые красные цветы, студенты, направляющиеся во всех направлениях, по одиночке и группами, целеустремленные, как муравьи.

Раньше я была так рада вернуться в Патнем. Мне нравился кампус с его зданиями из красного кирпича и дугообразной открытой аллеей, соединяющей общежития, марширующей вдоль простора зеленой лужайки. Мне нравились мои занятия и то, что я учусь в колледже, где я не самая умная. В отличие от детей в старших классах, здесь никто не укорял меня за то, что я слишком много внимания уделяю своим занятиям или занудствую по поводу Рэйчел Мэддоу. Практически все в этом заведении хотя бы немного зануды.

Но за последние несколько недель Патнем стал для меня испорченным. Возможно, навсегда.

Дело в том, что Нейт не просто разместил фотографии. Он использовал сайт, на котором они появились, чтобы переслать анонимную ссылку куче наших друзей. Ее разослали по электронной почте, и когда я заставила Бриджит сказать мне, посылал ли кто-

нибудь ей эту ссылку, она призналась, что получала ее по электронной почте в колледже семь раз. Семь. В Патнеме всего четырнадцать сотен студентов — триста пятьдесят в нашем классе. Я не могу представить, сколько раз это сообщение распространилось среди тех, кто не является моей лучшей подругой.

Оригинальное сообщение, которое разместил Нейт, исчезло, но фотографии продолжают всплывать на разных сайтах и в некоторых сообщениях по-прежнему упоминается мой колледж, мой родной город, я.

Когда я сейчас иду по Патнему, то смотрю на каждого парня, мимо которого прохожу, и думаю о том, видел ли он меня голой? Сохранил ли мою фотографию на свой телефон? Возьмет ли он ее и будет драть? Он тоже меня ненавидит?

Это мешает радоваться обычным вещам, когда, например, танцуешь с ними на вечеринках или болеешь за них на футбольном матче.

Мой телефон вибрирует в заднем кармане. Бриджит написала смс, спрашивая, иду ли я на ланч.

Я ответила: *Да. Ты?*

Да! Гардинер?

Я в 5 минутах.

Круто. Ты слышала про Уэста?

Я не знаю, как ответить, поэтому пишу: *Вроде того.*

Она отвечает: **Обморок*.*

Бриджит любит притворяться, что у нас с Уэстом тихий, кипящий роман.

Мне нравится делать вид, что мы с ним совершенно незнакомы.

Правда где-то посередине.

Когда я познакомилась с Уэстом, был день заселения первокурсников и было жарко. Жарко в Айове, это когда около 32 градусов с влажностью 98 процентов. В таких условиях лучше всего лежать на диване в каком-нибудь холодном подвале и смотреть телевизор, поедая яйца «Кэдберри». Или, если вы должны быть на улице, искать тень и мороженое. Не обязательно в таком порядке.

Вместо этого я переносила все свои земные пожитки из папиной машины на четыре лестничных пролета в комнату, которую я буду делить с Бриджит. Оказалось, что у меня много вещей. Во время последнего подъема у меня немного закружилась голова и папа настоял на том, чтобы я опустилась на ступеньку у входа в общежитие и пересидела этот подъем.

В тот момент он как раз поднимался в комнату, Бриджит еще не пришла, а Нейт переезжал в свою комнату в восточной части кампуса. Я была одна — потная, грязная, с красным лицом. Возможно, я мысленно сокрушалась о своих уставших подколенных сухожилиях и отсутствии обученных обезьян-помощников, которые могли бы выполнить за меня работу по переезду, когда ко мне подкатила самая уродливая машина, которую я когда-либо видела.

Машина была цвета сточных вод, с вмятинами и ржавчиной, с дверью со стороны пассажира, приклеенной скотчем. Пока я смотрела, она пересекла открытое парковочное место и в замедленной съемке перемахнула через бордюр на ухоженный газон колледжа, остановившись перед моими обувью в кроссовки ногами.

Я огляделась в поисках помощника-резидента, радар «хорошей девочки» пищал как

сумасшедший. На траве были следы шин! Машина выдыхала маслянистые облака вредных выхлопов! Этого нельзя было допустить!

Помощника-резидента в поле зрения не было.

Дверь со стороны водителя открылась и из машины вышел парень.

Я забыла свое собственное имя.

Возможно, это произошло потому, что я слишком быстро встала. Было жарко, а на завтрак я съела только поп-тарт, слишком взволнованная, чтобы есть яйца с беконом, которые пытался впихнуть в меня отец. Но у меня точно не было головокружения из-за того, как выглядел этот парень.

То есть, да, я признаю, что его внешность могла этому поспособствовать. Первобытная часть моего мозга жадно впитывала все детали его роста и телосложения, и этот рот, и его лицо, о Боже, а затем рациональная часть меня аккуратно складывала их в соответствующую папку.

Это была папка с ярлыком «Если бы ты не была с Нейтом».

Но меня зацепило не то, как парень выглядел. А то, как он двигался.

Я хочу сказать, что он выскочил из машины, но это звучит так, будто он слишком старался, а он явно не старался. Он от природы был таким грациозным, свободным и, Боже, я даже не знаю. Вам придется поверить мне на слово.

Он огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на мне.

— Ты ждешь приветственный фургон?

— Да, — сказала я.

Он подошел ближе и протянул руку.

— Я Уэст Левитт.

— Кэролайн Пьясеки.

— Приятно познакомиться.

Его рука была теплой и сухой. Это заставило меня вспомнить о своей липкой, жесткой хватке и о мокрых подмышках. Мой дезодорант перестал справляться несколько часов назад, и я чувствовала свой запах. Потрясающе.

— Ты приехал на машине? — спросила я.

Уголок его рта приподнялся, но он очень серьезно ответил: — Да.

— Откуда?

— Из Орегона.

— Ого.

Это заставило его рот приподняться еще больше, почти в улыбку.

— И далеко это?

— Около трех тысяч километров.

Я посмотрела на его машину. Заглянула в его машину.

Ладно, правда в том, что я подошла ближе к его машине, подальше от него, наклонилась и заглянула внутрь. Заднее сиденье было завалено походным снаряжением, аквариумом, полным лампочек и спутанных электрических проводов, плюс огромный прозрачный мусорный пакет, влажный от конденсата и содержащий, похоже, грязь. Также там была огромная коробка, полная банок с тушеной говядиной «Динти Мур» и несколько беспорядочно разбросанных рубашек.

Машина выглядела так, будто в ней жил бродяга. Я была потрясена.

Я также боялась продолжать смотреть на него. По его отражению в окне машины я

видела, что он вытянул руки за спину, что привело к тому, что натянулась футболка, выставив на обозрение то, на что мне, наверное, лучше было не смотреть.

— Ты ехал один? — спросила я.

— Конечно.

Он поднял руки вверх, чтобы расправить плечи. Его футболка задралась, и я смущенно отвела взгляд от его отражения.

— С опущенными окнами?

В этот момент я просто произносила слова ртом. Все чувства покинули меня.

— Да, — медленно сказал он. Когда я украдкой взглянула на него, его глаза были полны озорства. — Иногда я даже сходил с ума и высовывал руку.

Я почувствовала, как мое горло обдало жаром. Возвращение к непростительному любопытству по поводу его машины казалось самым мудрым вариантом действий.

Я заметила спальный мешок на переднем сиденье и подумала, не использовал ли он его прямо там, где он лежал. Неужели он просто остановился на обочине, опустил пассажирское сиденье и уснул? Ел ли он холодную тушенку из консервных банок? Потому что в подстаканнике точно была открывашка.

А на полу, с пассажирской стороны, точно лежала слегка помятая, открытая коробка презервативов.

— Ты не беспокоишься о ботулизме?

В свою защиту скажу, что у меня действительно была причина для вопроса. Я увидела банки, заметила, что на некоторых из них были вмятины, а потом вспомнила школьный урок биологии, где мы изучали анаэробные бактерии и то, как они растут в безвоздушном пространстве. Иногда на банках появляются вмятины и крошечное отверстие, которое даже не видно, но бактерии попадают внутрь и сходят с ума, размножаясь. Когда вы открываете банку, еда выглядит нормально, вы едите ее, но потом умираете.

Все это имело смысл в моей голове. Только когда выпрямилась и повернулась — от чего у меня снова закружилась голова, наверное, потому что я слишком сильно наклонилась, заглядывая в его машину, как какой-то урод из пип-шоу, — я поняла, что для него это не имело никакого смысла. Его брови сошлись в одну линию.

— Из консервных банок. С вмятинами, — сказала я.

Брови не сдвинулись.

— Анаэробные бактерии? Жуткая, мучительная смерть?

Он медленно покачал головой взад-вперед, а потом сделал самое ужасное.

Он ухмыльнулся.

Это было похоже на ядерную атаку.

— Ты странная, не так ли? — спросил он.

Это не я тот парень, у которого в машине презервативы и тушеная говядина.

Однако, я не сказала этого. Я была слишком занята тем, что улыбалась как полная идиотка.

Ухмылка Уэста так на меня действует. Он не часто ее демонстрирует, но, когда он это делает, я теряю голову.

Кроме того, мир стал каким-то нечетким и обрывистым по краям. Я ударилась бедром обо что-то твердое, что при дальнейшем расследовании оказалось дверью его машины, а потом я опустилась, прижалась лбом к горячей передней шине и сказала:

— Это потому, что у них нет обезьян-помощников.

Я даже не знаю, что имела в виду. На меня вдруг накатил сонливостью, а он был совсем близко, тянулся ко мне. Я чувствовала его дыхание на своей шее, слышала, как он бормочет что-то о том, чтобы забраться внутрь и обо мне.

Мне понравилось, как это звучит.

Тяжесть на моих плечах оказалась его рукой, обхватившей и опустившей меня на спину. В течение одного медленного, идеального удара моего сердца он стоял на локтях надо мной, его бедра прижимались к моим. Он хорошо пах. Теплый и насыщенный, как что-то потрясающее, что можно съесть и что будет таять на моем языке.

Потом он отодвинулся, и мы лежали бок о бок на земле. Я смутно подумала, не делает ли меня мое желание, чтобы он снова забрался на меня сверху плохой девушкой. Считается ли это изменой? Потому что мне нравились его руки на мне. Мне нравился его запах.

Я закрыла глаза и вдохнула Уэста Левитта, зеленую траву и теплую землю.

Уверена, что все еще улыбалась, когда потеряла сознание.

Бриджит окликает меня у стеклянных дверей на входе в столовую.

Она сияет все время, пока я пересекаю вестибюль, вплоть до того момента, когда я подхожу достаточно близко, чтобы она могла видеть мое лицо.

— Что случилось с твоим носом?

— Он столкнулся с локтем.

— Тебе придется это объяснить.

— Да, я знаю. Но дай мне секунду.

Мы проходим через двери, берем подносы и ждем, пока горстка студентов перед нами пройдет свой путь по линии, прежде чем я нырну внутрь.

— Ты же знаешь о драке? Уэста и Нейта? Я вроде как попала под перекрестный огонь.

— Нейт ударил тебя? Боже мой! Это ужасно. Ты вызвала охрану? Потому что это серьезно, Кэролайн. Я даже не шучу, ты не можешь позволить этому продолжаться, как сейчас, или...

Я касаюсь ее руки, чтобы остановить поток слов. Бриджит говорит словно пулемет. Приходится прерывать поток, если хочешь вставить хоть слово.

— Это был не Нейт. Уэст толкнул меня локтем, я думаю. Никто из нас не уверен, вообще-то.

Ее глаза становятся огромными.

— Ты говорила с ним?

Я знаю, что она себе представляет — Уэст и я, спрятались где-то в укромном и интимном месте и он прижимает теплый компресс к моему лицу. На самом деле, именно так я с ней и познакомилась. Я потеряла сознание рядом с машиной Уэста и очнулась на своей кровати в общежитии с холодным бумажным полотенцем на голове и Бриджит, склонившейся надо мной, с морщинами на лбу и обеспокоенными голубыми глазами, как какой-то очаровательный рыжеволосый ангел с веснушками на лице.

— Не совсем, — говорю я. — Тебе идет этот цвет.

Это правда: Бриджит хорошо смотрится в голубом. Но в основном я говорю ей об этом, потому что она спортсменка — бегунья на длинные дистанции в команде по легкой атлетике и у меня вошло в привычку делать ей комплименты всякий раз, когда она надевает обычную одежду, просто чтобы поощрить эту практику.

Мы проходим через очередь за горячим питанием.

— У вас есть не жареная курица? — спрашивает она у работника.

— Нет, только то, что вы видите.

— Хорошо, спасибо, — она тренируется, поэтому очень тщательно следит за тем, что ест.

Я беру тарелку курицы с пармезаном и два шоколадных пирожных с мятой. В данный момент меня волнуют более важные вещи, чем калории.

— Даже не думай, что я не заметила, как ты сменила тему, — говорит Бриджит, когда мы прошли от очереди к салат-бару, где она взяла вареные яйца и зелень. — Мне нужно знать, что он сказал. Например, был ли он все еще зол после драки или он был милым? Вы ушли куда-то в тихое место или были в толпе? Насколько он был расстроен, что ударил тебя? Потому что Кришна говорит...

— Он ничего не говорил, — уточняю я. — Ему пришлось уйти, чтобы его не поймали и не исключили или что-то в этом роде.

— Но ты сказала, что разговаривала с ним.

— Нет, не говорила.

Она закатила глаза.

— Ты намекнула на это, девочка-адвокат.

— Мы обменялись несколькими фразами. Он хотел убедиться, что со мной все в порядке.

Теперь мы переходим к напиткам. Бриджит берет молоко. Я беру себе колу со льдом.

— Он сказал что-нибудь о том, почему он это сделал? — спрашивает она.

— Нет.

— А ты спрашивала? Ты слышала, как они спорили? Дай мне что-нибудь. Только ты можешь вести себя так, будто то, что Уэст и Нейт ударили друг друга, а ты получила по лицу — это ничего страшного. Эй, где твой свитер?

— Мне пришлось его выбросить. Он был весь в крови. И, нет, я не слышал их и не спрашивала.

— Это отстой. Мне нравился этот свитер, — мы подносим наши карточки к кассе, чтобы внести еду, и она начинает идти к ближайшему свободному столику. Оглянувшись на меня через плечо, она улыбается.

— Хочешь знать, что я услышала?

— Что? — я слишком резко опускаю поднос на стол.

Ее улыбка ослабевает.

— Ты расстроена.

— Нет.

Нет. Я просто... в замешательстве. Что-то происходит, и в наши дни, когда что-то происходит, это редко бывает хорошо. А если это что-то касается Уэста и Нейта, то, боюсь, я не хочу об этом слышать.

Мы садимся. Я напрягаюсь.

— Просто скажи мне, хорошо?

— Я слышала, они ссорились из-за тебя.

Черт, черт, черт.

— Кто тебе это сказал?

— Кое-кто из их класса. У них макро вместе.

— У Нейта и Уэста?

— Да, и Сьерра, ты ее знаешь? Она сказала, что после урока Нейт пошутил как-то случайно, а Уэст на него накиннулся и это вылилось в спор о тебе.

— Что они сказали?

У меня в животе камень, плотный и горячий. Я потягиваю колу, закрывая глаза от чувства обреченности, опускающегося на мои плечи.

— Не уверена, — тон Бриджит осторожный. — Сьерра уловила не все, только твое имя.

Я нажимаю на курицу вилкой, но даже не могу заставить себя разрезать ее. Когда я положу ее в рот, она будет на вкус как пепел. Сгоревшие останки той жизни, которая была у меня раньше.

Люди говорят обо мне. Не в лицо, а за спиной. Постоянно. Я взяла с Бриджит обещание рассказывать мне все, что она слышит, потому что я должна знать. Только так я могу быть уверена, что они забывают, как я хочу.

Во мне нет ничего особенного — обычная девушка из колледжа. Я должна быть в состоянии раствориться на заднем плане, если не буду высовываться. Надеюсь, что через год об этом почти никто не вспомнит. Какая Кэролайн?

Это не совсем то, что я планировала. Я думала, что смогу стать президентом студенческого совета на младших курсах, максимум на старших. Но я могу отказаться от этих амбиций, если понадобится. Я лучше буду безымянной, чем известной.

— Сьерра сказала, что это было довольно романтично, — продолжает Бриджит. — Он защищал твою честь.

Это такая абсурдная идея — что у меня есть честь. Что Уэст будет ее защищать.

Я едва знаю его. Я разговаривала с ним всего один раз.

Мы с Уэстом не друзья.

И последние несколько недель единственные люди, которые заботятся о моей чести — это Бриджит и я. Никто из моих старых друзей не может посмотреть мне в глаза. Мы с Нейтом пришли как единое целое и когда им пришлось выбирать сторону, я думаю, его сторона выглядела более веселой.

— *Я бы никогда не сделал ничего подобного,* — сказал Нейт с невозмутимым лицом, когда я столкнулась с ним в этой самой столовой перед кучей друзей. — *Как ты могла подумать, что я мог бы?*

А потом, после того как я распаялась, а он еще несколько минут отнекивался, он сказал: — *Думаю, некоторые девушки просто так сильно хотят внимания, что готовы на все, чтобы его получить.*

Я смотрю в окно на лужайку, не в силах прожевать и проглотить мысль о том, что Уэст Левитт защищает мою честь. Я вообще не в состоянии это переварить.

В прошлом году, когда я пришла в себя после обморока у машины Уэста, первое, что я услышала, был сердитый мужской голос в коридоре. Кричал мой отец, в чем не было ничего нового. Он судья, поэтому большую часть своего профессионального времени он проводит спокойно и рационально, но вне работы он — единственный родитель трех маленьких дочерей и у него есть склонность кричать, когда он чувствует угрозу. А это бывает часто.

Вы просто должны знать, как с ним обращаться. Моя старшая сестра, Жанель, подлизывается. Элисон обычно плачет. Я привожу ему аргументированные доводы, обращаясь к логике, пока он не успокоится.

Папа, должно быть, был в конце коридора у лестницы, потому что я не могла разобрать, что он говорит. Время от времени в его тираду врывался более низкий и

спокойный голос.

Голос Уэста.

Я разобралась во всем этом только позже. В то время моя голова казалась огромной и туманной, и я спросила девушку, склонившуюся надо мной:

— Кто ты?

— Я Бриджит, — ответила она. — Ты в порядке? Ты упала в обморок. Этот симпатичный парень отнес тебя вверх по лестнице, и я не знаю, что он сказал твоему отцу, но твой отец в ярости, и он всегда такой страшный? Потому что, если так, то я рада, что ты здесь — тебе будет намного приятнее, и еще...

Она продолжала, пока дверь не распахнулась, и в комнату не вошел мой отец, краснолицый и потный подмышками его поло для гольфа. Он сел рядом со мной на кровать, настолько явно взволнованный, что от его головы могли бы подниматься струйки дыма.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — это была ложь.

— Я собираюсь попросить тебя переехать в одно из женских общежитий.

Я резко села.

— Что? Почему?

— Тот мальчик там — он не очень хорошо на тебя повлияет. Ты не должна жить рядом с таким мальцом.

— Таким? Что он сделал?

Ну. Это был неправильный вопрос. В течение следующих нескольких минут я узнала, насколько тревожно для отца оставить свою младшую дочь всего на несколько минут, а затем вновь обнаружить ее лежащей на земле под неизвестным парнем. Особенно, когда твоя дочь оказывается без сознания.

Все это усугублялось, по словам моего отца, наркотической атрибутикой на заднем сиденье машины панка. Под этим, я думаю, он подразумевал аквариум, лампы и мешок с грязью, а не «Динти Мур». Хотя, кто знает? Я была совершенно не в своей тарелке. Услышав слова наркотические атрибуты, я представила себе короткие отрезки толстой резины, пакетики с героином, шприцы.

Мой отец все еще читал лекцию, когда появился Нейт и все усугубил. Папа три года старался сделать так, чтобы мы с Нейтом никогда не оставались наедине возле горизонтальной поверхности, и вот теперь Нейт вошел в мою спальню без стука.

Мой отец покраснел еще больше.

Я быстро представила Бриджит Нейту, Нейта — Бриджит, и Бриджит — моему отцу. Я много улыбалась, стараясь казаться здоровее, чем я себя чувствовала, потому что это был первый этап того, что окажется трудной кампанией по обеспечению того, что, когда мой отец уедет — через три дня вместо одного, потому что кампания была чертовски долгой и упорной — я все еще буду в этом общежитии, в этой комнате, с Бриджит.

Я победила, но Уэст был необходимой жертвой. Мой отец не уходил, пока я не согласилась, что не буду иметь ничего общего «с этим мальчиком».

Смешно было даже подумать, что я могла бы иметь с ним что-то общее. Оказалось, что папа был прав насчет наркотиков.

Дверь Уэста и Кришны всегда была закрыта, шторы задернуты. У них был постоянный поток гостей, они включали громкую музыку и раздражали меня своими поздними часами и

запахом сандалового дерева и липко-кислотного дыма из своей комнаты, которым был пропитан весь наш этаж.

Уэст установил аквариум и лампы в каком-то секретном месте — никто, похоже, не знал где — и выращивал небывалый урожай травы. Это по словам Кришны, который часто торчал у наших дверей, болтая с Бриджит и мной.

С Кришной я могу поговорить. Но с Уэстом... нет. То, как он ходит — его развязность, которая не является развязностью — как будто он знает дорогу, даже если он находится в месте, где никогда не был раньше. Из-за его уверенности он кажется старше меня, а Бриджит постоянно рассказывает мне о нем что-то, что закрепляет это впечатление. Очевидно, он одолжил деньги одному парню из психологического класса Бриджит, чтобы тот смог купить билет на самолет, чтобы увидеться со своей девушкой. Уэст взял с него проценты. Мне интересно, ломает ли он коленные чашечки, если кто-то не возвращает ему деньги.

Он больше, чем я могла бы выдержать, даже если бы мне разрешили с ним разговаривать.

Я ограничила свои отношения с Уэстом тем, что смотрела на него издали — и я бы не сделала даже этого, но ничего не могу с собой поделать. Когда он рядом, я должна смотреть на него.

Он тоже это знает. Однажды он даже ухмыльнулся, когда шел по коридору в полотенце. Боже. Думаю, я была красной целый час после этого.

Я так и не узнала, что он сказал моему отцу. У меня такое чувство, что, чтобы это ни было, он не защищал мою честь. Мне трудно понять, почему он начал это делать сейчас.

Может быть, я должна быть благодарна, но я не могу. Мне не нужны такие парни, как Уэст Левитт, защищающие меня. Он печально известен. Наркоторговля и это лицо, эта улыбка... почти все в кампусе знают, кто он такой.

Он привлечет ко мне внимание. Моя главная цель в жизни на данный момент — исчезнуть.

Когда я мысленно возвращаюсь к столу, Бриджит чистит вареное яйцо и наблюдает за мной. Она привыкла к моим долгим молчаниям. Она яростно предана, бесконечно поддерживает меня. Это лучший человек, которого я могла бы иметь на своей стороне.

— Если люди хотят знать, что я думаю о том, что сделал Уэст? — начала я.

— Да?

— Скажи им, что все это было недоразумением. Я тут ни при чем.

Она наморщила лоб.

— Но я подумала, что это хорошо. Кто-то еще на нашей стороне, верно?

— Я не хочу, чтобы были стороны, Бридж, — мягко говорю я. — Я хочу, чтобы у людей была амнезия на весь этот вопрос. Борьба имеет тенденцию быть вещью, которую люди помнят.

Она прикусывает губу.

— Мне не нужно, чтобы люди связывали меня с ним, ясно? Мне нужно держаться в тени.

— Если ты хочешь, чтобы я так сказала, я так и скажу, — заверила она меня. — На этом все и закончится.

Я пытаюсь улыбнуться и убираю курицу на поднос, затем подтягиваю мятное пирожное ближе и вонзаю вилку в толстый слой глазури. Темная черная глазурь поверх зеленой, такой яркой, что почти неоновой.

Это будет конец.

Хотелось бы верить ей, но я больше не могу делать такие предположения. Я поняла, что, когда зло выползает из змеиной ямы, нужно его выследить и раздавить. Затем нужно предположить, что у него были дети и отправиться на их поиски.

У меня есть прошлое, которое нужно стереть, если я собираюсь претендовать на будущее, которого я всегда хотела — будущее, которое требует, чтобы я поступила в хорошую юридическую школу, чтобы я могла работать клерком у великого судьи и начать заводить связи, которые, по словам моего отца, мне нужны, если я хочу когда-нибудь сама стать судьей. Что я и делаю. Я хочу пойти еще дальше. Офис в штате Вашингтон, округ Колумбия.

Мой папа всегда говорил, что первый шаг к достижению желаемого — это знать, чего ты хочешь и что нужно для этого сделать. Нет ничего постыдного в том, чтобы ставить перед собой высокие цели. Для своего проекта «День истории» в шестом классе я написала книгу президентских лимериков, по одному на каждого президента. К девятому классу я на общественных началах проводила агитацию от двери к двери и попала в списки рассылки демократов колледжа Патнем и республиканцев Патнема еще до того, как получила письмо о зачислении.

Я знаю, чего хочу и знаю, что нужно сделать, чтобы получить это. Для этого нужно много трудиться и жертвовать собой, но также нужно иметь чистое досье. Никаких арестов, никаких скандалов, никаких сексуальных фотографий в интернете.

Мне не нужно, чтобы кто-то ходил и избивал людей от моего имени. Я не могу допустить, чтобы это случилось снова.

Мне нужно поговорить с Уэстом.

Я нахожу его на четвертом этаже библиотеки.

Здесь все заставлено журналами, полки сдвинуты в центре, учебные столы стоят вдоль внешних стен, плюс ксероксный аппарат, за которым я провела слишком много времени, копируя литературную критику Т.С. Элиота в прошлом году.

Уэст стоит у тележки, полной книг, спиной ко мне и ставит на полку толстый красный том чего-то. Мне требуется минута, чтобы понять, что это он. Я уже осмотрела первые три этажа и начала паниковать, что его может здесь не быть. Я заметила, что часто вижу его с тележкой по четвергам во второй половине дня, но это мало что значит.

У него в ушах наушники и я не думаю, что он меня заметил, поэтому на секунду задумалась о том, что хочу ему сказать. Я чувствую себя потной и неухоженной, хотя после обеда я нашла время, чтобы сменить рубашку и накрасить губы.

Никогда не делала этого раньше.

Я никогда не начинала разговор с Уэстом.

Это кажется более пугающим, чем должно быть, не только потому что он такой — запретный, но и потому, что это четвертый этаж. Неписаное правило Патнема гласит, что четвертый этаж библиотеки — это пространство священной тишины.

Уэст берет другую книгу. Чтобы поставить ее на полку, ему приходится тянуться над головой, из-за чего его рубашка поднимается, и я вижу, что джинсы подпоясаны толстым коричневым кожаным ремнем. Его ботинки черные, как и футболка. На ней большой неровный оранжевый шов через всю спину, как будто приплыла акула и прокусила гигантскую дыру, а потом он передал ее семилетнему ребенку, чтобы тот зашил ее.

Я не могу представить, как такая футболка вообще может существовать. Или почему

кто-то может ее носить.

Одежда Уэста иногда бывает такой. Просто... случайной.

Мне это даже нравится.

Когда он опускается на пятки и наклоняется над тележкой, его футболка снова поднимается, обнажая часть поясницы.

Я прочищаю горло, но его музыка, должно быть, слишком громкая, потому что он не поворачивается ко мне. Я подхожу ближе. Он опустил голову, его рука тянется к книге на нижней полке.

Черт.

Теперь я так близко, что наверняка напугаю его, когда он наконец поймет, что я здесь.

Я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить это. Я протягиваю руку, намереваясь коснуться его достаточно долго, чтобы привлечь его внимание, но в итоге прижимаю ладонь к его позвоночнику.

Это случайность. Я почти уверена, что это случайно.

На восемьдесят процентов.

Он не подпрыгивает. Просто полностью, абсолютно неподвижен. Настолько неподвижен, что я слышу музыку, играющую в его наушниках. Она громкая, с сердитым вокалом и настойчивым, гулким ритмом, который совпадает с внезапным пульсом между моих ног.

О, я думаю, может быть, это не случайность, в конце концов.

Спина Уэста неприлично горячая под моей ладонью. Я смотрю на свои пальцы, приказывая им двигаться в течение нескольких долгих секунд, прежде чем они действительно повинуются. Когда я отдергиваю руку, она кажется намагниченной. Как будто есть какая-то тяга, сила, тянущая ее обратно к Уэсту.

Уверена, что эта сила называется похотью.

Уэст выпрямляется и поворачивается, и я еще до того, как он это делает, понимаю, что просчиталась и теперь полностью в его власти, а значит, обречена. Я не уверена, что у него есть милосердие. Он точно не выглядел таковым, когда бил Нейта достаточно сильно, чтобы мне стало физически плохо.

Он вытаскивает наушники, а я пытаюсь думать о чем-то другом, кроме слова обречена.

Обречена, обречена, обречена.

Я пытаюсь вспомнить, что я собиралась сказать ему — у меня была целая речь, но я не могу.

Не могу.

Вместо этого я смотрю на его ремень. Я думаю о том, чтобы схватить его и притянуть ближе. Как будто это то, что я могу сделать, то, что я когда-либо делала с кем-либо, тем более с Уэстом Левиттом.

Обречена-а-а-а-а.

— Хей, — говорит он.

Что нечестно, потому что это означает, что я должна посмотреть вверх.

В конце концов, я это делаю.

Наши глаза встречаются. Его зрачки огромные и есть что-то, настолько напряженное в том, как он смотрит на меня, что это даже пугает. Только страшно — это не то слово. За последние несколько недель я испытала много страха, но это совсем другое.

Это пугает, как пауза на вершине самого крутого холма на американских горках, когда

ты готовишься к падению.

— Хей, — говорю я в ответ.

— Что случилось?

— Могу я с тобой поговорить?

Он обдумывает эту просьбу.

— Нет.

Это не то, что я ожидала от него услышать.

Все, что я могу сказать, это — О.

Потом снова тишина, кроме его музыки и этой... этой атмосферы. Я думаю, что это, должно быть, он. Думаю, он создает эту атмосферу своей кожей и глазами, которые сейчас кажутся почти серебристыми и, возможно, он также создает ее всеми мышцами своих предплечий, которые сжимают и разжимают его руки таким образом, что это просто...

Это просто что-то... интенсивное, я думаю. Угрожающее, но без угрозы.

Я никогда раньше не стояла так близко к нему. Никогда не оставалась с ним наедине с того дня, когда он припарковал свою машину прямо у моих ног и заставил меня потерять сознание.

За всю свою жизнь я никогда не чувствовала такого волнения, неловкости и бессмысленного беспокойства.

Пока он не сделал шаг ко мне. Это еще хуже.

И лучше тоже.

Лучше-хуже. Это точно.

Я отступаю назад.

Он должен перестать шагать ко мне, когда я отступаю, но он не делает этого. Он продолжает идти. Он движется прямо в зону моего личного пространства, и я оказываюсь прижатой к стеллажам, мой зад прижимается к низкой полке, руки Уэста упираются по обе стороны от моей головы.

— Я работаю, — говорит он. Как будто я книга, а он ставит меня на полку.

Я пытаюсь сказать, что зайду позже, но вместо этого издаю какой-то шелкающий, булькающий звук, который делает меня похожей на лягушку-быка. Я чувствую, что моя шея покраснела — это всегда признак того, что я смущена. Я прочищаю горло и умудряюсь ответить.

— Все в порядке. Я могу... вернуться позже. Или позвонить тебе.

У меня нет его номера телефона. И я не собираюсь ему звонить.

Не знаю, почему я воображаю, что чувствую тепло его кожи, потому что это невозможно. Он не может быть так близко. Я поднимаю глаза вверх, пытаюсь визуальным образом измерить количество сантиметров между нашими лицами.

Это совсем не много сантиметров.

Уэст не касается меня, но он гораздо ближе, чем нужно и то, как он смотрит на меня сверху вниз, его грудь быстро поднимается и опускается, краснота на щеках — я не могу не думать о том, как его кулак соединился со ртом Нейта. Как Нейт упал на пол, тяжелый и поверженный.

Он сделал это для меня, я думаю.

Я пришла сюда, чтобы спросить его, но уже знаю.

Он сделал это для меня и вот как он выглядит после этого. Расширенные зрачки, горячая кожа, учащенное и поверхностное дыхание.

Вот так он выглядел бы в постели.

Я закрываю глаза, потому что мне нужно сориентироваться. Я представляла себе деловой разговор с Уэстом.

Пожалуйста, не делай так больше, — сказала бы я.

Хорошо, если для тебя это так важно, — ответил бы он.

Да, именно так, для меня это важно, — сказала бы я ему.

Затем, возможно, я прочитала бы ему лекцию о том, как важно разрешать конфликты без насилия, после чего последовал бы бодрый обмен рукопожатиями.

Я не представляла себе румяную кожу его шеи прямо у воротника футболки. Щетину на его челюсти в том месте, где она переходит в ухо. Я не ожидала, что он пахнет мятой и библиотечными книгами, стиральным порошком и теплой кожей.

Боже, он пахнет фантастически, но он также немного пугает, и я понятия не имею, каковы сейчас правила. Вообще не представляю.

Мне нужны правила, чтобы пройти через это. Я из тех, кто придерживается правил.

— Уэст, — шепчу я.

Это должно звучать спокойно и по-деловому, но вместо этого звучит так, будто я умоляю его о чем-то, и думаю, он воспринимает это как сигнал. Он опускает голову к моему плечу. Его губы... Я не могу быть уверена, но мне кажется, что его губы очень близко к моей коже. Я чувствую его дыхание возле своего уха, и мои соски твердеют.

— Уэст, какого черта?

— Зачем ты пришла сюда, а? — пробормотал он.

А потом — это самое худшее и самое лучшее, безусловно — он поворачивает голову и целует мою челюсть, приоткрыв рот.

Это как прикосновение шелка. Как молния.

Я не знаю, на что это похоже.

Но я знаю, что это совсем не то, что должно происходить.

За исключением того, что атмосфера, которую создает Уэст, заставляет меня чувствовать, что именно это и должно происходить. Именно так. Угроза Уэста — это как бы секс в аэрозольной форме. Он делает его своим телом, а потом наносит его на меня.

Мое тело тоже в этом участвует. Мое тело на борту.

Мое тело — такой предатель.

— Почему ты должна была прийти? — его голос низкий и хриплый. Томный. Его голос — крючок, зацепивший меня. Затягивающий меня.

Музыка из его наушников — далекий барабанный бой и Уэст не двигает руками. А вот я — да. Мои скользнули к его шее, запутались в волосах, притягивая его голову вниз.

Ладно, нет, не скользнули. Но они хотят этого. Они прямо-таки чешутся, чтобы выйти из себя и, возможно, он видит это в моих глазах, потому что он издает этот звук, который даже не звук. Это просто взрыв дыхания, который делает зажигательные вещи с моими трусиками.

— Скажи мне, — настаивает он.

Что сказать?

Я понятия не имею, о чем он говорит. Единственное, что я знаю, если он не поцелует меня в ближайшее время — я умру. Он такой горячий и дело не только в том, что его кожа теплая, хотя это так. Я чувствую, как в нем бурлит вся энергия от борьбы. Он все еще под кайфом от адреналина и наркотиков. Он не в себе. Я не уверена, откуда я это знаю, но я

знаю. Уэст — не Уэст, а я — не Кэролайн. Не с ним так близко. Прижавшись ко мне, обогревая меня, дыша мне в шею, он чувствуется парнем, который едва держится на ногах. Парнем, который выбьет дерьмо из того, кто не прав, если тот не прав, но который предпочел бы провести остаток дня и половину ночи, трахая того, кто прав.

Этим кем-то можешь быть ты.

Не могу поверить, что я только что подумала об этом.

— Скажи мне, — снова говорит он.

— Что сказать?

— Почему ты здесь.

Я отворачиваюсь, смотрю в сторону и вверх, потому что хочу, чтобы он меня поцеловал, но не должна. Я не знаю его. Не уверена, что он мне нравится. Он пугает меня. Костяшки его пальцев разбиты в том месте, где они сжимают металлический стеллаж — сжимают так сильно, что они побелели. Уэст сдерживается от того, что хочет сделать со мной и я думаю, что будет, если он отпустит себя?

Позволю ли я ему развернуть меня, перегнуть меня через эту полку, погрузиться в меня?

Я пытаюсь отогнать эти мысли, но, Боже, я чувствую призрак того, на что это было бы похоже. Это было бы электричество. Горячо и скользко, потно и быстро, самое эротичное, что когда-либо случалось со мной. Я знаю это. Я знаю.

Но потом все закончится, и я думаю, что знаю, на что это будет похоже. Уэст молчит и замыкается. Закрытая дверь.

Я никогда даже не разговаривала с ним.

Я толкаю его в грудь, пытаюсь снять заклятие.

— Уэст. Мы должны поговорить.

— Мы разговариваем.

Но я не владею его вниманием. Его внимание ниже, потому что... *когда его колено оказалось между моих бедер? И действительно ли я...? О. Да. Я как бы почти верхом на нем.*

— Отойди, — говорю я.

Я говорю шепотом, снова нервничая, что меня подслушают и будут презирать студенты — хотя на самом деле я их не видела — или, что еще хуже, что меня увидят здесь, делающей это. Они будут говорить обо мне. Они никогда не перестанут говорить о том, что я оседлала бедро Уэста в библиотеке спустя час после того, как он ударил Нейта в лицо.

Это худшее из всего, что я могла бы сейчас делать.

— Уэст, отойди.

Он поднимает голову. Его темные волосы падают ему на лицо, а глаза похожи на осколки неба.

Он отходит назад.

— В чем дело?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Я сейчас не в настроении разговаривать, Кэр.

Моя голова проясняется. Никто ни на что не нарывается.

Это все просто гормоны. Адреналин. Так и должно быть. Уэсту биологически свойственно хотеть с кем-то спариться после демонстрации своей мужественности, подпитываемой тестостероном, а мне... наверное, биологически свойственно, чтобы со мной спаривались.

Но я сильная. Я могу подняться над своей биологией.

Я надеюсь.

— Очень жаль, — говорю я, — потому что именно поэтому я искала тебя. Чтобы мы могли поговорить как цивилизованные существа.

Уэст просто смотрит на меня.

— А не как звери, — добавляю я.

— Я зверь, — медленно произносит он. — И мы спариваемся?

Ему не нравится это слово. Он выплевывает его, как будто оно ему противно.

— Как бы ты это назвал?

— Я не знаю, как это назвать. Может, тебе стоит сказать, зачем ты за мной гоняешься?

— Я не гонюсь за тобой. Я просто...

Взбешенный мужской голос говорит:

— Ш-ш-ш.

Четвертый этаж. Черт.

Когда я снова открываю рот, мои мысли разлетаются как шарики, и я с трудом могу даже посмотреть на Уэста. Он скрестил руки. Костяшки пальцев обхватывают его бицепсы. Он выглядит жестким.

Все в Уэсте жесткое.

Говори, Кэролайн, — призывает мой мозг.

Слова. Предложения. Давай.

— Я хотела, эм... О том, что было раньше. Понимаешь, я слышала от Бриджит, что...

— Ш-ш-ш-ш.

Снова тот же раздраженный голос. Я теряю слова, запыхавшись и готовая бросить все это дело.

Уэст говорит, очень спокойно:

— Есть еще три этажа, приятель. Выбирай один из них или заткнись нахрен.

— Это тихий этаж, — жалуется невидимый парень.

— Покажи мне, где это написано.

— Все знают.

Уэст качает головой.

— Я не все.

На мгновение наступает тишина, затем раздается гулкой звук отодвигаемого стула. Молния рюкзака. Шаги извещают о приближении — студент смотрит на Уэста злыми глазами, но продолжает идти, и я слышу, как открывается дверь на лестничную клетку.

Через мгновение, перед тем как дверь захлопывается, до меня доносятся слова — Тупая шлюха.

Уродство этих слов глубоко врезается в мое больное место.

Он не первый, кто назвал меня шлюхой, но он первый, кто сказал это так, чтобы я его услышала. И честно? Не помогает то, что он говорит это сразу после того, как я позволила Уэсту прижать меня к стеклам и засунуть колено между моих бедер.

Не помогает и то, что мои трусики мокрые. Я чувствую себя шлюхой. Чувствую, что разрываюсь на части, не в состоянии придерживаться нужной линии более пяти минут.

Тупая киска раздвинет ноги для любого, — говорят мужчины в моей голове.

Я бы хотел посмотреть, как он ее трахнет. Я бы заплатил хорошие деньги, чтобы посмотреть на это.

Я смотрю на Уэста. Я чувствую себя презираемой и бессильной и мне так обидно, что он видит меня такой, что он смотрит так пристально и действительно видит то, что я стараюсь никому и никогда не позволять видеть.

Что я нахожусь на грани срыва. Все время.

Его глаза смягчаются, в них появляется жалость и от этого становится в сто раз хуже.

Глупая, жалкая шлюха.

— Все в порядке, — говорю я. — Я уже слышала это раньше.

— Это не нормально.

Я бессмысленно машу рукой в воздухе, потому что у меня нет ответа. Это не нормально. Но теперь это моя жизнь.

— Кэрлайн, это не нормально, — Уэст кладет руки мне на плечи.

Яжимаю плечами и делаю шаг в сторону, чтобы выйти из-под его рук.

— Я знаю, хорошо? Тебе не нужно орать на меня. Я знаю. Он собирается рассказать всем и тогда весь кампус будет шептаться о том, как мы практически трахались на четвертом этаже Гамильтона. Я поняла. Мне жаль, хорошо?

Мне кажется, его глаза могут прожечь во мне дыры, настолько они яростны. Кажется, что в них мелькают маленькие искорки. Морщины возле его рта становятся глубже.

— О чем ты сожалеешь?

О чем я не сожалею?

Я жалею обо всем, что когда-либо делала с парнем. Мой первый поцелуй, который произошел после танцев в восьмом классе с мальчиком по имени Коди. Мой первый французский поцелуй, который был с Нейтом. О том, что позволила Нейту снять с меня лифчик и ввести в меня свои пальцы. О том, что спала с Нейтом и думала, что мы занимаемся любовью. Сожалею о том, что покупала для него нижнее белье, позволяла ему фотографировать, когда думала, что это сблизит нас.

О Уэсте я тоже сожалею. Я сожалею о том, что только что произошло с Уэстом.

— Обо всем, — шепчу я.

Это неправильные слова. Его руки вцепляются в волосы, сжимая их.

— Господи. Я даже не могу понять, что с тобой, а?

— Ничего, что можно было бы исправить.

— Так почему ты здесь?

Я делаю глубокий вдох. Я могу это сделать.

— Мне нужно знать, что это больше не повторится. Что ты не будешь ходить и бить людей из-за меня.

Он хмурится, между его бровями глубокая морщина.

— Кто сказал, что это из-за тебя?

Вопрос застаёт меня врасплох.

— Я слышала... слышала, что вы, ребята, спорили из-за меня. Сьерра сказала Бриджит.

— Я не знаю никакой Сьерры.

— Думаю, она знает тебя.

Его лицо становится еще темнее.

— Это не ее дело. Или твое. Это между мной и Нейтом.

— Я думаю, мы уже прошли тот момент, когда ты можешь разыгрывать карту не твое дело.

Это еще больше его взволновало. Он отходит, следуя до конца ряда. Затем возвращается

и хватает тележку обеими руками. Он выглядит так, будто хочет засунуть ее в меня.

— Он меня разозлил. Это все, что тебе нужно знать.

— Да, но...

Опустив голову, он ударяет носком ботинка по тележке. Не сильно, но достаточно сильно, чтобы создать слишком много шума.

— Ты должен рассказать мне, что случилось, — говорю я так спокойно, как только могу. — Тогда я оставлю тебя в покое.

Он поднимает голову.

— Ты думаешь, это то, чего я хочу? Чтобы ты оставила меня в покое?

Я не знаю, чего он хочет, поэтому поджимаю губы.

— Он вывел меня из себя, потому что он самодовольный, высокомерный урод, — говорит Уэст. — И мне было чертовски противно слушать его разговоры, ясно?

— Так что, я тут ни при чем?

Он снова проводит рукой по волосам. Отворачивается.

— Уэст?

— Я бы так не сказал.

Я жду.

Мне приходит в голову, что я умею ждать, и, возможно, в этом мое преимущество перед Уэстом. Он более опытный, более уверенный, но он непостоянен, а я нет. Я буду стоять здесь, пока он не закончит свою истерику и тогда ему придется рассказать мне.

Я жду еще немного.

Он снова поворачивается ко мне.

— Я сделал это не для тебя, ясно? Я просто не мог больше этого выносить. Он заслуживал того, чтобы его избили, и никто другой этого не делал. Но если у тебя есть какие-то фантазии о герое, можешь забыть об этом.

— И что это значит?

— Знаешь. Если ты заводишься, думая, что я ударил твоего бывшего, потому что у меня на тебя зуб.

— Ты серьезно?

— А почему бы мне не быть серьезным?

Несколько секунд я не могу говорить. Он только что так быстро перевел меня из состояния стыда и неловкости в состояние праведного гнева, что мой мозг не успевает за ним.

— Это так... самонадеянно, — наконец, справляюсь я. — Я имею в виду, так САМОНАДЕЯННО. После того, что ты только что... зачем тебе вообще говорить что-то подобное?

Он подходит ближе. Он вибрирует от эмоций, и я не могу разобраться в нем. Я не знаю, о чем он думает, что чувствует. Я только знаю, что он чувствует много.

— Почему ты дотронулась до меня? — спрашивает он.

— Я пыталась привлечь твое внимание.

— Люди стучат, когда пытаются привлечь чье-то внимание. Это было прикосновение.

— Это было...

У меня ничего нет. Я лапала его, и мы оба это знаем. Единственное, что я могу сделать сейчас, это солгать.

— Это было случайно.

Ненавижу, когда он так делает. Нависает надо мной с этими глазами и лицом. Смотрит на меня. Это моя новая наименее любимая вещь: когда на меня смотрит Уэст. Как будто он пытается развести меня на секс.

— Милая, — говорит он наконец, — это была чертовски долгая случайность.

— Не называй меня милой.

— Думаю, тебе это нравится.

— А я думаю, что у тебя слишком маленькие уши.

Я чуть не застонала после того, как сказала это.

Глупый болтливый рот.

Но я должна была что-то сказать, потому что милая — это унижительно для женщин, совершенно неуместно. И мне это даже нравится.

Уэст выдыхает смешок и улыбается.

— У тебя есть щель между передними зубами.

— Это удобно. Я могу сплюнуть через нее.

— Хотел бы я на это посмотреть.

— Ну, у тебя не получится.

— Не получится?

— Нет. Мы не будем друзьями. Мы не будем никем. Вот что я хотела тебе сказать.

Ему это не нравится. Его рту не нравится и его глазам не нравится.

— Это не то, что, казалось, ты хотела сказать мне минуту назад.

— Мне все равно, что казалось.

Если он продолжит наклоняться ближе, я ущипну его.

Он наклоняется ближе.

Я ущипну его.

Хорошо, я пытаюсь. Но моя рука оказывается рядом с его рукой и вождение засасывает меня внутрь, и тогда я просто нащупываю его рукав.

Его бицепс такой же твердый, как кажется. Я убираю руку, прежде чем она успевает заявить о своей преданности врагу.

— Мне показалось, что ты хотела, чтобы я тебя поцеловал, — говорит Уэст.

Я скрещиваю руки и рассматриваю книги на полке за его плечом, аккуратный ряд толстых синих корешков с надписью ПМЛА.

— Это не имеет значения, — говорю я ему. — Я не могу себе этого позволить. Если люди подумают, что мы вместе или что то, что произошло между тобой и Нейтом, было связано со мной, они будут продолжать говорить об этом и вся эта неразбериха будет продолжаться и продолжаться. Это не то, чего я хочу. Я хочу, чтобы это прошло.

— Ты хочешь, чтобы это прошло.

Сомнение в его голосе снова разжигает мой гнев. Я ненавижу, что некоторые люди думают, что я сама опубликовала эти фотографии, просто ради внимания. Я ненавижу, что он может так думать.

— Да, — это слово прозвучало немного громче, чем я хотела, поэтому я произнесла его снова. — Да.

— Рич Даймс назвал тебя шлюхой три минуты назад, а ты ничего ему не сказала. Ты сказала, что все в порядке.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, догнала его и ударила в челюсть?

— Может быть, — говорит он. — По крайней мере, наори на него.

— И что это даст?

— Неужели все, что ты делаешь, должно быть направлено на достижение чего-то?

По крайней мере, вопрос, на который я могу легко ответить.

— Да.

— Так чего ты пытаешься достичь сейчас?

— Я пытаюсь убрать свои фотографии из интернета и стараюсь держаться в тени, чтобы люди забыли, что это вообще произошло.

Он смеется надо мной.

Моя рука поднимается так быстро, что я даже не понимаю, что собираюсь ударить его, пока он не ловит мое запястье.

— Милая...

— Не называй меня милой.

Я борюсь с его хваткой, так злясь, что он поймал меня и не отпускает. И поймал меня легко. Я никогда раньше не пыталась дать кому-то пощечину. Я задыхаюсь и слишком эмоциональна, балансирую на грани слез.

— Отпусти меня.

— Ты собираешься ударить меня?

— Может быть.

— Тогда нет.

Я вырываю запястье, затем пытаюсь ударить его в грудь. Он перехватывает мое второе запястье.

— Это бесполезно, — говорит он. — Пытаться добраться до меня. Так же безнадежно, как идея, что ты можешь стереть что-то из интернета или заставить людей забыть, как ты выглядишь обнаженной. Совершенно безнадежно.

Когда его слова доходят до меня, я перестаю бороться, и он отпускает меня. Я бросаю на него самый ледяной взгляд, на который только способна.

— Спасибо за ободряющую речь, но ты последний человек в этом кампусе, к которому я бы обратилась за советом.

Что-то в его глазах замирает.

— О? Почему это?

Потому что ты наркоторговец.

Потому что ты из тех, кто бьет людей, когда они тебя бесят.

Потому что от тебя одни неприятности.

Я не могу сказать ему ничего из этого. Я не могу представить себя ангелом. Я сосу член в интернете.

— Потому что я была с Нейтом. А ты...

Когда я прервалась, он приподнял одну бровь со шрамом.

— Я?

— Не Нейт.

На этот раз его смех горький.

— Нет, — говорит он. — Я не Нейт.

Я хочу извиниться, но не знаю, как или даже что сказать.

Уэст не ждет, когда я что-то скажу. Он берет свою тележку, проверяет корешок следующей в очереди книги и начинает катиться по проходу прочь от меня.

— Мне жаль, — говорю я ему в спину. — Я не это имела в виду.

— Не беспокойся об этом, принцесса, — говорит он, не оборачиваясь. — Я никому не скажу ни слова.

— Хорошо, — я обхватываю руками свой живот. — Спасибо.

Он не отвечает мне. Думаю, мы закончили, и я чувствую облегчение. Вроде того.

Меня трясет, и я слаба. Кажется, что меня может стошнить.

Уэст останавливается, как раз на середине поворота от нашего ряда к следующему. Он наклоняется над тележкой, опирается предплечьями на книги и смотрит на них долгую, неловкую минутой, которая кажется годом.

Он поднимает голову и смотрит прямо на меня.

— Это был не лучший день для нашего разговора.

— Нет, — соглашаюсь я. — Наверное, нет.

Он выдохнул.

— Я не должен был его бить. Это был глупый поступок, и я все еще на взводе от него. Прости, что я... — он машет на меня рукой. — Прости за все это.

Я не знаю, что сказать, поэтому киваю.

— Твой нос в порядке?

— Все в порядке.

— Больно?

— Немного. Но ничего страшного.

Он несколько раз сгибает и разгибает свою левую распухшую руку, глядя на нее сверху вниз.

— А что насчет твоей руки? — спрашиваю я.

— Заживет.

На этаже наступает тишина.

Интересно, есть ли здесь кто-нибудь наверху? Может быть, за углом сидит девушка и молча слушает все это.

Может быть, она такая же, как я. Испуганная и застрявшая, застывшая на месте.

— Знаешь, — говорит Уэст, — ты не сделала ничего плохого.

— Да. Так мне говорит Бриджит.

Но она говорит это только потому что так она должна была сказать. Я знаю, что она думает на самом деле. Это то же самое, что думаю я — что думают все.

Я сделала что-то не так. Я доверилась не тому человеку. Я совершила глупую ошибку. Я позволила Нейту воспользоваться мной, и обязана признать это.

Уэст качает головой, как будто слышит все эти мысли, но не верит.

— Ты сделала несколько сексуальных фотографий со своим парнем. Многие девушки так делают. Если бы какая-то девушка дала мне такие фотографии, я бы ни за что не выложил их в интернет, как бы я на нее ни был зол.

— Ты видел их?

— Все их видели.

Я закрываю глаза от жгучего давления в пазухах и за глазами.

Плач не входит в мое расписание.

— Он говорит, что не делал этого, — шепчу я.

— Это потому, что он придурок. Придурки врут.

— Мы можем не говорить об этом?

Он опускает голову, его взгляд снова падает на книги.

— Все, что я хотел сказать, это то, что я не думаю, что ты сможешь заставить это исчезнуть. Не так, как ты это делаешь.

У меня нет ответа. Мне слишком больно слышать его слова — мой худший страх — и второй раз за сегодня я чувствую, что это он причинил мне боль, хотя оба раза я сделала это сама.

Я снова и снова натываюсь на его локоть.

— Кэрлайн.

То, как он произносит мое имя, заставляет меня поднять глаза.

— Знаешь, что? — спрашивает он.

— Что?

Он начинает катить свою тележку прочь. Повернув голову ко мне, он улыбается и говорит:

— За исключением этой щели между зубами, ты выглядела чертовски сексуально.

Он поворачивает за угол. Колеса скрипят, когда он въезжает в следующий проход.

Он — свинья.

Я не буду думать о том, что это значит, что я не испытываю к нему отвращения.

Или что я стою здесь, обхватив руками свой торс и улыбаюсь своим ногам.

Все слишком запущено, поэтому я просто не буду об этом думать.

Я не буду задаваться вопросом, прав ли он, а я не права — если все, что я сделала, чтобы попытаться спасти свое будущее, бессмысленно и на самом деле я должна делать что-то другое. Бороться за себя, как-то иначе.

Сейчас я не могу справиться с этим. Я могу только глубоко вдыхать и пытаться заставить себя вспомнить, что у меня дальше по расписанию. Где я должна быть. Что я должна сделать, чтобы дожить до конца этого дня.

Это моя борьба. Единственное, что я знаю, как сделать, чтобы вернуть свою жизнь в прежнее русло. Похоронить фотографии, восстановить свою репутацию.

Это моя борьба и я не сдамся.

Две недели спустя меня разбудил кошмар.

Такое случается часто.

Я скатываюсь с кровати и скольжу ногами по прохладному полу, пока не нахожу в темноте свои шлепанцы. Беру ключи с комода. Сжимаю их ладонью, чтобы они не звенели.

Когда я натягиваю толстовку через голову, задерживая дыхание, потому что хочу быть тихой, плед Бриджит колышется на верхней койке. Ее голова высовывается из-под одеяла.

— Куда ты идешь?

— Просто гулять. Вернусь через несколько часов.

Я чувствую вину за то, что разбудила ее, но ничего не могу с собой поделать. Трудно страдать бессонницей, когда у тебя есть соседка по комнате.

— Будь осторожна.

— Буду.

Она переворачивается и, хотя она не спит, я медленно закрываю дверь, пока она не защелкивается и не запирается с тихим щелчком.

Я всегда осторожна.

Я иду к своей машине с зажатými в кулаке ключами, оглядывая парковку слева направо, прислушиваясь, нет ли кого-нибудь. Я припарковалась под фонарем безопасности. С расстояния в десять футов я отпираю двери пультом, и мое сердце бьется так быстро. Задыхающийся звук облегчения, когда я закрываю за собой дверь, слишком громкий в чистом, безопасном салоне моего Тауруса.

Я включаю стерео, увеличиваю громкость и еду.

У меня есть несколько циклов, которые я делаю. Сначала я ееду по кругу вокруг колледжа, который составляет четыре квартала в длину и три квартала в ширину. Затем я делаю расширяющиеся круги вокруг зданий, принадлежащих колледжу, центра города, фаст-фуда и магазинов, стадиона малой лиги и лачуги Фрост-И-Фриз. Я проезжаю мимо полей с кукурузными стеблями, которые начинают ломаться и становиться коричневыми. Мои дальние фары освещают пустой пейзаж моего родного штата.

Один из этих маршрутов когда-то был моей вечерней пробежкой, но мне пришлось их прекратить. После того, как мое обнаженное тело и мое местонахождение стали достоянием общественности, одиночество на свежем воздухе потеряло свое очарование.

Я поворачиваю только направо, потому что ненавижу поворачивать налево, и здесь нет моего отца, чтобы сказать мне, что я должна с этим смириться.

Я больше не знаю, как разговаривать с отцом. Когда звоню ему, то не могу понять, какие слова я могла бы сказать раньше, когда мне не нужно было думать об этом. Я знала, как заставить его смеяться и любить меня. Теперь, когда мы разговариваем, я как будто играю, только не знаю своих реплик и у меня плохо получается импровизация.

Я не могу вспомнить, как быть той Кэролайн Пьясеки, которая окончила школу Анкени с белоснежной и безупречной улыбкой, в выпускной шапочке и платье, выходя на сцену, чтобы произнести прощальную речь в окружении двух сестер и отца, сидящих в первом ряду трибун и светящихся от гордости.

Я не рассказала ему о фотографиях. Не могу.

Я — рот с членом мальчика во рту, тело, на которое можно смотреть, ноги, которые можно раздвигать.

Кручу руль, поворачивая машину направо. Направо. Всегда направо.

Я не видела Уэста тринадцать дней, но я думаю о нем. Прокручиваю в голове тот день в библиотеке, пытаюсь проследить все повороты нашего разговора.

Почему он прижал меня спиной к полкам? О чем он думал, когда сказал тому парню уйти? Чего он пытался добиться?

Я думаю о том, как он спросил меня, все ли я делаю для того, чтобы чего-то добиться.

Я перебираю в памяти свои отношения с Нейтом, пытаюсь ответить на все вопросы, на которые невозможно ответить.

Он всегда был плохим, а я просто не замечала? Стал ли он плохим?

Как я могла доверять ему?

Я думаю о том, как Уэст сказал: — Ты не сделала ничего плохого.

Я помню, как его бедро прижималось к моему.

Однажды в прошлом году я писала работу за своим столом и услышала крики и смех в коридоре, периодические удары, которые заставили меня вздрогнуть. Нейт лежал на моей кровати, читая учебник по экономике. Бриджит вышла посмотреть, что происходит и не вернулась. Затем я услышал ее смех и повышенный голос Уэста.

— *Что они там делают?*

Я пыталась говорить так, будто мне все равно. Как будто я была слегка раздражена и не чувствовала этого толчка в груди. Этого давления, чтобы узнать, присоединиться, стать частью этого.

Нейт пожал плечами.

— Иди посмотри.

До сих пор помню, что именно чувствовала, когда встала и направилась туда. Я балансировала на острие ножа между хорошим и плохим, не зная, в какую сторону мне склониться, но осознавая, глубоко в костях, в сжатых легких и напряженных плечах, что что-то должно произойти.

В тот вечер в холле я обнаружила Бриджит и Кришну, играющих в боулинг с резиновыми курицами.

Да. Мне тоже потребовалась минута, чтобы разобраться.

Я не знаю, откуда у Кришины взялись курицы — возможно, он их откуда-то украл. Кришна и курицы прославились в прошлом году. Курицы появлялись повсюду — занимали туалеты, свисали со стропил в столовой, сидели на вершине большой фаллической металлической скульптуры в центре кампуса или свисали с бочонка для вечеринок.

Но на этот раз Кришна стоял в одном конце холла, в двадцати футах от аккуратно расставленных кеглей, и наматывал свою курицу на несколько тугих оборотов руки. Пока я наблюдала, он отпустил курицу, подбросив ее под руку, и она пронеслась по воздуху с удивительной скоростью. Она ударилась о кегли, и они взорвались, разлетевшись по всему холлу. Бриджит вскрикнула, а потом наклонилась, смеясь.

Это было совершенно по-юношески — игра, девичья реакция Бриджит, красные глаза Кришины и его обкуренная ухмылка. Утром мне нужно было сдать сочинение и еще многое нужно было отшлифовать. У меня было домашнее задание по латыни и, если бы мне пришлось идти в библиотеку из-за этих ребят, я бы...

Внезапно дверь напротив моей открылась. Уэст вышел с курицей в каждой руке и двухлитровой бутылкой газировки под мышкой.

— Ладно, вот что я думаю о куриных ракетах, — сказал он, прежде чем увидел меня и остановился.

Мы смотрели друг на друга. Возможно, не целых десять минут, но ощущение было именно таким. Неприлично долгое время, когда я почти никогда не позволяла себе больше, чем взгляд. Я наблюдала за тем, как дергается его рот. Его ноздри раздуваются. Его слишком бледные серо-зеленые глаза светились озорством.

Я запуталась в его глазах, мысленно споткнулась и упала, а потом не могла распутаться.

Уэст приподнял бровь.

— Хочешь поиграть?

Он ничего не имел в виду. Я почти уверена.

Или, то есть, он имел в виду, но все, что он имел в виду, это то, что, если я скажу да, я получу собственную курицу и свободный пропуск, чтобы предаваться этим глупостям, отлынивать от домашней работы, вести себя как другая девчонка.

Он не имел в виду, хочу ли я его.

Хотела бы я научиться быть свободной. Хотела бы я быть другой.

Но, несмотря на это, мое сердце билось, как барабан и я не могла перевести дух, чтобы ответить: — Нет, спасибо.

Это не для меня.

Ты не для меня.

Отрицание было слишком плотным в моем горле. Если бы я попыталась сказать «нет» вслух, я бы подавилась, потому что я хотела сказать «да».

В конце концов, я ничего не сказала. Нейт подошел сзади и обхватил меня за талию, положив подбородок мне на плечо.

— Что за шум?

За спиной Уэста захлопнулась дверь. Его лицо закрылось, и переломный момент, на котором я стояла, расплющился под моими ногами в знакомую, ничем не выделяющуюся местность моего холла, моего штата, всей моей скучной жизни.

— Просто выпускаем пар, — сказал Уэст.

— Не могли бы вы потише, а? — спросил Нейт. — Мы пытаемся учиться.

— Конечно.

Нейт затащил меня внутрь, закрыл дверь, поцеловал в шею. Его руки блуждали под моей рубашкой, по лифчику, а потом я остановила его, потому что Бриджит была в холле, а мне нужно было писать работу.

И еще потому, что я чувствовала себя опустошенной, как будто у меня отняли какую-то важную возможность. Что-то большее, чем детская игра в боулинг в холле.

А алхимию парня, который мог превратить двухлитровые бутылки из-под газировки в куриные ракеты.

Иногда я думаю, не является ли тяга, которую я чувствовала к Уэсту, причиной того, что я рассталась с Нейтом. Не набирала ли она силу, пока не стала настолько сильной, что бросила тень на все мои остальные чувства, а я даже не осознавала этого.

Когда я думаю о Нейте, о Уэсте, мне трудно определить, в чем моя вина, а в чем нет.

Когда я сплю, нет покоя. Мне снится, что за мной гонятся, нападают, причиняют боль. В своих снах я — жертва, и сны начинают казаться более реальными, чем день.

Грузовики простаивают за Уолмартом и продуктовым магазином. Парень на заправке узнал кто я и спрашивает, как идут дела, когда я плачу за бензин и апельсиновый сок. Ему за сорок, у него борода с проседью и брюшко. Он кажется хорошим человеком, но насколько он может быть хорошим, работая в ночную смену в Кам энд Гоу (Приходи и Уходи или Кончай и Уходи)?

Даже название заправки слишком мерзкое. Раньше оно казалось мне забавным. Теперь оно вызывает у меня воспоминания, и я стала ездить за двадцать миль в соседний город, чтобы купить там бензин, потому что я больше не могу разговаривать с парнем из Кам энд Гоу, не задаваясь вопросом, не видел ли он меня без одежды.

Я проезжаю мимо толпы пьяных студентов, которые возвращаются в колледж из бара или паба, хватая друг друга за локти, смеясь и толкаясь. Однажды я увидела, как упала девушка. Она была наедине с парнем, и я подумала, что он собирается ее изнасиловать, но он помог ей подняться. Я остановила машину и сделала глубокий вдох, близкий к гипервентиляции. Потому что, серьезно, что со мной такое, что я так подумала?

Раньше я бы никогда не подумала. Никогда.

Я не хочу быть такой до конца своих дней. Если бы у меня была кнопка отменить, я бы нажала ее и сильно. Но если и есть какой-то способ вернуться к тому, что было раньше, я его не нашла.

Большинство ночей я провожу около пекарни.

Я говорю себе, что не буду, но я делаю это.

У меня строгий личный приказ: не ездить сюда, не парковаться перед входом, не смотреть в окно, чтобы увидеть Уэста.

И все же я здесь.

Свет льется из кухни в задней части магазина, проникает через пластиковое стекло на тротуар. Я нажимаю на экстренный тормоз, но оставляю двигатель работать на холостом ходу. Когда машина остановилась, моя музыка звучит слишком громко, поэтому я наклоняюсь вперед, чтобы сделать тише.

Я представляю, что на кухне тепло и вкусно пахнет. Мысленный вкус этого сладок, это противоядие от всех тех часов, которые я провожу за ноутбуком, просеивая худшее, что может предложить человечество.

Фигура Уэста пересекает дверной проем. К тому времени, как я выхожу, одной рукой придерживая дверь, а другой убирая ключи в толстовку, он уже исчез. Порыв холодного ветра обдувает мои открытые ноги и шею. Я сгорбилась, засунув кулаки поглубже в карман толстовки с капюшоном.

Мужчины в моей голове хотят знать, на что я смотрю и почему я такая тупая дрянь.

Я не знаю. Не знаю почему.

Я уже собираюсь вернуться в машину, когда ветер снова набрасывается на меня, холодный, жесткий, прямо в лицо и я щурю глаза и поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза.

Я раздражена.

Я зла.

Я в бешенстве.

Стою перед булочной в четыре утра, в ярости, уставившись на пустую витрину.

Сжимаю ключи так сильно, что они впиваются в мою ладонь. Уэст снова проходит мимо открытой двери кухни.

Иди туда и скажи ему, что тебе жаль. Скажи, что он тебе нравится. Скажи ему что-нибудь.

Но я не могу. Я не могу. Уэст — это не то, что мне нужно. Он только то, что я хочу.

Я хочу его, потому что он бьет кулаком, когда злится.

Я хочу его, потому что он проехал на хрипящей машине две тысячи миль в одиночку, питаюсь тушенкой из банок, как будто это можно просто так сделать.

Потому что он смотрит на бутылку газировки и видит куриную ракету.

Потому что я чувствую, что, если бы я была с ним, он мог бы исправить меня. Он мог бы спасти меня.

Он может спросить меня: — Хочешь поиграть?

И на этот раз я могу сказать: — Да.

Но я знаю, что это не то, что случилось бы. Он не спасет меня. Он погубит меня.

А я и так уже достаточно испорчена.

Я разворачиваюсь и сажусь обратно в машину.

ОКТАБРЬ

Уэст

Мне понадобилось десять лет, чтобы научиться ненавидеть своего отца.

Он приезжал в город достаточно часто, чтобы заморочить маме голову, пока она не теряла работу, не отдавала ему все свои деньги, не отдавала ему свое сердце, а потом смотрела, как он уезжает.

В тот год, тем летом, когда мне исполнилось десять лет — мама плакала целую неделю. Я ходил к соседям в нашем трейлерном парке, рассказывал им о случившемся так, чтобы все это звучало смешно и надеялся, что они дадут мне что-нибудь поесть.

В захудалом, никчемном местечке в Орегоне, откуда я родом, раньше была работа на лесопилке, но теперь там только подработка, почасовая оплата, зарплата, на которую нельзя вырастить семью.

Там, откуда я родом, женщины работают, а мужчины годятся только для двух вещей: драться и трахаться.

Я рано научился драться. А когда мне было двенадцать, подруга моей кузины Кайли отвела меня в незапертую кладовку рядом с прачечной и показала, как надо трахаться.

С некоторой практикой у меня это тоже начало получаться.

Возможно, этого должно было быть достаточно для меня. Казалось, что этого было достаточно для всех остальных.

Но что-то во мне, как сорняк, всегда пробивалось сквозь трещины, искало свет. В поисках более глубокой хватки в неадекватной почве.

Я любопытен. Я хочу знать, как все устроено. Починить, если что-то сломалось, сделать лучше. Так уж я устроен, сколько себя помню. Когда три из пяти сушилок сломаны в прачечной на стоянке трейлеров, я должен знать, почему. Если я не могу добиться ответа, я разбираю эти хреновины и пытаюсь разобраться.

Когда есть что-то, что я могу сделать, я должен это сделать.

Думаю, именно это делает мужчину настоящим мужчиной. Не то, чью задницу ты можешь надрать или как хорошо ты можешь трахаться, а то, что ты делаешь. Как усердно ты работаешь для людей, которые от тебя зависят. Что ты можешь им дать.

В тот раз, когда мой отец приехал, когда мне было десять лет — когда я выступил против него и он избил меня так сильно, что я наконец научился его ненавидеть — он сделал маму беременной, прежде чем ушел.

Моя сестра, Фрэнки, появилась на свет уже с двумя ударами против нее. Мама не планировала еще одного ребенка и была не в восторге. Фрэнки появилась на свет раньше срока, слишком маленькая. Она много спала.

Потому что я любопытный, потому что не могу удержаться — я прочитал брошюру, которую принесли домой из больницы в пакете с бесплатной молочной смесью. Там говорилось, что дети должны просыпаться каждые три или четыре часа, чтобы поесть, но Фрэнки этого не делала. Даже близко.

— Какой хороший ребенок, — говорили все.

Никто не хотел слышать, что она умирает от голода.

Я не хотел любить Фрэнки. Я просто хотел ее вылечить. Но дело в том, что с

младенцами происходит так: ты смешиваешь для них смесь посреди ночи, разворачиваешь их одеяло, меняешь им подгузники, проводишь ногтем по подошве их крошечных босых ножек, пока они не проснутся достаточно, чтобы поесть и в следующее мгновение они обхватывают своими маленькими пальчиками твою душу и никогда не отпускают.

Я должен был сделать все для Фрэнки. Все, что нужно было сделать. Я просто должен был.

Так я узнал, в какие часы работает Министерство здравоохранения. Какие документы нужно отнести в офис, кому звонить, если ты протягиваешь свою карточку «Орегонский след» в продуктовом магазине, а оказывается, что на ней нет денег, потому что твоя мама пропустила встречу и не сказала тебе об этом. Я узнал, где можно купить поддержанную одежду. Кто в какие дни выдает бесплатную молочную смесь. Как сдавать банки за четвертаки, чтобы заплатить за стирку, где найти работу, когда люди говорят, что ее нет.

Я научился. У меня появилась сноровка.

Когда мне исполнилось четырнадцать, я зарабатывал больше, чем мама, и, наверное, начал думать, что я мужчина в доме. Скала, о которую разбивается прибой. Непобедимый.

Потом появился мой отец.

Если я был скалой, то он был приливом. Я ничего не мог сделать, чтобы он не утащил мою маму обратно в море. Все, что мне удалось, это укрыть Фрэнки, дать ей возможность спрятаться и держаться так, чтобы он не смог утащить под воду и ее.

После этого я начал думать о том, что еще я могу сделать.

Просто работать и держать все в порядке, как я уже делал — этого было недостаточно. Я должен был дать Фрэнки жизнь где-то еще, где лучше или она закончит, как все остальные девочки, трахаясь с двенадцатилетними мальчиками в чуланах, которых снова и снова трахает какой-то никчемный ублюдок, в которого она решила влюбиться.

Я не смог бы смириться с этой мыслью.

Когда я стал достаточно взрослым, чтобы водить машину, я получил работу на шикарном поле для гольфа в 40 километрах от дома. Я специально устроился туда, потому что знал, что, если где-то и можно встретить нужных людей, изучить их, понять, как стать одним из них, то только там.

Я прошел путь до носителя клюшек и так я познакомился с доктором Томлинсоном. Однажды я подменил его обычного помощника, когда тот заболел и потом он попросил меня стать его помощником на постоянной основе.

Это поле для гольфа, о котором я говорю, — когда я говорю, что оно шикарное, я имею в виду, что оно настолько шикарное, что люди прилетают туда со всего мира, чтобы просто поиграть в гольф и как только они выбирают своего помощника, они остаются с ним столько, сколько хотят. Это шикарно.

В общем, доктор Ти богат — он анестезиолог, а его жена — родом из богатых. Я был в их доме, высоко на обрыве с видом на поле для гольфа. Он огромный, чистый, все безупречно, ничего сломанного или не на своем месте.

Этот дом был похож на все, чего я хотел для Фрэнки. Крепость, которая защитит ее от моего отца, от боли, от принятия глупых, поганых решений и пустой траты жизни.

Я увидел этот дом, и я захотел его. Я хотел то, что было у него.

Думаю, доктор Ти тоже что-то увидел во мне. Росток. Мою готовность работать, расти к любому свету, который я могу найти. Он сказал, что я напоминаю ему его самого,

когда он был бедным фермерским ребенком в Айове, отчаянно пытавшимся что-то сделать со своей жизнью.

Я заставил его чувствовать себя большим, вот что он имел в виду. Показал ему, кем он был и как далеко он зашел.

Доктор Ти сделал меня своим проектом. Он научил меня, как говорить, чтобы не показаться невеждой. Он говорил мне, когда я вел себя как отброс, как вписаться в среду таких людей, как он. У них с женой нет детей, и он вроде как усыновил меня.

Его жена — она не хотела ребенка. Она водила меня в лес и просила поднять ее юбку. Брала меня в бассейн. Брала меня в свою спальню, когда доктора Ти не было рядом.

Она была не единственной женщиной, которая использовала меня и даже не первой. Она хотела залезть в мои штаны. Я хотел ее денег. Справедливый обмен, — подумал я.

Доктор Ти сказал мне, что они отправят меня в колледж, где учился он, лучший колледж, по его словам. Если я смогу получить нужные оценки и поступить, они отправят меня в Патнем, штат Айова, с полной оплатой обучения. Комнату и питание я должен был оплачивать сам.

Томлинсоны сделали бы это для меня.

Я работал, не покладая рук, чтобы попасть в Патнем. Я делал вещи, которыми горжусь, и делал вещи, за которые доктор Ти убил бы меня, если бы узнал. Я сделал их, чтобы попасть сюда, и я здесь, чтобы получить хорошую степень и встретить нужных людей, которые дадут мне опору в жизни.

Я сделал это ради Фрэнки и моей мамы.

Мне не стыдно. Мир — это не какое-то безупречное место, где все работает. Это гребаный бардак и, если мне придется срезать углы или нарушить закон, чтобы попасть туда, куда мне нужно, — хорошо. Если мне придется обменять секс на деньги, на возможности, я все равно лучше воспользуюсь своим членом, чем потрачу свою жизнь впустую, потеряю свое сердце.

Любовь — это то, что портит людей. Любовь — это подводная лодка.

Моя мама научила меня этому.

В Патнем я был совсем не тем человеком, которым являюсь дома. Я был студентом, рабочим, актером, произносящим реплики. Я был самозванцем, но хорошим самозванцем. Я точно знал, как я должен себя вести, что мне может сойти с рук, что я могу сказать и сделать, а когда мне нужно заткнуться и не высовываться, как бы мне этого ни хотелось.

Я знал правила. Я знал, где они гнутся, и я умел их гнуть, потому что для такого парня, как я, гнуть их было единственным выходом.

Но гнуть — это гнуть, а нарушать — это нарушать. За исключением того случая с Кэролайн, я не нарушал правил. Я нарушил закон, но не правила.

Думаю, когда я облажался, я сделал это эпично.

— Убери оттуда свои пальцы.

Кришна склонился над миской для замеса, тыкая пальцами в тесто для хлеба. Я вынимаю полотенце из пояса и бью его по шее.

— Ой!

— Я сказал, убери пальцы.

Он выпрямляется и вытирает руку о джинсы. Мука, попавшая на полотенце, облаком стелется вокруг него.

— Я просто хочу посмотреть, чувствуется ли это как задница.

— Это какое-то извращенное дерьмо.

— Это ты мне сказал.

— Ни в коем случае я этого не говорил. Вымой руки, если собираешься его трогать. Это все, о чем я прошу.

— Я так и сделал, прежде чем прийти сюда.

— Ты не сделал.

— Я сделал. Я всегда мою руки после.

«После», в данном случае, означает, «после того, как я скатываюсь с ее кровати». Половину времени, когда Кришна заваливается в мою ночную смену, он пьян. В другой половине случаев он только что переспал.

Сегодня я уверен, что и то, и другое.

— Может, тебе стоит помыть руки перед этим, чтобы не распространять чесотку по всему кампусу.

— Чесотка? Чувак, это больная тема. Мое тело — это гребаный храм.

— И я уверен, что твои женщины ценят это, но я не знаю, где были эти пальцы, так что ты помоешь их снова, прежде чем прикоснуться к тесту, или я выбью из тебя все дерьмо.

Он поднимает обе руки в знак капитуляции.

— Хорошо, капитан, хорошо. Что сегодня заползло тебе в задницу?

— Ничего.

Кришна вытирает руки. Я чищу чашу миксера скребком и мыльной водой, затем вытираю ее насухо и полирую до блеска.

Мне нравится работать одному. Никого нет рядом, кто бы придирился к тому, в каком я настроении.

Некому обратить внимание на то, что у меня уже несколько недель плохое настроение, потому что каждый раз, когда я вижу Нейта Хетерингтона, мне хочется ударить его снова.

Наверное, в прошлый раз я ударил его недостаточно сильно. Он все еще улыбается этой самодовольной гребаной улыбкой.

Кришна кладет обе руки в мое тесто и начинает массировать его с закрытыми глазами, выражение лица у него блаженное. Он ведет себя как придурок, что никогда не подумаешь, что он какой-то математический вундеркинд.

— Я не позволю тебе трахать его, если ты об этом думаешь.

— Ш-ш-ш, — говорит он. — Я сравниваю.

— С кем?

— С той девушкой, с которой я был сегодня вечером. Пенелопа.

— С темными волосами? — спрашиваю я. — Вроде как большая?

— Да.

— Господи.

— А что, она тебе нравится? Знаешь, если бы ты мне сказал, я бы не...

— Нет, все в порядке. Она мой партнер по лаборатории.

— У нее есть задница, — говорит он.

— Я не хочу об этом слышать.

Не то чтобы я так или иначе заботился о Пенелопе. Я просто не хочу идти в лабораторию и думать о том, как Кришна перегибает ее через перила или что-то в этом роде.

Он бы рассказал мне все подробности, если бы я ему не запретил. Кришна расскажет кому угодно любую чертовщину. Дома, парень, который хвастался бы так много, как он,

регулярно получал бы по заднице. Когда я встретил его в прошлом году, я думал, что убью его в течение недели.

Но он умеет заставить вас полюбить его. Если бы я действительно знал, что такое любовь.

Он слегка похлопывает по тесту.

— Это не сравнится. Оно все в комках.

— Это девятизерновое. Оно должно быть комковатым.

Когда он думает, что я не смотрю, он отщипывает немного теста и кладет его в рот. Затем он облизывает палец.

— Вот и все. Если ты тронешь еще хоть что-то, ты уходишь.

— Тебе будет одиноко без меня. Кто составить тебе компанию?

— Я буду плакать над багетами и скажу Бобу, чтобы он брал с этих лохов дополнительную плату за кустарную соль.

Боб владеет пекарней. Он нанял меня в качестве подсобного рабочего на День благодарения в ноябре прошлого года, но я оказался настолько незаменимым, что он оставил меня на работе, в итоге давая мне несколько ночей в неделю. Он близок к пенсии и ему уже все равно, лишь бы заведение открывалось и закрывалось, и было что продавать. Он разрешил мне экспериментировать с хлебом, делать новые сорта, чтобы посмотреть, пойдут ли на это покупатели. Это здорово.

Кроме того, пекарня — отличное место для торговли травкой. Уже существовала традиция, когда Боб продавал теплые кексы и печенье студентам колледжа, которые хотят есть в предрассветные часы и студентам, которые торопятся тусить всю ночь. Я продолжаю традицию, но те, кто пишет или звонит мне первым и сует мне в руку пачку денег, получают больше, чем кекс в бумажном пакете.

Кришна проводит пальцем, который он облизал губами по огромной миске для смешивания. Я снова берусь за полотенце, но он замечает это и выхватывает его у меня из рук. Я позволяю ему. Не собираюсь драться из-за полотенца для рук.

— Мне нужно работать, знаешь ли.

— Что тебе нужно делать? Смотреть, как поднимается тесто? Это самая скучная работа в мире.

С тех пор как он здесь, я мою посуду в воде, достаточно горячей, чтобы ошпарить его задницу, которая никогда в жизни не работала.

Не знаю, зачем я держу его рядом. Он прогуливает занятия, не имеет работы, слишком много пьет, засовывает свой член во все, что движется. Он не должен мне нравиться.

Он просто привязался ко мне.

В этом году я планировал жить один. Я нашел недорогую квартиру в подвале и получил разрешение от колледжа жить вне кампуса, что позволило сэкономить целое состояние на проживании и питании.

Кришна увидел договор аренды на моем столе и умолял меня взять его с собой.

В итоге он нашел квартиру побольше, над магазином и пообещал платить за аренду, если я сниму ее и дам ему комнату. Я согласился, потому что ему это подходит. Родители Кришны богаты.

Он вытирает полотенцем пыль со столешницы, запрыгивает на нее и рисует на прохладной металлической поверхности сетку из муки.

— Тебя развеселит, если я скажу, что твоя девчонка снова сидит у входа в своей

машине?

Я смотрю вверх, что просто глупо.

Во-первых, я не могу увидеть ее отсюда. Я смогу увидеть ее, только если пройду на другую сторону комнаты и посмотрю в переднее окно — и тогда она сможет увидеть меня, а я этого не хочу.

Во-вторых, она не моя девушка.

В-третьих....

— Ха! — говорит Кришна. — Ты такой забавный.

Да. Это третья вещь. В прошлом году он быстро раскусил мою привязанность к Кэролайн и дразнит меня этим.

С тех пор как я ударил Нейта в прошлом месяце, она паркуется у пекарни пару раз в неделю. Она не заходит. Она просто сидит там, когда должна спать.

Я видел ее сегодня в библиотеке, она склонилась над своим блокнотом и что-то писала. Солнце падало на ее стол, заставляя ее волосы и кожу светиться золотом. Она выглядела хрупкой. Усталой.

Я не могу выносить ее присутствие там. Я хочу, чтобы она ушла.

Я хочу не думать о ней.

Конечно, может, ее там и нет. Возможно, Кришна дергает меня за ниточки. Он надеется, что я спрошу, а я не хочу доставлять ему удовольствие.

— Ты знаешь кого-нибудь из вьетнамцев? — говорит он.

— Что? Нет.

— Мне нужно найти какого-нибудь вьетнамца, чтобы он научил меня играть в крестики-нолики. Я работаю над комбинаторикой...

— Она там или нет?

Он ухмыляется. Его зубы ослепительны. Эта ухмылка — по крайней мере 50 процентов причины, по которой он получает так много внимания.

— Да, она там.

— Ты говорил с ней?

— Ты сказал мне оставить ее в покое.

— Хорошо.

Я убираю дрожжи в холодильник и смотрю на список дел, которые мне нужно закончить до конца смены.

Я бросаю взгляд на часы.

Кришна все еще говорит о крестиках-ноликах.

Мой телефон пикает в кармане. Я достаю его, вижу номер мамы, но сообщение от Фрэнки.

Что ты делаешь?

Я пишу ответ.

Работаю. Почему ты не спишь?

Не могу заснуть, — пишет она. ***Спой мне.***

Дома уже десять. Она уже давно должна была уснуть. Ей всего девять.

Почему не мама?

Ее нет дома.

Этого я и боялся.

Какую песню ты хочешь?

Первая звезда.

И я набираю первый куплет песни «Помечтай обо мне», строчка за строчкой. Она присылает мне смайлик.

Спи, Фрэн.

Я пытаюсь быть хорошей. Всегда.

Люблю тебя.

Спокойной ночи, Уэст.

Спокойной, Орешек.

Когда я кладу телефон обратно в карман, он кажется тяжелее.

Мне не нравится, что Фрэнки пишет мне после десяти часов.

Мне не нравится, что мамы нет дома или что сегодня утром она написала мне письмо с просьбой о пятистах долларах, но не сказала для чего. Я пытался позвонить Бо, маминому парню, с которым они живут, но он не взял трубку и до сих пор не перезвонил.

Находясь за несколько тысяч миль от них, я могу знать только то, что они мне говорят, а мама говорит мне только то, что, по ее мнению, я захочу услышать. Я должен верить, что у них все будет хорошо без меня.

Когда у тебя есть моя жизнь, вера в дефиците.

И, черт возьми, мне не нравится знать, что Кэролайн там, в темноте, одна, не спит, когда ей нужен отдых.

Мне надоело постоянно беспокоиться о ней.

Это самое худшее в Кэролайн — бесконечно ноющее беспокойство о ней. Было достаточно плохо в прошлом году, когда я встретил ее, влюбился в нее и поклялся себе, что больше никогда не прикаснусь к ней и все это в один день.

Было достаточно плохо, когда она начала сниться мне, когда я просыпался с твердым членом и дрочил на простынях, думая о ее рте на мне, о ее ногах, обхвативших мою талию, о том, как может выглядеть ее лицо, когда она кончит.

Достаточно плохо, но хорошо. Неважно. Я могу игнорировать такое дерьмо вечно. Я могу дрочить миллион раз, думая о Кэролайн и мне все равно не нужно будет с ней разговаривать.

Проблема с Кэролайн не в том, что я хочу ее. Проблема в том, что я хочу помочь ей, хочу узнать ее, хочу исправить ее, а я не могу этого сделать. Я не могу увлечься ею, иначе она отвлечет меня, и я все испорчу.

У меня слишком многое поставлено на карту, чтобы позволить себе заикнуться на какой-то невозможной девушке.

Я не пойду туда.

Я снова смотрю на часы.

Кришна просовывает голову в большой промышленный холодильник.

— У тебя тут есть тесто для печенья?

— Нет. Тебе пора уходить. Мне скоро надо начинать печь.

Он качает головой и окидывает меня оценивающим взглядом. На одной щеке у него полоска мокрой грязи, а в волосах — капелька муки.

— Ты пытаешься заставить меня уйти, потому что собираешься пойти поговорить с ней, да?

К черту, так и есть.

Да, потому что я больше не могу этого не делать. Я не выхожу поговорить с ней уже

несколько недель.

— Я принесу тебе завтрак позже, — говорю я ему. — Что ты хочешь, лимонный кекс с маком?

— Принеси мне один из тех, что с шоколадной крошкой.

— Ты можешь забрать все эти чертовы кексы с шоколадной крошкой. Просто убирайся отсюда, — я толкаю его к задней двери, в переулок.

— Не хочу вставать между тобой и твоей подругой.

— Ты знаешь, что я заставляю тебя уйти, потому что ты говоришь такие вещи, как «подруга», да?

— Нет, это потому, что у тебя серьезные проблемы с личной жизнью. Ты можешь быть серийным убийцей, и никто об этом не узнает. Или, например, тайным стриптизером.

— Как будто у меня есть время на другую работу.

— Это правда. Тебе придется перестать спать. Но это может стоить того, чтобы цыпочки пихали тебе деньги в трусы.

— Они делают это в любом случае, когда я иду танцевать.

— Да ну? — лицо Кришны загорелось. — У тебя есть танцевальные приемы?

Я не танцую. Если мне нужно выпить, я делаю это в баре в городе, где нет танцпола.

Если мне нужно переспать, я нахожу кого-нибудь, кто не учится в колледже, веду ее домой, делаю ее счастливой и ухожу. Городские женщины ничего от меня не ждут.

— Нет, — говорю я. — Мне не нужны приемы. У меня узкие штаны и слоновий член.

Кришна смеется.

— Ты ведь не за рулем, да?

— Я пошел пешком. Могу постучать в ее окно, если хочешь. Послать ее в твою сторону.

— Спасибо, но нет, — я поворачиваю его в другую сторону, указывая на квартиру. Это всего два квартала, и я никогда не слышал, чтобы кого-то ограбили в Патнеме.

— Не забудьте мой кекс, — говорит он, поворачивая за угол.

Когда Кришна уходит, на кухне становится так тихо, что кажется, будто там звучит эхо. Это моя любимая часть вечера, то, что происходит потом — когда я вываливаю раскатанное тесто, взвешиваю его на буханки, формирую их, наполняю сковороды и разжигаю печи. Это акт творения и я — Бог хлеба.

Я смотрю на часы и отмеряю минуты. Десять.

Десять минут, как минимум, прежде чем я пойду посмотреть в окно.

Может быть, она уйдет и мне не придется этого делать.

Я могу управлять этим крошечным миром, возиться с температурой и временем приготовления, сколько муки и сколько жидкости, сколько минут в духовке. Это как дергать за рычаги. Вверх или вниз. Больше или меньше. Просто.

Я бы хотел, чтобы Кэролайн позволила мне это делать — пусть я буду Богом хлеба и оставит меня в покое. Но она где-то там, портит мое царство, и я боюсь, как бы мне не захотелось пойти и поговорить с ней.

Я думаю о Фрэнки. О деньгах, которые я отправил маме сегодня днем.

Я обещаю себе не подходить к двери в течение пятнадцати минут.

К черту, двадцать.

Я не пойду и через двадцать.

Я не могу поддаться этому, потому что самое ужасное в Кэролайн то, что я никогда ничего ей не обещал, но она все равно здесь. Как будто она знает.

Она не знает. Она не может знать, что, когда я даю обещание, я его выполняю.

Или что я боюсь, что, если я начну обещать ей что-то, я никогда не смогу бросить.

— Хочешь зайти внутрь?

Это все, что нужно. Когда она отвечает:

— Да, конечно, — я поворачиваюсь и иду обратно, а она закрывает машину и следует за мной.

Я включаю свой iPod и начинаю работать. Мне нравится, когда музыка играет в эту часть ночи — включи я ее раньше и миксеры будут слишком громкими, чтобы услышать ее. Пока я мою руки, Кэролайн бродит вокруг, медленно обходя комнату. В отличие от Кришны, она ничего не трогает.

Я повязываю фартук поверх джинсов и возвращаюсь к тому, что делал.

— Боб готовит сладости, — говорю я ей. — Я просто ставлю их в духовку в конце своей смены. Не уверен, что ты хочешь ждать так долго.

Как будто она пришла за печеньем, а не потому, что... хрен его знает. Я избил ее бывшего, она появилась в библиотеке, я наехал на нее, и она сказала мне, что не хочет иметь со мной ничего общего. Потом она начала преследовать меня на работе.

Что я должен думать?

Она пожимает плечами.

Я сбрасываю кусок хлеба с весов на посыпанную мукой поверхность стола.

— Ну, как дела?

Кэролайн опирается бедром о край стола, на самом дальнем конце.

— Отлично.

Прекрасно.

Все говорят, что у них все хорошо. Это чушь.

Не то чтобы каждый мой разговор дома был глубоким и содержательным, но я никогда не тратил столько времени на вежливость, как в Айове.

Кэролайн одета в спортивные штаны, шлепанцы и толстовку, в которой можно уместить семерых. Ее лак на ногтях облупился, а волосы собраны в один из этих ленивых полухвостов, как будто она начала их укладывать, но руки устали, и ей пришлось бросить работу, не закончив ее.

Есть девушки, которые постоянно одеваются так, как одета Кэролайн, но она не из их числа. В первый день занятий по истории она надела джинсы и ярко-синий свитер, хотя на улице было 32 градуса. Она положила ручку и маркер перпендикулярно своей папке, учебник и конспект лежали перед ней.

В ней есть что-то такое, что заставляет собраться, даже когда она просто одета в джинсы и рубашку. Не то, как она выглядит, я имею в виду. Что-то внутри нее. Как будто она все понимает, знает, чего хочет, знает, что заслуживает получить это.

Я до сих пор вижу ее лицо, когда она сунула нос в мою машину, проверила все мои вещи, спросила меня:

— Ты не боишься ботулизма?

В последнее время — она совсем не та. Она не в порядке. Больше не в порядке.

И я не могу этого допустить.

— Почему все врут, когда их об этом спрашиваешь?

— Что, какие все?

— Ты говоришь, например, привет, как дела? А все отвечают — отлично. Их волосы

могут гореть, а они все равно скажут — отлично. Никто никогда не говорит, например, ты выглядишь дерьмово или у меня не хватает денег, чтобы заплатить за квартиру, или я только что взял рецепт на очень плохой случай геморроя.

— Люди не любят говорить о геморрое. Это заставляет их чувствовать себя неловко.

— Но кто решил, что быть неудобным — это конец света? Вот что я хочу знать.

Она снова пожимает плечами.

— Я думаю, это должно быть, как смазка для общества.

— Смазка?

— Смазка.

Я хмуро смотрю на нее и бросаю буханки на прилавок. Он наполняется. Мне приходится бросать их в ее сторону. Этот приземляется с небольшим пухом муки, который пачкает ее черные штаны, но она не смахивает муку.

Я знаю, что такое смазка. Я просто не понимаю, зачем она нам нужна.

Она не понадобилась нам в библиотеке, когда у меня так трахнуло в голову от удара Нейта, что я забыл, что должен был пытаться быть вежливым.

Мне было приятно ударить этого придурка.

Было чертовски приятно прижать ее спиной к стеллажам, почувствовать ее запах, прижать ногу между ее ног, ощутить ее вкус на языке.

— Это то, что говорит мой отец, — говорит она мне. — Быть вежливым — это форма социальной смазки.

— Я полагал, что это выпивка.

— Что именно?

— Я думал, что выпивка — это для социальной смазки.

Она слегка улыбается.

— И это тоже.

— Не уверен, что нам с тобой нужна смазка.

Это вызывает обиженный взгляд Кэролайн. Эти большие карие глаза сузились до щелок.

Хотел бы я посмотреть, как она будет смотреть на меня, когда я проведу языком между ее ног.

И это совсем не то, о чем я должен думать.

Но невозможно перестать думать о трении и смазке, о языках, пальцах и ртах, когда она так краснеет. Когда я знаю, что возбуждаю ее. Однажды она так покраснела, когда я вернулся в свою комнату из душа в полотенце. Она смотрела и смотрела на меня с покрасневшей шеей и огромными глазами.

У меня стояк был неделю.

— Почему ты пришла сегодня вечером?

— Ты меня попросил зайти.

— До этого. Почему ты постоянно едешь сюда, паркуешься у входа? Что тебе нужно?

Я бросаю последний кусок теста на стол, и он скользит по мучной поверхности, останавливаясь прямо перед ней.

— Я ничего не хочу.

— Я тебе не верю.

Она смотрит на меня, ноздри раздуваются, подбородок поднят. Начинает злиться, что я давлю.

Хорошо. Пусть злится. Когда она злится, она говорит.

— Как дела, Кэролайн?

На этот раз я нажимаю словами так, как я могу нажать на тесто для хлеба, сильно надавливая ладонью. Я хочу получить настоящий ответ, потому что сейчас середина ночи и мы можем лгать друг другу днем, в кампусе, в библиотеке.

Мы уже делаем это. Каждый раз, когда я прохожу мимо нее в коридоре, не хватаю ее и не прижимаю к стене, не целую до одури — каждый раз это ложь.

Я устал от этого. Я согласился на эту работу, ожидая, что меня оставят в покое, что я буду работать, когда все вокруг будут спать, что мне не придется быть вежливым или говорить слова, которые я не имею в виду, вести себя так, будто я тот, кем я не являюсь. Мне нужно, чтобы работа давала мне это, потому что иначе я этого не получу и это все портит, когда появляется Кришна, и нам приходится обходить стороной тот факт, что он слишком много пьет и ненавидит себя. Это херня, когда Кэролайн сидит снаружи в своей машине и не заходит. И теперь, когда она вошла, меня задолбало, что она говорит мне, что с ней все в порядке.

— Все проходит, — говорит она.

— Да? Наслаждаешься осенней погодой? Занятия идут тебе на пользу?

Вместо этого она щиплет переносицу, высоко подняв нос, и закрывает глаза.

— Ты был прав. Это то, что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Я хочу, чтобы ты сказала правду.

— Почему?

— Потому что я не думаю, что ты когда-нибудь скажешь кому-нибудь правду. Ты просыпаешься в два часа ночи. Ты выглядишь как дерьмо. Ты измотана. Когда я приглашаю тебя сюда, когда я спрашиваю тебя, как дела, ты думаешь, я куплюсь на это, что у тебя все хорошо? Ты думаешь, я хочу, чтобы ты так сказала?

— Все так говорят.

— Да. Так и есть. И если ты собираешься встать с кровати, прийти сюда и поговорить со мной, то самое минимальное, что ты можешь сделать, это предположить, что я не все. Когда я спрашиваю тебя, я действительно хочу знать, как ты себя чувствуешь.

— А если мне не хочется тебе рассказывать?

— Тогда так и скажи. Не твое собачье дело, Уэст. Видишь, как это работает? Это просто.

На минуту она замолкает и у меня появляется шанс оценить, какой я мудака. Я не имею права так вести себя с ней. Не знаю, почему я всегда хочу быть таким — давить на нее, разбирать ее на части, выяснять, что под ней, но я хочу.

Вот в чем дело с Кэролайн. Я хочу раздеть ее догола, а потом продолжить. Я хочу узнать, что заставляет ее тикать. Даже не хочу — мне это нужно.

Мне что-то нужно от нее и это то, от чего я должен защищаться. Это самое опасное в ней. Потому что, если я буду нуждаться в ней, она причинит мне боль, отвлечет меня, может даже разломает на кусочки и перемолотит их под своим каблуком. Я видел, как это происходит с моей мамой.

И я не настолько тупой, чтобы думать, что любовь делает это с каждым. Бо, мамин парень сейчас, он любит ее, но он любит ее не так, как тайфун, как гребаное цунами, выбивающее ноги у него из-под ног. Я знаю, что в мире есть любовь легкая, медленная и стабильная.

Но это не то, что я чувствую рядом с Кэролайн.

Она может сильно ударить меня по заднице.

Это не то, ради чего я в Айове.

Она выдыхает, длинный поток воздуха.

— Хорошо, — говорит она. — Хорошо.

А потом, после очередной паузы произносит:

— Спроси меня еще раз.

— Как дела?

— Ужасно, — она смотрит на пол. — Каждый день, — шепчет она. — Каждый день — худший день в моей жизни.

Я посыпаю мукой стол перед собой, готовясь формировать буханки.

Хлеб практически получается сам собой, если все делать правильно. Нужно просто перестать бороться с этим.

Кэролайн наблюдает за моими руками. Как мои пальцы придают форму, ставят хлеб на поднос, чтобы он поднялся.

— У меня есть способ сделать так, чтобы не бороться с этим, чтобы не выглядело как борьба. Наверное, я так долго ковырялась в себе, что трудно вспомнить, что есть другой способ исправить это.

Не думаю, что я был таким, как Кэролайн. Я никогда не был привилегированным, как она, уверенным в своем месте в мире, думающим, что будущее — это позолоченное яйцо, которое я могу выдернуть из гнезда и унести домой. Я всегда знал, что мир не прекрасен, что он сломан, что он подводит тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Когда ты это знаешь, легче принимать удары. Автоматически сопротивляться.

— Я не могу заставить это уйти, — тихо говорит она. — Не сама. Не без...

— Без чего?

Она морщит нос.

— Не без того, чтобы рассказать моему отцу.

— Что он может сделать такого, чего не можешь ты?

— Много чего, потенциально. Но в основном есть компания, которую ты можешь нанять, чтобы очистить твоё имя в интернете. Вытеснить плохие результаты в поисковых системах. Но это дорого.

— Ах.

— Да.

— Это отстой.

— Так и есть.

— Так, что еще нового?

Она моргает на меня, явно не ожидая смены темы.

— Не так много, — говорит она.

— Ха, — я подталкиваю немного теста в ее сторону. — Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо.

— Давай, я покажу тебе как.

— Спасибо, но нет. Думаю, мои таланты в другом.

Она так похожа на прежнюю Кэролайн, что я почти улыбаюсь.

— Нет проблем.

Она снова начинает бродить по комнате.

— Ты вообще думала о чем-нибудь, кроме голых фотографий с тех пор, как они впервые

появились... когда, в начале прошлого месяца?

— Двадцать четвертого августа, — она наклоняет голову, раздумывая. — Да.

— О чем еще ты думала?

Кэролайн заглядывает в чистый миксер. Когда она засовывает палец внутрь чаши и прослеживает ее изгиб — изгиб, который я отполировал до блеска, я не говорю ей остановиться, хотя после ее ухода мне снова придется ее мыть.

Она может трогать все, что захочет.

— Мой класс по конституционному праву. Домашнее задание по латыни. Свадьба моей сестры. Нормально ли ест мой папа, когда меня нет дома, чтобы его пилить. Как замазать круги под глазами. Изнасилование. Зло. Действительно ли приемные комиссии юридических вузов регулярно проверяют абитуриентов через Гугл или только в особых случаях.

Она смотрит на меня.

— Нужно ли мне исправить щель между зубами. Все как обычно.

— Уверена, что не хочешь добавить еще несколько вопросов? Глобальное потепление, может быть? Снижение тиражей газет?

Она почти улыбается.

— О чем ты думаешь?

Наверное, я тоже должен составить список, но к черту.

У меня есть три года бакалавриата, прежде чем я смогу поступить в медицинскую школу, затем четыре года, чтобы стать врачом, еще четыре или пять, чтобы стать анестезиологом, а потом годы тяжелой работы, чтобы создать практику. У меня три работы, Фрэнки, о которой нужно думать, мама, о которой нужно заботиться.

Может быть, то, что я могу получить от Кэролайн, — это маленький кусочек пространства и света в самые темные часы ночи. Я могу дать ей разрешение не быть в порядке. Позволить ей говорить о том, что ее беспокоит. Отвлечь ее от проблем.

Если она захочет прийти сюда, я сделаю все это, но я не буду превращать ее проблемы в свои и не собираюсь обнажать перед ней свою гребаную душу.

— В основном, мои уши, — говорю я. — Ты действительно думаешь, что они слишком маленькие?

Я трогаю их руками, покрытыми мукой, пытаюсь выглядеть смущенным. Это срабатывает — она улыбается.

Эта щель между ее зубами убивает меня. Мне нужно измерить ее языком.

— Ты уверен, что они полностью выросли? — спрашивает она. — Потому что мой дантист сказал мне, что может пройти несколько лет, прежде чем мои зубы мудрости закончат расти. Может быть, то же самое с твоими ушами.

— Ты хочешь сказать, что у меня может быть скачок роста. Вырастут более мужественные уши.

— Это возможно.

— Ты же знаешь, что говорят. Маленькие уши, большой инструмент.

— Это совсем не то, что говорят.

— Нет? Может, это только в Орегоне так говорят.

Она смеется, хриплый звук. Мне не нравится, как он скользит по мне. Мне не нравится, что я почти чувствую, как записываю это в памяти на потом — Кэролайн смеется, когда я расстегиваю ее лифчик. Она все еще улыбается, когда я снимаю эти бесформенные

спортивные штаны и вижу, что на ней под ними. Как она выглядит голой.

Ты уже знаешь, как она выглядит обнаженной.

Все знают.

Я отмахнулся от этой мысли. Это не имеет значения и в любом случае между мной и ею этого не будет.

— Вот в чем дело, — говорю я. — Есть и все остальное дерьмо, о котором ты могла бы беспокоиться, а ты тратишь слишком много беспокойства на то, что не можешь исправить.

— Например? Переживания по поводу размера твоих ушей не отнимут у меня много времени. У меня все равно будет двадцать три с половиной часа в день, чтобы беспокоиться.

— Ты хочешь сказать, что тебя волнуют мои уши только полчаса?

— Возможно, даже не знаю. Я должна быть честной с тобой.

— Пожалуйста. Будь честной.

— Хорошо. Дело в том, что, если мне никогда не придется видеть «уши» другого парня, пока я жива. Я буду счастливой девушкой.

— Теперь ты начинаешь говорить с горечью.

— Может и так. Может быть, я просто видела слишком много крупных планов «ушей» в последнее время.

— Красные, опухшие уши?

Она наклоняется, как будто раскрывает мне большой секрет.

— Вонючие, ужасные, огромные, отвратительные, капающие «уши».

Это меня смешит.

— Что это с вами, парни, вы фотографируете свои «уши»? — теперь она возмущена.

— Как будто вы ими так гордитесь.

— Если бы ты могла заставить что-то выстреливать из своих ушей, ты бы тоже гордилась.

Она кусает губу, смотрит в сторону миксера, как будто это спасет ее от того, что мы только что говорили о членах и ей хочется смеяться, но она не позволяет себе этого.

— Я думаю, нам нужна новая тема.

— Что-то более вежливое?

— Да, — затем она смотрит на меня из-под ресниц и на одну жалкую секунду она становится лукавой. — Что-нибудь менее смазанное.

Мне приходится отвести от нее взгляд. Сделать вдох.

Я указываю на комок теста.

— Вымой руки, и я дам тебе его замесить.

— Дашь?

— Да. Я научу тебя делать лучшую закваску в округе Патнем.

— Кто-нибудь еще в округе Патнем делает закваску?

— Нет, насколько я знаю.

Она смотрит неуверенно на хлеб, но стягивает через голову свою толстовку.

— Хорошо. Я в игре.

Футболка, которую она надела под кофту — это, должно быть, пижамная футболка. На ней нет лифчика.

Я готовлю четыре буханки, пока она моет руки у раковины.

Я делаю еще одну с закрытыми глазами, желая, чтобы мягкое покачивание ее груди ушло из моей головы.

Когда она возвращается от раковины, ее лицо серьезно.

— Послушай. Я... Я просто хочу сказать вот что. Я имела в виду то, что сказала тебе в библиотеке.

— Что именно ты мне сказала?

Она ковыряет в ногте большого пальца.

— Я не могу быть твоим другом. Или кем-то еще.

Я понимаю.

Это не значит, что мне не больно, немного больно, слышать это снова, но я действительно понимаю.

У меня были свои причины не разговаривать с ней в прошлом году, у нее тоже есть свои причины. Был Нейт. Был ее отец, который ненавидел меня еще до того, как я начал намеренно поджигать его фитиль. Но под всем этим было еще кое-что.

Кэролайн не из тех девушек, которые связываются с парнем, который занимается торговлей. Она из тех, кто играет безопасно, делает то, что должна, следует всем правилам.

Может быть, если бы я был тем, кем притворяюсь, когда нахожусь в Патнеме, мы с Кэролайн были бы возможны, но это не так. Мы не имеем смысла вместе.

Все в порядке.

— Вот что я тебе скажу, — говорю я. — Сегодня вечером я покажу тебе, как сделать приличный хлеб и испечь его. Если ты придешь завтра, я научу тебя кое-чему другому. Нам не нужно быть друзьями. Мы можем просто заниматься... ну, знаешь, этим ночным делом. Если ты хочешь.

— А мы можем?

— Когда Боба здесь нет, это моя пекарня. Я могу делать все, что захочу, лишь бы хлеб был.

— И ты не будешь...

Когда она смотрит прямо на меня, мои руки дергаются.

Не будешь, Уэст.

*Ты, бл*дь, не будешь.*

— Мы будем печь хлеб и не будем друзьями. Ты не должна приближаться к моим ушам ближе, чем на три метра. Я не хочу этого от тебя, в любом случае.

Что ж, еще одна ложь в придачу ко всей остальной?

Она пробно ковыряет тесто перед собой.

— Хорошо. Тогда покажи мне, как ты это делаешь.

Я показываю ей, а потом показываю все остальное. Она остается, пока ее буханка не выходит из духовки. К тому времени она уже зевает.

Я отправляю ее домой спать с теплым хлебом под мышкой. Я заставляю ее написать мне, когда она вернется в общежитие, в безопасность за запертой дверью.

На следующую ночь она возвращается.

Она продолжает возвращаться, и я ей позволяю.

Вот так я не дружу с Кэролайн Пьясеки.

НОЯБРЬ

Кэролайн

Когда думаю о пекарне, я думаю обо всем этом вместе.

Хруст осенних листьев, сваленных на пороге задней двери, где они оказались, пролетая по аллее и застряв.

Блеск мисок и столешниц под люминесцентными лампами, когда Уэст заканчивал уборку и закрывался на ключ.

Запах пекущегося хлеба, крошащееся тесто из живых дрожжей между моими пальцами, голос Уэста за моим ухом, когда он наклонялся к моему плечу и смотрел, как я опускаю тесто в миску, говоря:

— Вот так. Правильно.

То, как он двигал рукой короткими, уверенными движениями, когда отрезал верхушки буханок прямо перед тем, как задвинуть противни в духовку.

Зима пришла поздно. Октябрь превратился в ноябрь, и я провела долгую, хрустящую осень с посыпанными мукой столешницами, поднимающимся тестом, липкими пальцами, громкой музыкой и Уэстом, работающим в своей кепке, повернутой назад, фартуке, повязанном на талии и с этой умной ухмылкой на лице.

Уэст — это пекарня. Я не могу представить себе ее без него, и я не могу представить его лучшую версию, ту, которую он редко позволяет людям увидеть, без этой кухни как фона для его движений.

Уэст наклоняется, чтобы отмерить ложку зерна.

Уэст толкает плечом закрытую дверцу духовки, устанавливая таймер.

Уэст месит тесто обеими руками, обсыпанными мукой до локтей, двигаясь под легкий ритм какой-то пошлой клубной музыки, которую выбрал Криш.

Там, в пекарне, пока весь остальной мир спал, время останавливалось. На той кухне мы были собой. Задолго до того, как он поцеловал меня, я прошла целую жизнь с Уэстом, проходя боевое крещение, когда мы разламывали буханку и разглядывали, ковырялись в ней руками. Попробовали то, что мы сделали.

Это не было совершенством, то, что у нас получалось. Однажды ночью я забыла соль. В другой раз вода, которую я поставила, была слишком горячей, и я убила дрожжи. Были ночи, когда Уэст забывал сказать мне какую-то важную вещь и ночи, когда он решал не напоминать мне, просто чтобы посмотреть, вспомню ли я.

Он сдерживал себя, а я не всегда была достаточно смелой. Я не доверяла себе.

Мы проваливались так же часто, как и добивались успеха, Уэст и я.

Но я думаю о том, что было бы, если бы он не пришел за мной.

Я думаю, что могла бы навсегда остаться в своей машине. Я могла бы поворачивать только направо.

Я бы так и не научилась перестать бояться и эти люди продолжали бы преследовать меня всегда.

Я не могу не радоваться, что все произошло не так.

Вместо этого Уэст вышел, а я вошла.

После этого мне редко хотелось быть где-либо еще.

— Ты опять жужжишь.

Я в своем уголке, маленькой зоне на полу пекарни между раковиной и длинным столом у стены, где Уэст расставляет свои миски для смешивания. Мне нравится здесь, потому что обычно я могу видеть только часть его лица.

Я наблюдаю за его ботинками, штанинами ниже колен, фартуком.

В эту часть ночи, когда он смешивает, он постоянно двигается. Переминается с ноги на ногу, если перемешивает закваску. Перемещается от раковины к миксеру, к холодильнику, к кладовой, обратно к миксеру, обратно к раковине, к стойке, чтобы взять забытый инструмент.

То, как он двигается, почти больше, чем я могу выдержать. Его ленивая грация. Его компетентность.

Его руки попадают в поле зрения, когда он снимает одну миску с подставки и ставит другую. Он наклоняется, и я вижу его кепку и шею, его лицо в профиль, джинсы, обтягивающие согнутую ногу.

Я могу рассматривать его по частям. Все они хороши, но они не заставляют меня покрываться нервным потом, как это было вчера вечером, когда пришло время идти домой, и он проводил меня до задней двери, подпер рукой косяк и сказал кое-что, что заставило его улыбнуться мне и наклониться. Я не знаю, что он сказал. Я не слышала его, потому что из-за того, как он держал руку, рукав его рубашки задрался, обнажив бицепс — четкий изгиб упругих мышц. Я провалилась в червоточину бицепсов, а потом совершила грубую ошибку, засмотревшись на его рот, форму губ и скул, подбородок и глаза. Я забыла слушать его.

Я забыла дышать или существовать вне лица Уэста.

Да. Такое может случиться, и когда это происходит, это действительно плохо. Ему пришлось щелкнуть пальцами перед моим носом, чтобы пробудить меня. От этого я вздрогнула, отступила назад и чуть не упала. Уэст только снисходительно улыбнулся.

— Напиши мне, когда придешь домой, — сказал он, и я ответила что-то похожее на «Угу».

Думаю, он привык, что я безнадежна рядом с ним. Мы оба просто притворяемся, что это не так. Это вроде как работает.

Мы вроде как работаем.

Я прихожу в пекарню два или три вечера в неделю — почти каждую смену, когда он работает, я здесь. Бессонница сделала меня своей сучкой, но это не так важно, когда я могу проводить время с Уэстом и заниматься в своем маленьком уголке. Я дремлю после занятий. Я превращаюсь в ночное существо. Но все в порядке. Думаю, я лучше буду Беллой Свон, тусующейся в доме Калленов, чем, ну, знаете, школьной Беллой — злобной и защищающейся, расхаживающей по школе Форкс, уверенной, что все ее ненавидят.

Мужчины в моей голове молчат, когда я в пекарне. Думаю, если бы они меня обзывали, Уэст бы на них зыркнул и сказал, чтобы они заткнулись. Если бы они были настоящими, я имею в виду. Но это не так.

Телефон Уэста все еще жужжит, вибрируя и отрываясь от края столешницы. Я тыкаю пальцем и задвигаю его обратно в безопасное место.

— Парень из теста, — говорю я громко, потому что при работающем миксере трудно расслышать. — Твой телефон.

— Что?

— Твой телефон.

Я показываю пальцем, и он наконец понимает. Он подходит и берет его с металлической столешницы рядом со мной.

Он уморительно смешной, когда хочет быть смешным, очень умный, открытый и дразнящий, а потом вдруг я переступаю какую-то невидимую черту, и он становится роботом. Или слишком напряженным, жалующимся на то, что все полная чушь, как в тот первый вечер, когда я пришла сюда.

Он уходит с телефоном в переднюю часть пекарни, где я не смогу услышать его разговор.

Я возвращаюсь к своей латыни, хотя мне трудно сосредоточиться, зная, что через десять или пятнадцать минут кто-то появится в дверях переулка. Уэст встретит его там, расположив свое тело так, чтобы я не могла видеть, с кем он разговаривает, бормоча этим низким голосом, который делает его похожим на простого парня, бездельника. Его плечи ссутулятся. А руки то и дело будут высовываться из карманов, подгоняемые его успокаивающим, не угрожающим голосом.

Я стараюсь не смотреть. Только так мы можем быть друзьями — или не друзьями, я не знаю, кто мы.

Но он единственный человек в моей жизни, который не относится ко мне безразлично, не относится как ко всем.

Он спрашивает:

— Как дела? — когда я вхожу в дверь и я говорю ему правду, но после этого все. Мы больше не говорим об этом.

Забившись в свой уголок в пекарне, в течение нескольких часов, два или три вечера в неделю я чувствую себя самой собой.

Когда он возвращается, то запрыгивает на ближайший стол напротив меня и говорит:

— Что это, латынь?

— Да. У меня завтра контрольная работа.

— Нужна помощь с глаголами?

— Нет, я в порядке.

— Ты останешься надолго, чтобы я научил тебя всем тонкостям глазирования кексов?

— Наверное, нет. Мне нужно написать доклад по Праву, а я не взяла с собой ноутбук.

— А стоило бы. Мне нравится, когда ты пишешь здесь.

Мне тоже.

Он молчит, когда мне нужно, а когда я хочу отдохнуть, он учит меня какому-нибудь хлебному делу. Если я читаю ему свой черновик вслух, он предложит какое-нибудь изменение, которое кажется незначительным, но в итоге всегда делает текст более лаконичным, а аргументы более сильными.

Уэст умный. Безумно умный. Я и понятия не имела — единственный раз, когда у меня был с ним совместный урок, он не разговаривал.

Возможно, он, на самом деле, умнее меня.

— Тогда на следующей неделе, — говорит он. — Во вторник ты узнаешь секреты глазури.

Я улыбаюсь. Мне кажется, ему нравится учить меня чему-то почти так же, как ему нравилось учить это самому. Он почти ненасытно любопытен. Неважно, какое домашнее

задание я делаю, в конце концов он задаст мне пятьдесят вопросов об этом.

— Звучит неплохо. Ты работаешь в ресторане в эти выходные?

— Да. А у тебя какие планы?

Я хочу потусоваться с тобой. Приходи в воскресенье, посмотрим глупое ТВ шоу.

Пойдем в бар.

Пойдем поужинаем в Айова-Сити.

Иногда я придумываю себе жизнь, в которой я могу быть с Уэстом не только друзьями. Жизнь, в которой мы можем проводить время где-нибудь еще, кроме пекарни.

А потом я мысленно щипаю себя, потому что нет, я хочу меньше скандалов, а не больше.

— Бриджит пытается уговорить меня пойти на вечеринку завтра вечером.

— Где?

— Где-то с кучей футболистов.

— О, в Бурбон Хаус?

— Да, ты идешь?

— Я буду на работе.

— А после того, как освободишься?

Он улыбается.

— Не-а. Но тебе стоит пойти.

Когда Бриджит предложила это, идея наполнила меня паникой. Скопление тел, все эти лица, которые я должна буду изучить на предмет признаков осуждения, жалости, отвращения. Я не могу веселиться, когда я так занята тем, что слежу за своим поведением, выбираю подходящую одежду, наклеиваю на лицо улыбку и смотрю, смотрю, смотрю, пока мужчины в моей голове говорят мне, что я выгляжу как шлюха и мне нужно уже кого-то выбрать. А затем отвести его наверх и дать ему пососать мои сиськи, потому что это все, на что способна такая шлюха, как я.

Бриджит считает, что мне нужно больше гулять, вернуть свою жизнь. Иначе Нейт победит.

Я понимаю ее точку зрения. Но я не могу заставить себя захотеть.

Я смотрю на рифленые подошвы ботинок Уэста, раскачивающиеся в нескольких метрах от моего лица. На то, как выглядят его костяшки пальцев, сложенные на краю стола. На стиб его локтя.

Если бы Уэст собирался на вечеринку, я бы захотела.

— Возможно.

— Сделай что-нибудь веселое, — говорит он. — Напейся, потанцуй немного. Может быть, ты даже встретишь кого-нибудь, с кем стоит проводить ночи, чтобы ты не торчала здесь, постоянно домогаясь меня.

Он ухмыляется, когда говорит это. «Шучу, Кэр», — говорит эта ухмылка. «Мы оба знаем, что ты слишком долбанутая на всю голову, чтобы с кем-то встречаться».

Не успеваю я перевести дух, как он спрыгивает вниз и направляется к раковине, где наполняет ведро мыльной водой, чтобы вытереть столешницы.

Я смотрю на свой учебник латыни, в котором действительно есть глаголы и моргаю от жжения в глазах.

Video, videre, vidi, visus. Видеть.

Cognosco, cognoscere, cognovi, cognotus. Понимать.

Maneo, manere, mansi, mansurus. Оставаться.

Я вижу, что он делает. Время от времени Уэст бросает какой-нибудь полушутливый комментарий, чтобы напомнить мне, что я не его девушка. Он улыбается, когда говорит мне что-то, что означает: «Ты не важна для меня. Мы не друзья».

Он притягивает меня ближе одной рукой, а другой бьет воображаемым кулаком по моему лицу.

Я знаю, почему он это делает. Он не хочет, чтобы я подходила ближе.

Я не знаю почему.

Но я вижу. И понимаю.

Я остаюсь на месте.

Мы в полном беспорядке, Уэст и я.

Он убирает со столов, его движения резкие и отрывистые. Когда он переходит к мытью посуды, то хлопает кастрюлями, вместо того чтобы складывать их в стопки. Он так поглощен шумом, который производит, что, когда в задней двери появляется фигура, Уэст не замечает ее.

А вот я замечаю. Я поднимаю глаза и вижу там Джоша. Раньше он был моим другом. Теперь я вижу его с Нейтом. Думаю, он встречается с Сиеррой. Он стоит с бумажником в руке и выглядит неловко.

— Привет, Кэролайн, — говорит он.

— Привет.

Уэст поворачивается ко мне, прослеживает мой взгляд до дверного проема. Он глубоко хмурится и идет к двери. Джош поднимает бумажник, и Уэст как бы пихает его вниз и в сторону, выходя в переулок, заставляя Джоша отступить.

— Убери свои гребаные деньги, — слышу я его слова, когда дверь закрывается. — Господи Иисусе.

Потом кухня пустеет — только я, шум миксера и вода, текущая в раковине.

Когда он возвращается, он один, его рука что-то заталкивает глубоко в карман.

— Ты этого не видела, — говорит он.

Это глупо.

Думаю, он полагает, что защищает меня. Если я не вижу, как он торгует, значит, я не соучастница. Я — забывчивая девочка в углу, не способная сложить два и два и получить четыре.

— Но я видела.

Он смотрит на меня таким взглядом, какой я не видела со времен библиотеки. Это заставляет меня бросить книгу на пол и встать и когда я стою, я чувствую, как это усиливается — как моя грудь все еще болит от боли от того, что он сказал несколько минут назад. Мое сердце колотится, потому что он сделал мне больно нарочно, и я злюсь из-за этого.

Я злюсь.

Он поворачивается ко мне спиной и начинает мыть миску.

— Какую прибыль ты получаешь? — спрашиваю я. — На такой продаже, как эта, это вообще стоит того? Потому что я посмотрела — продажа является уголовным преступлением. Если тебя арестуют, ты получишь тюремный срок. Там обязательный минимальный пятилетний срок.

Он продолжает чистить миску, но его плечи напряжены. Напряжение в комнате густое,

как дым и я не знаю, зачем его подначиваю.

Он прав, пытаюсь защитить меня. У моего отца был бы приступ, если бы он узнал, что я здесь, с Уэстом, торгующим через заднюю дверь, продающим травку вместе с кексами. Он бы спросил меня, не сошла ли я с ума, и что бы я ему ответила?

Это всего лишь трава? Я не думаю, что Уэст вообще ее курит?

Отговорки. Мой папа ненавидит оправдания.

А правда в том, что я превращаю себя в соучастницу каждый раз, когда прихожу сюда и сажусь на пол рядом с Уэстом и мне все равно. Мне правда все равно. Раньше не было. Теперь — да.

Теперь я слишком занята тем, что очарована Уэстом.

И еще деньги. Я думаю о деньгах. *Интересно, сколько у него есть.* Я знаю, что он платит за обучение, потому что он мне сказал, и что летом он работает кэджи на поле для гольфа, потому что я спросила, почему у него такие яркие линии загара.

Думаю, что он сам платит за квартиру, платит за еду, но, насколько я могу судить, у него нет никаких увлечений или пороков. Я не могу понять, почему он работает на стольких работах и торгует травкой, если ему не нужны все эти деньги, чтобы просто прожить. Ведь должно же быть что-то большее, верно? У него должно быть что-то, из-за чего ему нужно продавать траву и давать кредиты.

— Брось это, — говорит Уэст.

Я не могу бросить. Не сегодня. Не тогда, когда боль в груди превратилась в эту жгучую, гневную настойчивость. Я слишком зла на него и на себя.

— Нужно будет спросить Джоша, — размышляю я. — Или Криша. Наверняка он мне расскажет. Наверняка, когда люди приходят к тебе в квартиру, ты не отворачиваешься от Криша и не заставляешь его сидеть одного, пока ты разбираешься снаружи на пожарной лестнице.

Я никогда не была в его квартире. Я знаю о пожарной лестнице только потому, что проезжала мимо.

Возможно, я немного преследую его.

Уэст опускает миску в раковину и поворачивается ко мне.

— Чего ты взъелась? Хочешь, чтобы я торговал у тебя на глазах?

А я хочу?

Мгновение я колеблюсь. Я смотрю на пол, на рассыпанную муку возле ряда мисок для смешивания.

Я вспоминаю первую ночь, когда пришла сюда и первое, что происходило каждый вечер с тех пор.

«Как дела, Кэролайн?»

— Это чушь, — говорю я.

Его глаза сужаются.

— Ты притворяешься, что не торгуешь наркотиками через заднюю дверь, как будто собираешься защитить меня от того, чтобы я узнала правду о тебе. Это несправедливо, что я должна приходить сюда и обнажать перед тобой свою душу, а ты даже не хочешь, чтобы я прикоснулась к твоему дурацкому мобильнику.

Уэст скрестил руки. Его челюсть напряглась.

— Ты наркоторговец, — я впервые произнесла это вслух. Впервые я даже мысленно произнесла эти слова. — Ну и что? У тебя в кармане несколько засохших растений в

пластиковом пакете, и ты даешь их людям за деньги. Вот это шумиха.

Он смотрит на меня. Не мгновение, что было бы нормально.

Он смотрит на меня целую вечность.

В течение всей моей жизни он смотрит прямо мне в глаза, и я делаю неглубокие вдохи через рот. В груди давит, в ушах звенит, пока миксер гудит, гудит и гудит.

Затем уголок его рта слегка приподнимается.

— Вот это шумиха?

— Заткнись, — я не в настроении, чтобы меня дразнили.

— Могла бы хотя бы добавить туда бл*дь. Вот это бл*дская шумиха.

— Мне не нужны твои советы, как материться.

— Ты уверена? У меня это получается гораздо лучше, чем у тебя.

Я отворачиваюсь и поднимаю с пола свою сумку и учебник латыни. Я больше не хочу здесь находиться. Не хочу быть рядом с ним, если он собирается причинить мне боль, издеваться надо мной и дразнить меня. Я прихожу сюда не за этим, и я ненавижу, как давление от того, как он смотрел на меня, нарастает на моем лице, колет за переносицей, застревает в горле.

— Кэр, — говорит он.

— Оставь меня в покое.

— Кэр, я заработал сорок баксов. Ясно? Это то, что ты хотела от меня услышать?

Я перестаю собирать свою сумку и просто стою, глядя на него.

Он заработал сорок баксов.

— Сколько ты взял с него?

— Шестьдесят пять.

— За сколько?

— За 22 грамма.

Я повернулась.

— Это много?

— Много денег или много травы?

— И то, и другое.

Он улыбается уже по-настоящему и качает головой.

— Это немного больше, чем берут другие, но трава лучшая. Это самая маленькая сумма, за которую я буду продавать. Почему мы об этом говорим?

И тут у меня сдают нервы. Я пожимаю плечами и смотрю мимо его левого уха.

Я не хочу его спрашивать.

До этого года я никогда не задумывалась о деньгах. Мой отец довольно обеспечен. Я выросла в хорошем доме в безопасном районе в Анкени, недалеко от Де-Мойна и, хотя Патнем не из дешевых, мне не приходилось беспокоиться об оплате обучения. Я всегда знала, что мой отец заплатит за него, сколько бы это ни было.

Но это было до фотографий и это было до того, как я поняла, что, что бы я ни делала, я не могу заставить их исчезнуть. Не в одиночку.

Мне нужно пятнадцать тысяч долларов, — может быть больше, — чтобы нанять компанию, которая продвинет мое имя вниз в поисковых рейтингах и очистит мою репутацию в интернете. Парень, с которым я разговаривала, сказал, что такие дела, как мое, могут быть более сложными, что означает более высокую плату.

У меня нет работы. У меня была одна в средней школе, но папа говорит, что сейчас мне

лучше сосредоточиться на учебе. У меня есть сто тысяч долларов на сберегательном счете — моя доля от страховки жизни мамы, умершей от рака, когда я была еще ребенком, но пока мне не исполнится двадцать один год, я не могу их трогать.

Не имея дохода и кредитной истории, я не могу получить пятнадцать тысяч долларов по кредитной карте, не получив подпись в заявлении от отца. Я пыталась.

— Кэролайн? — спрашивает Уэст.

— Что?

Он подходит ближе.

— В чем, собственно, дело?

И я ляпнула самую глупую вещь.

— Ты не должен меня защищать.

Потому что я устала от этого. От того, что меня защищают. От того, что я нуждаюсь в ней.

— Я не защищаю.

— Знаешь, что самое страшное? — спрашиваю я. — Это знать, что я всегда была глупой, защищенной и просто... просто бесполезной. Все говорят мне, что я умная, как будто это так здорово и важно. Поступление в хороший колледж — «о, Кэролайн, как здорово». Но одна плохая вещь случается со мной, и я даже не могу...

Я замолкаю, потому что мне кажется, что я сейчас заплачу и я слишком зла, чтобы поддаться этому.

Уэст делает еще один шаг ближе и вот он уже поглаживает мою руку. Его ладонь ложится на мою шею, поверх волос и он наклоняет меня вперед, пока мой лоб не упирается в его грудь.

— Ты не бесполезна.

— Нет, серьезно, я не могу... Мне нужно, чтобы ты это услышал, хорошо? Потому что дело в том...

— Кэролайн, заткнись.

Но то, как он это сказал, — это определенно самое приятное, что когда-либо заставляло меня замолчать. И его потирающая рука, обхватившая мою спину и прижимающая меня к себе — это тоже приятно. Я чувствую его дыхание. Я чувствую запах его кожи, чувствую, как мои волосы цепляются за щетину под его подбородком.

Здесь гораздо лучше. Мне нравится.

Слишком сильно нравится. Настолько, что я провожу максимально возможный промежуток времени, наслаждаясь его теплом, тяжестью его руки на моей шее, тем, как его ботинок выглядит, застряв между моими ногами. Но потом я должна спросить. Я должна.

— Уэст?

Он издает звук, похожий на «хм».

— У тебя много денег?

Я поднимаю лоб, когда спрашиваю, что делает меня поразительно близко к его лицу. Я нахожусь достаточно близко, чтобы увидеть, как хмурый взгляд начинается у опущенных кончиков его бровей и распространяется по лбу.

Достаточно близко, чтобы увидеть, как его глаза становятся озадаченными. Затем гневными. Потом пустым.

Его рука убирается с моей шеи.

— Почему ты спрашиваешь меня об этом?

Уже слишком поздно, чтобы промолчать, и бабочки в моем животе превратились в свинцовые слитки, и я знаю, что все это неправильно. Но я не знаю, как из этого выбраться.

— Мне... мне нужен кредит.

Он отступает назад.

— Зачем?

— Помнишь, я рассказывала тебе о компании, которая может очистить мою репутацию в интернете?

— Ты сказала, что это дорого, поэтому тебе придется рассказать отцу.

— Да.

Я немного подождала.

— Ты не рассказала отцу.

— Я не могу, Уэст. Я думала об этом, но я... Что, если он увидит?

Это может случиться в любой момент. Мой отец может сидеть за своим столом и набрать мое имя в поисковике, просто так. Или кто-то, с кем он работает, может направить его в этом направлении. Друг. Одна из моих сестер. Кто угодно.

Я закрываю глаза, потому что унижение, стыд за то, что я прошу Уэста помочь мне все исправить, нарывая меня.

Я вообще не могу смотреть на него.

— Сколько тебе нужно?

— Пятнадцать тысяч долларов. Я слышала, что ты... Я слышала, что иногда ты так делаешь.

Он вздыхает.

— У тебя вообще есть какой-нибудь доход?

— Я получаю пособие.

Я открываю глаза, но не могу поднять их выше своей обуви. Мои черные туфли припорошены мукой. Она въелась в пряжку, и я сомневаюсь, что смогу ее вычистить, даже если захочу.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы расплатиться со мной?

— Я могла бы платить тебе сто пятьдесят в месяц, если я никогда ничего не буду покупать или есть вне столовой.

Уэст пинает меня носком ботинка. Ждет, пока я подниму глаза. Его глаза все еще мертвы.

— Я начислю проценты.

— Я этого и ожидала.

— Я дам тебе их во вторник.

А потом он молча ушел, пустой, а я слишком полная, как будто у меня нет никаких краев. Только боль и разочарование.

— Спасибо, — говорю я. — Я... я пойду. Мне нужно написать эту работу.

Он только ворчит на меня и взвешивает тесто.

Я не вижу Уэста в пятницу, потому что он работает в ресторане, а мы не друзья.

Я не пойду на футбольную вечеринку. Бриджит сломала всю голову, пытаюсь убедить меня в этой идее, но я не могу. Я скажу ей, что мне нужно заниматься, а потом спрячусь в библиотеке и снова и снова буду проигрывать свой разговор с Уэстом.

Я не должна была просить у него денег. Не знаю, кого я должна была просить, но не его. Выражение его лица... Не могу перестать думать об этом.

Я не вижу Уэста в субботу, потому что он работает в ресторане, а мы не друзья.

На следующей неделе все повторяется. Во вторник он дает мне деньги и учит делать лимонную глазурь для кексов. Все как обычно, но на наших разговорах лежит тонкий слой неловкости и когда я не рядом с ним, он застывает и становится непроницаемым.

Я отправляю денежный перевод с денег, которые мне дал Уэст, людям с интернет-репутацией, но лучше бы я этого не делала. Лучше бы я никогда не открывала рот.

В следующие выходные я ужинаю с Бриджит, а после мы идем в Дейри Куин в городе. Под ногами хрустит листва. Я ем горячее пирожное с помадкой, такое большое, что после него мне приходится лечь на красную лакированную скамейку и расстегнуть верхнюю пуговицу на джинсах. Перевернувшись на спину, я смотрю на одну из витрин и могу различить мольберт с меловой доской в «Позолоченной груше».

Нейт приглашал меня туда на ужин в прошлом году перед весенним формальным мероприятием. Уэст был нашим официантом. Каждый раз, когда он подходил к столу, это было более неловко, чем в предыдущий раз. К тому времени, когда он принес чек, его разговор с Нейтом был так густо пронизан иронией, что мне показалось, будто они разыгрывают сцену в пьесе.

Пьеса, где идет бой на мечах.

Я рассталась с Нейтом не из-за Уэста. Честно.

Но я, вероятно, порвала с Нейтом из-за возможности появления кого-то вроде Уэста.

— Ты закончила свою работу вчера вечером? — спросила Бриджит и поскольку я отвлеклась на воспоминания об Уэсте в его официантской форме — черные слаксы и белая рубашка, я ответила:

— Угу.

— А то, что ты читала для Права?

— Ага.

У него были закатаны рукава. Его загар был насыщенным на фоне хрустящего белого хлопка.

— Значит у тебя нет оправдания, чтобы не пойти со мной на вечеринку Альянса.

— Что? Нет.

Я сажусь. Бриджит улыбается своей самой злобной улыбкой.

— Да.

— Я действительно не хочу.

— У тебя действительно нет выбора. Тебе не нужно учиться, тебе пора возвращаться и это самая простая и лучшая вечеринка, потому что по крайней мере половина людей там будут геями. Возможно, две трети, если считать бисексуалов и людей, которые «экспериментируют», — она делает воздушные кавычки пальцами. — К тому же, мы так веселились в прошлом году. Пожалуйста.

Два часа спустя я держу пиво в одной руке, а Бриджит дергает меня за локоть другой руки и тянет на танцпол.

Вечеринка Альянса проходит в Миннехан-центре — здании кампуса, предназначенном для масштабных развлечений. Там есть кинотеатр и эта комната — огромный зал с высоким потолком, сценой, диско-шаром и маленьким закутком у одной стены, где хозяева вечеринки толкают бесконечный парад красных стаканчиков через стойку к толпе студентов.

На вечеринки в Миннехан-центре нельзя попасть без студенческого билета, но если вы попали внутрь, то нет никаких проблем с документами. Работник, выдающий браслеты,

проводит беглую проверку документов, в результате которой все участники вечеринки оказываются совершеннолетними.

Пиво всегда бесплатное. Музыка всегда громкая.

На вечеринке Альянса звучит саундтрек, который пробуждает во всех внутреннюю АББУ, а также множество эксгибиционистских наклонностей. Насколько я могу судить, я единственный человек в комнате в джинсах и футболке. Бриджит одета в золотой топ с блестками и обтягивающие черные брюки, которые расклешиваются над туфлями на платформе. Она — королева диско.

Она выбирает место на краю танцпола, как раз, когда звучит «Мужчины падают с неба». Подняв руки, прыгая вверх-вниз, она кричит вместе с сотней других людей.

— Потанцуй со мной! — кричит она.

Я качаю головой.

Затем я пью пиво, быстро опустошая стакан, чтобы отвлечься от ее разочарования мной и беру другое пиво.

К тому времени, как прокручивают половину саундтрека к фильму "Присцилла, королева пустыни" и всю лучшую Гагу, танцпол уже бурлит, и я достаточно расслабляюсь, чтобы присоединиться, покачивая бедрами и хлопая в ладоши с Бриджит. Я улыбаюсь, видя, как Кришна подходит к ней сзади. Он прижимается к ней, и она закатывает глаза, но ей это нравится. Он тянет нас в группу, с которой танцует — несколько незнакомых мне людей, хотя я уверена, что одну из девушек зовут Куинн.

Я узнала ее, потому что в прошлом году она тусовалась в комнате Кришны и Уэста. Она блондинка и высокая — на 10–12 сантиметром выше меня, с широкими бедрами, большой грудью и улыбкой, в которой, кажется, гораздо больше зубов, чем должно быть. Она постоянно хватается за руку, чтобы покрутить, и я потею, а голова немного кружится. Кришна приносит нам еще по стакану пива, и мы быстро выпиваем их, слизывая пену с губ. Он достает свой телефон. Экран освещает его лицо в темной комнате, придавая ему озорной и почти зачарованный вид. Он смотрит на меня, ухмыляется и что-то набирает.

— Что ты делаешь?

— Пишу смс Уэсту, — он поднимает телефон, и прежде чем я успеваю остановить его, он делает мою фотографию.

Я хватаю его за руку, ослепленная вспышкой и своей паникой.

— Не отправляй это.

Внезапная вспышка вернула меня к воспоминаниям о той ночи с Нейтом. Его рука на моей голове, член во рту, душащий меня так, что мне пришлось сосредоточиться, чтобы меня не вырвало.

— Криш, не надо.

Но он не слушает. Он ухмыляется, тычет в экран, и я пытаюсь вырвать телефон из его рук, пока не слышу короткий звук, означающий, что сообщение отправлено.

— Черт побери! — я бью его по плечу, расстроенная и злая, злая на себя за то, что расстроилась. Это всего лишь фотография. Это не имеет значения.

Кроме того, что я плачу.

— Что я сделал?

Куинн тянется ко мне, но я уже ухожу. Я бросаюсь к двери, проталкиваясь сквозь тела, музыка и свет звучат слишком громко. Я выпила больше, чем следовало. Я ослабила бдительность, чувствуя себя в безопасности, чувствуя себя нормально, но во мне нет ничего

нормального.

Застывшая на экране телефона Кришны, с волосами, рассыпавшимися по лицу, в футболке слишком высоко завязанной, в поту, блестящим на всей этой открытой коже, я выгляжу как ошибка, которая только и ждет, чтобы случиться.

Затем я вижу Нейта и вспоминаю, что я — ошибка, которая уже произошла.

Он стоит между мной и дверью. К тому времени, как я осознаю это, он смотрит на меня и мне некуда бежать. Но я должна выйти. Поэтому я продолжаю идти, задрав подбородок, надеясь, что моя тушь не размазалась, и притворяясь, что мужчины в моей голове не кричат на полную громкость.

Давай посмотрим на эту грязную киску, детка. Я хочу сожрать ее. Я собираюсь выбить из тебя всю душу.

— Кэрлайн! — Нейт подпирает рукой дверной проем, чтобы я не смогла пройти. Он улыбается своей пьяной улыбкой. — Не думал, что увижу тебя здесь.

Я думаю об Уэсте, прислонившемся к двери в пекарне, когда он провожал меня. Когда он казал, чтобы я написала ему, когда буду в безопасности дома.

И смотрю на Нейта, загораживающего мне выход. Его глаза шарят по моей футболке.

Он всегда был таким?

В другой руке у него пиво, а его песочно-коричневые волосы немного длинноваты и завиваются вокруг ушей. На нем поло, которое подчеркивает синеву его глаз, поверх этих ужасных темно-синих брюк с крошечными зелеными китами, которые он любит надевать на вечеринки. Он настаивает, что носит их с иронией, но я всегда говорила ему, что невозможно носить брюки с иронией. Если ты надел китовые штаны, значит, на тебе китовые штаны.

Придурок, — говорит Уэст в моей голове.

— Почему я не должна быть здесь?

— Ты не часто бываешь здесь.

— Я была занята, — я стараюсь быть похожей на Уэста, когда он пустой. Как будто мне похрен на Нейта.

— Джош сказал, что видел тебя с тем сомнительным парнем. Дилером.

— И что?

— То, что я беспокоюсь о тебе, Кэрлайн. Сначала те фотографии, а теперь ты тусуешься с ним... Что с тобой происходит?

Я потеряла дар речи. Я имею в виду, буквально, я не могу подобрать слов. Их так много, они застряли, и я не знаю, какие из них я бы сказала, даже если бы смогла их вырвать.

Он поднимает руку выше и делает глоток пива, как будто мы собираемся пробыть здесь какое-то время, переговариваясь.

— Мы все еще друзья, — говорит он. — Мы всегда будем друзьями, ты же знаешь. Я просто не хочу, чтобы тебе было больно.

Это то, что разжимает мне горло.

«Мы все еще друзья.»

Он предал меня. Он сломал мне жизнь, а потом притворился, что это сделала я. Он лгал, потому что он придурок, а придурки лгут. А теперь он стоит здесь, загораживая мне выход и говорит, что мы все еще друзья.

— Знаешь что, Нейт? Пошел ты.

Я уворачиваюсь от его руки, наполовину ожидая, что он прижмет меня и поставит на

место. Наполовину уверена, что он действительно ненавидит меня настолько, настолько хочет причинить мне боль, что сделает это.

Но он этого не делает. Я прохожу мимо него, бегу по коридору в туалет, запираюсь в кабинке и забираюсь на крышку одного из унитазов, встав ногами на сиденье, чтобы опустить голову между коленями.

Я держу ее там, жду, пока отдышусь.

Я держу ее там, пока не понимаю, что низкий гудящий звук, который я слышу, не в моей голове. Это мой телефон. В моем кармане.

Когда я достаю его, там сообщение от Уэста.

Ты в порядке?

Я не в порядке. Совсем нет. Но видеть имя Уэста на моем телефоне, видеть, что он спрашивает, — хотя раньше он никогда не писал мне смс, разве что печатал ответы из одного-двух слов на мои сообщения о безопасности дома, — это помогает.

Я в порядке, печатаю я.

Ну, вообще-то я печатаю «Я в патроне». Но каким-то образом чудо автокоррекции все исправляет.

Где ты?

На вечеринке в Миннехане.

Я знаю. Криш прислал мне твою фотку. Где в Миннехане?

В туалете.

Пауза.

Значит, Криш — гребаный идиот.

Я слишком остро отреагировала.

Все нормально. У всех бывают неудачные ночи.

Почему, когда другие люди говорят тебе то, что ты и так знаешь, это успокаивает?

Почему, когда Уэст говорит мне, что я нормальная, я ему верю?

Я хочу рассказать ему о Нейте, но еще больше я хочу забыть, что это случилось.

Ты все еще на работе?

Нет. Только что вышел.

Пауза.

Это прозвучало грязно.

Я улыбаюсь телефону.

Тебе стоит вернуться туда. Криш сказал, что ты помогаешь ему цеплять девчонок.

Еще одна пауза.

Но они все лесбиянки.

Гомофоб!

Не я. Криш подтвердит тебе — все эти девушки называют себя так.

Они называют себя женщинами, — печатаю я, но я не это хотела сказать.

Womyn, — пытаюсь я во второй раз, но автокорректор переводит на ***Women***. (феминистки называют себя Womyn, чтобы не ассоциироваться с мужчинами Men)

Я делаю третью попытку.

W-o-m-a-n. Бл*дская автокоррекция.

Наступает пауза, а затем Уэст пишет:

Бл*дская? Я умираю.

Я моргаю на экран. О. Да, похоже, это я напечатала.

Рада, что могу тебя развлечь.

Я делаю глубокий вдох. Моим пальцам требуется три попытки, чтобы набрать слова.

Давай потанцуем?

Более длительная пауза.

Нужно поспать.

Уверена, что это правда. На неделе он спит всего четыре часа в сутки. Он сказал мне, что использует выходные, чтобы наверстать упущенное.

ХОРОШО. Спи спокойно.

Еще одна пауза и я уже начинаю думать, что мы закончили, что я должна выйти из туалета, пойти домой и лечь спать, когда всплывает еще одно сообщение.

Кэролайн?

Да?

Вторник — день печени.

Вторник, снова в пекарне. Я не хочу ждать так долго, чтобы увидеть его, но так уж сложилось.

Хорошо. Тогда увидимся.

Кстати.

Несколько секунд ничего.

Ты выглядишь чертовски сексуально. Никакой щели между зубами.

Эти слова — что они делают со мной. Мое сердце такое легкое, что кажется, оно состоит из воздуха. Оно может взлететь и вырваться через щель между передними зубами.

Я делаю снимок экрана и убираю телефон.

Все еще улыбаясь, я спускаюсь вниз и мою руки, слушая гулкий бас, доносящийся из коридора. Мои ноги двигаются по полу взад-вперед, одна нога повторяет ритм.

Мои глаза искрятся от крошечного признания.

Он говорит мне это уже второй раз.

Когда я выхожу из туалета, Бриджит направляется ко мне вместе с Куинн.

Точнее, Бриджит плетется по коридору, а Куинн следит за ней как ястреб, придвигаясь, чтобы поддержать ее каждый раз, когда кажется, что Бриджит может упасть на пол.

Самое печальное, что Бриджит выпила всего два пива. Она вообще не переносит алкоголь.

— Кэролайн! — кричит она.

— Бриджит! — кричу я в ответ.

— Я видела Нейта.

— Я тоже.

— И я дала Кришу по яйцам за то, что он сфотографировал тебя. То есть, не совсем, но метафорически я это сделала.

— Она выпорола его так, что ты не поверишь, — говорит Куинн.

— Нейт заставил тебя плакать?

— Нет. Я в порядке.

— Хочешь пойти домой? Или мы можем купить тебе еще мороженого.

Я думаю об этом. Но я узнаю песню, которая играет, и я не хочу возвращаться в комнату и прятаться.

— Нет, я хочу танцевать.

— Правда? — Бриджит смотрит на меня, моргая.

— Типа того. То есть, в основном я хочу дать Нейту по яйцам. Или разбить его идеальный нос.

— Твой парень уже сделал это, — говорит Бриджит. Я расширяю на нее глаза в универсальном сигнале «О Боже, заткнись, идиотка» и надеюсь, что Куинн не услышала или не поймет.

— Твой парень? — спрашивает Куинн.

Она поднимает одну бровь.

— Бриджит немного пьяна, — извиняясь говорю я. — И у нас есть такая шутка про Уэста...

— Что...?

Я пытаюсь придумать дипломатичный способ сказать что-нибудь, но Бриджит опережает меня:

— Что она хочет залезть к нему в штаны.

Да. Эти слова действительно выходят из ее рта.

— Я собираюсь убить тебя, — шепчу я.

Я не могу смотреть на Куинн. Возможно, я больше никогда не посмотрю на нее.

Она прочищает горло. Постукивает ногой.

Боже. У меня нет выбора.

Она все еще с приподнятой бровью. Ее бровь не устает. Это выносливый спортсмен.

— А ты хочешь?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. То есть, да. Да, конечно, я хочу залезть к нему в штаны.

И нет. Нет, нет, нет, я не хочу, чтобы она знала об этом или Уэст знал, или кто-либо из живых, в общем, вплоть до Бриджит.

Я говорю что-то похожее на «хннн».

Она усмехается.

— Я обязательно передам ему это.

— Я сделаю тебе больно, если ты это сделаешь.

— Подруга, ты опасная штучка. Сначала этот парень Нейт — о, черт, это он опубликовал твои голые фотографии?

Она говорит это прямо, без всякого чувства стыда или хотя бы намека на то, что это вещь, о которой мы не должны говорить.

Это так шокирует меня, что я просто говорю:

— Да.

— Неудивительно, что ты так полна гнева. Знаешь, что тебе нужно делать? Тебе нужно играть в регби. Ты быстрая?

— Эм, нет?

— Она такая быстрая, — вмешивается Бриджит.

Куинн улыбается.

— Ты можешь сбивать людей на землю. Это потрясающе.

— Звучит круто, — снова говорит Бриджит.

— Мы тренируемся по воскресеньям в одиннадцать. Не хочешь прийти? Нам бы не помешала новая шляпка.

— Спасибо, но я должна приберечь свою спортивную крутость для легкой атлетики.

— Ну, конечно. А я тогда королева минетов, — сказала Куинн совершенно без злобы и потерла руки. — Итак, мы танцуем или будем стоять здесь и дрожить до конца ночи? Потому что, если мы не вернемся туда в течение двух минут, Кришна засунет свой язык в горло какой-нибудь бедной девушке.

Бриджит сморщила нос.

— Так и есть. А я хочу с ним танцевать. Он такой хорошенький. Как рождественское украшение.

— Из него получился бы самый красивый в мире мальчик-гей, — соглашается Куинн. — Пойдем, вернем его себе.

Куинн выставляет локти, и мы сцепляем руки и наполовину бежим, наполовину скачем по коридору, как пьяные мушкетеры. Мы машем своими браслетами парню из службы безопасности, которому очень, очень надоела его работа и он совершенно не обращает на нас внимания.

К тому времени, как мы возвращаемся на танцпол, у меня в руке еще одно пиво, и я смеюсь, думая о Куинн, Бриджит и Кришне. Думая, о своем телефоне в заднем кармане и о том скриншоте, который я сделала.

И нет ни одной мысли о Нейте.

— Я принесла тебе подарок.

Уэст поднимает глаза от весов, куда он высыпает большие черпаки муки в самую большую миску для смешивания.

— Да?

Я встряхиваю белый пластиковый пакет, который держу в руках.

— Кукурузные орешки, батончик «Маундс» и два «Монстра».

— Ты знаешь путь к моему сердцу.

— Я знаю, как не дать тебе превратиться в маленькую сучку по вечерам в среду.

Уэст улыбается и берет пакет. Он сразу же отхлебывает энергетический напиток из банки, закрывая глаза от удовольствия.

Он выглядит усталым. По средам ему хуже всего, потому что после обеда у него лабораторная. В большинстве дней он дремлет после занятий, но по средам ему приходится спать четыре часа, потом идти в лабораторию, работать в библиотеке и снова отправляться в пекарню.

— Что ты смешиваешь, французский хлеб?

— Да. Хочешь добавить укроп?

— Конечно.

Я заглядываю в планшет, висящий у раковины, чтобы узнать, сколько буханок нужно Бобу. Уэст подходит ко мне сзади, упирается одной рукой в шкаф, где висит планшет, и прижимает свой холодный напиток к моей шее.

— А-а-а! Не надо!

Он выдыхает смешок и отодвигает его, но не перестает прижиматься ко мне.

Если бы я сдвинулась на несколько сантиметров. Если бы я сильнее прижалась к нему.

— У тебя был хороший день? — пробормотал он.

Боже. Что он делает со мной?

Я даже не думаю, что Уэсту нужно проверять планшет. Все уже в его голове.

На нем расстегнутая красная клетчатая фланелевая рубашка, с подвернутыми рукавами. Я думаю о том, чтобы провести ладонью по его предплечью. Почувствовать мягкий пух волос и блестящую кожу под ними.

Я думаю о том, чтобы повернуться к нему лицом.

Но я просто вдыхаю и выдыхаю. Сохраняю нормальный голос, когда отвечаю:

— Да, неплохой. Я встретила Куинн за обедом, и мы с Бриджит в итоге сидели с ней и Кришем.

— Второй раз за неделю у тебя была компания за обедом.

Я набираюсь смелости, чтобы повернуться и улыбнуться, как будто я ничего от него не хочу, ничего от него не жду.

— Знаю. Я практически светская бабочка, верно?

Уэст почти улыбается. Чувствую себя так, будто я — эксперимент, который он проводит. Что она сделает, если я так поступлю?

— Ты хоть немного поспала перед тем, как прийти сюда?

— Несколько часов. И после занятий я тоже долго дремала. Вот, смотри, — я поворачиваю щеку, чтобы показать ему отпечаток от подушки. — Я пыталась читать, но заснула на диване и навсегда заклеила вельвет на своем лице.

Он подходит еще ближе, чтобы увидеть слабые линии, которые остались и спустя несколько часов. Он слегка проводит пальцами по моей челюсти и наклоняет мое лицо к себе.

Вот бы он меня поцеловал.

Вот так просто, с напитком в одной руке и непринужденной полуулыбкой, умелыми пальцами подставляя мои губы туда, куда он захотел.

Я вздыхаю.

Не заводись, Кэролайн. Он просто смотрит, потому что ты ему сказала.

— Мило, — говорит он. — Я ревную.

— К моему сну?

— К твоей подушке.

Я стою с жаром, ползущим по щекам, дышу через открытый рот и пытаюсь убедить себя, что он не это имел в виду.

Дыши, идиотка. Укроп, луковые хлопья и семена мака. Сосредоточься на работе.

Но я не могу, потому что невозможно отвести взгляд от его глаз. Они сегодня серо-голубые, гроззовые тучи и крошечные сверкающие вспышки молний.

Что ты хочешь от меня? Возьми. Что бы это ни было. Пожалуйста.

Он глотает остатки своего напитка «Монстр» и я смотрю на его горло. У него щетина, как всегда по вечерам в среду. Нет времени бриться. Его голова откинута назад, глаза закрыты. Я замечаю, что край его черной бейсболки давит на шею, что его темные волосы длиннее, чем в прошлом месяце и закручиваются за ушами, поднимаясь на ткань бейсболки. Он выглядит усталым и... я не знаю. Хрупким. Как бы я хотела дать ему что-нибудь, кроме закусок, которые купила в Кам энд Гоу по дороге сюда.

Как бы я хотела дать ему отдых. Легкость.

Я бы хотела, чтобы он перестал так мучить меня, что я чувствую, что могу взорваться, а он такой спокойный, что я даже не могу понять, делает ли он это специально.

Его предплечье напрягается, когда он убирает напиток ото рта, затем сжимается, когда он раздавливает банку. Мое внимание привлекает то, что выглядит как черная кожаная манжета на его запястье.

— Что это?

Он смотрит туда, куда я смотрю.

— Браслет.

— Я знаю, дурачок. Он новый?

— Да.

Он резко поворачивается, бросает банку через всю комнату в мусорное ведро и возвращается к отмериванию ингредиентов.

Я даже не думаю. Я просто подхожу к нему и хватаю его за руку, пока он держит контейнер с медом, перевернутый вверх дном над миской.

— Осторожно!

Не думаю, что он предупреждает меня о меде.

— Я хочу посмотреть.

Это такой браслет, который можно купить в киоске на окружной ярмарке — жесткая полоска кожи с тисненым узором из нескольких красных и синих роз, и его имя, выдавленное в ней и написанное белой краской.

— Прикольно.

Он сжимает мою руку, и я смотрю ему в глаза. Я хочу, чтобы он сказал мне, где он его взял, потому что кто-то должен был ему его подарить. Он новый. Он носит его на работу, хотя он какой-то дешевый и безвкусный, так что этот человек должен что-то значить для него. Но я не могу просто так взять и сказать все это, и мне кажется, что я не должна этого делать.

— Это прислала моя сестра, — он убирает свое запястье.

Несмотря на то, что между нами нет места, он приседает, заставляя меня сделать шаг назад, чтобы у него было достаточно места, чтобы снять чашу с весов и отнести ее к миксеру. Я даже не могу поднять эти чаши, когда они полны, но Уэст делает это легко. Он включает миксер. Крюк для теста начинает свою звонкую, дребезжащую песню.

У него есть сестра.

— Сколько ей лет?

— Ей девять. Весной будет десять.

— Как ее зовут?

— Фрэнки.

— Фрэнки как Фрэнк?

— Фрэнки, как Франсин.

— О.

Когда он поднимает взгляд от машины, его глаза полны предупреждения.

— У тебя есть еще вопросы?

Я не должна. Я прекрасно это знаю. Чем больше я буду спрашивать его прямо сейчас, тем быстрее он замолчит.

— Почему ты никогда не говорил о ней?

— Ты не спрашивала.

— Если бы я спросила, ты бы мне сказал?

Уэст пожимает плечами, но хмурится.

— Конечно. Почему нет?

— Я тебе не верю.

Он качает головой, но больше ничего не говорит. Я наблюдаю, как он подходит к полке, переворачивает верхний рецепт хлеба в самый низ стопки и начинает работать над тем, что стоит следующим в его списке. Его губы шепчут слова, которые он произносит только для себя. Возможно, он повторяет ингредиенты из списка, но как и с планшетом я точно знаю, что он уже запомнил эти рецепты.

Я возвращаюсь к хлебу с укропом, мое сердце болит.

У него есть сестра по имени Фрэнки. Он носит ее любовь к нему на своем запястье, и я рада за него. Я рада, что в мире есть еще кто-то, кто заботится о нем настолько, чтобы вдавить буквы его имени в кожу, акт памяти.

Я делаю это иногда, в темноте. Лежу в своей кровати, смотрю на перекрещивающийся узор пружин, поддерживающих матрас Бриджит над моей головой, и рисую буквы имени Уэста на своем теле.

У-Э-С-Т через живот, по бокам. Я использую ноготь, только ноготь и вызываю мурашки.

У-Э-С-Т вдоль грудины. Через ключицу и вниз по выпуклости груди, спотыкаясь и зацепляясь за сосок.

Его имя кажется тайной, а теперь он носит его на запястье. Я хочу знать все об этой девочке, которая нанесла его. Как она выглядит. Есть ли у нее веснушки, светлые волосы или темные, как у него. Какая она — задиристая или неземная, веселая или серьезная, с поцарапанными коленками или женственная.

Я знаю, что она любит его, поэтому хочу знать все остальное.

Но Уэст не хочет делиться ею со мной.

Я не должна пытаться преодолеть эти стены, которые он воздвигает. Я ужасный альпинист.

Я не люблю спорить, а он мне ничего не должен.

— Опустись на руки и колени, — говорит Куинн. — И положи руку на спину Гвен.

Трава холодная. Сырость пропитывает колени моих спортивных штанов почти сразу, но у меня такое чувство, что это не самое худшее, что случится со мной в ближайшие несколько минут. Я присоединяюсь к тому, что Куинн называет «схваткой» — слово, которое звучит достаточно похоже на мошонку, чтобы мне стало не по себе. (scrum\scrotum)

Но не так не по себе, как когда я обхватываю рукой спину незнакомки.

Мы представляем собой плотное скопление трех рядов женщин. Руки сжимают футболки, плечо к плечу, бедро к бедру. Куинн говорит, что через минуту наши восемь человек будут толкаться против их восьми человек, а потом мяч прокатится по центру и... что-то произойдет. Она проинструктировала меня о многих из этих правил по дороге сюда, но, когда она сказала, что я буду сбивать людей, она не упомянула о размерах людей, которых я должна сбивать.

Позади меня другой игрок опускает голову и вжимается плечами в двух игроков второго

ряда, которых я обхожу с фланга. Одной рукой она хватает в кулак мою футболку.

— Готова? — спрашивает Куинн.

— Эм, нет?

Она одаривает меня лучезарной улыбкой.

— Ты разберешься, — она начинает бежать задом наперед к боковой линии, где хватает мяч. — Ладно, давайте сделаем это!

Секунды спустя она катит мяч между двумя половинами схватки, и вся моя сторона строя подается вперед. Мне приходится отчаянно цепляться за Гвен, так как трава пытается выскользнуть из-под моих ботинок. Раздается кряхтение и толчки, еще один стремительный рывок вперед, и кто-то кричит:

— Мяч выбит, — все это как бы рушится и растворяется одновременно, и я просто стою там, ошеломленная, пока все остальные на поле убегают.

— Это твой мяч, Кэролайн! — кричит Куинн. — Беги за ним!

Следующие полчаса я чувствую себя очень глупой младшей сестрой, которая бежит за старшими девочками и кричит:

— Эй, подождите!

Поскольку у меня есть две старшие сестры, эта роль мне, по крайней мере, знакома.

Всякий раз, когда я получаю мяч, я избавляюсь от него как можно быстрее. Оказывается, меня до глубины души пугает мысль о том, что меня могут схватить. Меня также пугают захваты. Когда игрок команды соперника с мячом побежала прямо на меня, и я сказала себе, что собираюсь сбить ее, но, когда наступил момент, я просто безрезультатно схватилась за ее футболку. Потому что я отстой.

Тем не менее, это довольно весело. До тех пор, пока парковка рядом с игровым полем не начала заполняться машинами и фургоном с надписью «Карсон Колледж» на боку.

Карсон — это школа в 32 километрах от Патнема.

В фургоне полно студенток в черных регбийных футболках и таких же шортах.

Мне приходит в голову мысль, что, возможно, Куинн не просто так заставила меня надеть синюю футболку.

И что на самом деле Куинн — лгунья, которая лжет, и манипулирует мной, втягивая в игру в регби, а не в тренировку.

Девочки Карсон, которые вываливаются из фургона, намного больше наших девочек. Намного больше.

Кроме того, у них есть тренер — настоящий, честный, взрослый тренер из числа преподавателей. У женской команды по регби Патнема даже нет соответствующих футболок. Это просто клуб, в котором состоят в основном подруги Куинн, многие из которых несколько минут назад жаловались на похмелье.

В то время как члены команды Карсона выглядят так, будто съели на завтрак редкий бифштекс. У тренера есть помощник-мужчина, который, кажется, нашего возраста, но у него есть свисток и планшет и поэтому он выглядит гораздо более официальным.

Я в затруднительном положении. Я пытаюсь придумать хорошую причину, чтобы отпроситься.

Я должна учиться.

Отстой.

Я вывихнула лодыжку.

Когда?

Мне нужно сделать... кое-что. В другом месте.

Точно.

Я закладываю пальцы за голову и смотрю на небо, ища вдохновения.

Но вместо этого нахожу там кое-что другое.

Я обнаруживаю, что это идеальный ноябрьский день в Айове.

Небо такое голубое, что даже больно.

Ветер приятно обдувает мое лицо. Игроки Карсона болтают с нашими игроками, Куинн разговаривает со своим тренером, и все выглядят такими счастливыми.

Мне больше негде быть сегодня, и я вдруг понимаю, что нигде больше и не хочу быть.

Мне это нравится.

Я пытаюсь вспомнить, когда я в последний раз делала что-то совершенно новое и пугающее — что-то, что мне нравилось, — и вспоминаю Уэста в пекарне, его черную бейсболку козырьком назад и белый фартук.

Мне хочется послать ему сообщение, в котором будет говориться, что я играю в регби с Куинн, но вместо этого я разворачиваюсь и бегу трусцой к ней, чтобы попросить ее подсказать мне, что именно я должна делать.

Дерьмо вот-вот станет настоящим.

Полчаса спустя Куинн, грязная и улыбающаяся, кричит с другого конца поля:

— Разве это не здорово?

Нам надирает задницы команда Карсона. И я понятия не имею, что делаю, по крайней мере, 80 процентов времени.

— Это круто! — кричу я в ответ.

Потому что это так. Это потрясающе. Я кайфую от того, как это здорово — как приятно бежать, как тверд мяч, когда я его ловлю, как тверд он под моей рукой.

Это потрясающе до того момента, пока меня не сбивает грузовик.

Ладно, хорошо, грузовик — это человек. Но она ощущается как грузовик, и она выбивает весь воздух из моих легких. Я лежу на спине, моргая в небо, пытаюсь дышать с помощью этих дыхательных мешков, которые совершенно не работают. Я сгибаю колени и поднимаю бедра вверх по непонятным для меня причинам. Наверное, я выгляжу так, будто пытаюсь спариться с небом, но это неважно, потому что на другом конце поля происходит нечто захватывающее, и никто не обращает внимания на мою смерть.

Темная фигура загораживает мне вид на небо. Мужской голос говорит:

— Из тебя просто выбили весь воздух.

Я не умираю. Это отличная новость.

Я так благодарна, что могу поцеловать его.

Но я все еще не могу дышать.

— Перевернись на бок, — говорит он мне, и его руки подталкивают мое бедро к нему. Я поворачиваюсь, потому что у него успокаивающий голос. Я смотрю на его волосатые икры, на его черные носки, на его ботинки, которые выглядят так, как будто они предназначены специально для регби, с шиповками на них и все такое.

Я снова пробую дышать. Ничего не происходит. Я чувствую давление в глазах, как будто они вот-вот лопнут.

— Не паникуй. У твоей диафрагмы спазм, но скоро она расслабится. Просто успокойся. Закрой глаза.

Я делаю то, что мне говорят. Через несколько секунд спазм в груди ослабевает, и я могу

вдохнуть.

— Хорошо.

Я дышу.

Я открываю глаза. Трава размыта. Я моргаю, но не могу сфокусироваться.

— Я не вижу.

Он опускает голову и щурится на мое лицо.

— Ты носишь контактные линзы?

О.

— Да.

Я снова моргаю и теперь понимаю. Вот как выглядит мир с одной контактной линзой.

Парень тоже немного размыт, но вполне симпатичен. У него очень короткие каштановые кудрявые волосы и ямочка на подбородке.

— Одну вышибло?

— Да. Эта женщина была сделана из кирпича?

Он улыбается. Там тоже ямочки. Повсюду ямочки.

— Она, наверное, превосходит тебя на 45 килограмм. Это было довольно жестко. Тебе помочь подняться?

Я беру его за руку, думая, что меня так сильно ударили, что я потеряла ориентацию.

— Я Скотт, — говорит он.

Я так отвлечена, что едва слышу его. Слишком занята мыслями: «Боже мой, меня сбили, но я не мертва, я в полном порядке».

— Кэрлайн, — говорю я, но, наверное, не четко, потому что следующие пять минут он называет меня Кэрри, пока приносит мне воду из кулера Карсона и настаивает, чтобы я воспользовалась его складным стулом.

Я смотрю игру и пытаюсь разобраться в правилах. Прошу Скотта объяснить сложные моменты. Он объясняет и когда улыбается мне, я улыбаюсь ему в ответ.

Чему это может повредить? Он не знает моего имени.

Через несколько минут раздается свисток. Куинн смотрит на меня, приподняв бровь. Я киваю головой и трусой возвращаюсь на поле.

После этого я узнаю, что все игры регби заканчиваются в баре. Похоже, это не подлежит обсуждению. Тренер команды Карсона пожимает руку Куинн и уезжает, а мы, оставшиеся, образуем одну огромную массу грязной, покрытой синяками женственности — плюс Скотт — и идем вдоль железнодорожных путей, пересекающих кампус Патнема. Мы проходим мимо научного центра и фаллической скульптуры, которая напоминает мне резинового цыпленка Уэста. Одна из девочек Карсон пытается забраться на нее.

К тому времени, когда мы врываемся в дверь бара, большинство игроков поют песню, настолько грязную, что я краснею. Скотт оказывается рядом со мной, почему-то именно в этот самый неподходящий момент.

— Не собираешься петь? — спрашивает он.

— Я не знаю слов.

Он улыбается.

— Ты действительно новичок в этом деле, не так ли?

— Я никогда не трогала мяч для регби до сегодняшнего дня.

Мое зрение немного затуманено из-за одной контактной линзы, но я все равно вижу, как углубляются все его ямочки. Одна на левой щеке, одна на правой, плюс одна на

подбородке. Три ямочки. Когда он подходит к бару с одной из девушек своей команды, чтобы заказать первые кружки в бесконечном потоке пива, я закрываю один глаз, чтобы оценить, какие у Скотта широкие плечи и точеные икроножные мышцы.

Игроки Патнема начинают сдвигать столы в основной части бара. Сейчас только два часа дня, так что мы, регбистки, можем располагать всем необходимым. Я занимаю место и через несколько минут радуюсь, когда Скотт садится рядом со мной, а не с кем-то из игроков колледжа Карсон.

Когда он перекидывает руку через спинку моего стула, меня охватывает волнение и настороженность в таком сочетании, что я не знаю, что с этим делать.

Он флиртует с тобой. Ты ему нравишься.

Он хорошо выглядит, но насколько хорошо выглядит любой человек на самом деле? На что он смотрит, когда дронит?

Может, он видел мои фотографии и поэтому так дружелюбен. Он думает, что я легкая добыча. Он представляет себе мой рот на нем. Называет меня шлюхой в своей голове.

— Итак, Кэрри, — он полуулыбается, его тело раскованно, все в нем расслаблено и легко. — Что привело тебя сегодня на игру в регби?

Я напоминаю себе, что, если мои фотографии есть в интернете, это не значит, что их видел каждый мужчина. До августа я даже не слышала об этих отвратительных порносайтах и, хотя я знаю, что парни смотрят гораздо больше порно, чем девушки, не думаю, что это означает, что все они ищут в интернете снимки промежности в каждую секунду своего свободного времени.

Вполне возможно, что Скотт — просто парень, который думает, что меня зовут Кэрри и хочет узнать меня получше.

Более чем возможно. Скорее всего.

Поэтому я делаю глубокий вдох. Я чувствую запах дрожжевого пива, грязи и пота. Я оглядываю стол и думаю: здесь я в безопасности. Эти женщины меня прикроют. И если они доверяют Скотту — если он им нравится, а это очевидно, — значит и я могу ему доверять. Хотя бы немного.

— Куинн заставила меня это сделать.

— Правда? — его глаза как бы скользнули по мне, но не в извращенном смысле. Просто нормальным образом, как парень смотрит на девушку, когда собирается сказать:

— Ты не производишь впечатление человека, которого легко запугать.

— Ну, я тогда была немного пьяна.

— А. Знаю, как это бывает.

Одна из девушек Карсон стоит на стуле, подняв в воздух кружку с пивом. Все кричат и радуются, и я не могу сосредоточиться на чем-то большем, чем обрывки разговора.

— Минет... Шесть попыток... Лучший ракер (игрок, который группируется вокруг мяча во время схватки за него) во вселенной. Кубок мира.

Куинн ухмыляется своей самой широкой улыбкой и шевелит пальцами, говоря:

— Некоторым из нас не нужен член, чтобы возбуждаться.

Гвен наливает и подталкивает стакан в мою сторону.

— Пей!

Когда она отворачивается, я говорю Скотту:

— Просто чтобы ты знал, я не буду пить все это. У меня завтра контрольная работа.

— Это нормально. Я тоже не пью, — я смотрю на его стакан и вижу, что вместо пива у

него вода. Я не заметила.

— Я сегодня водитель.

— Это, типа, твоя работа? — спрашиваю я.

— Нет, мне платят за помощь тренеру во время игр, но сейчас я здесь просто потому, что многие из этих девушек — мои подруги и я не хочу, чтобы они убились по дороге домой.

— Это хорошо.

Он улыбается.

— Это не трудно. Хочешь, я принесу тебе воды?

— Нет, спасибо. Я в порядке.

Он поднимает свой стакан и прикладывается к моему.

— За твою первую игру в регби. За твое здоровье.

— Выпьем.

— Подождите, чья первая игра? — спрашивает один из игроков Карсона.

Скотт показывает на меня.

— Кэрри. Она никогда не играла до сегодняшнего дня.

— Дамы, у нас в доме девственница!

Прежде чем я успеваю понять, что происходит, я стою на вершине стола и сорок женщин подпевают мне.

О, регбистки — самые большие и самые лучшие.

И мы никогда не сдаемся

И мы никогда не даем сопернику отдохнуть

И мы строим лучший рак

И мы лучше трахаемся.

И неважно, с кем мы играем, мы никогда не можем получить достаточно

На поле! В схватке! Регбистки заставят тебя кончить!

Мое горло так пересохло, но я улыбаюсь.

Невозможно не улыбаться. Я чувствую себя сильной и быстрой, ушибленной и потрясенной, окруженной солидарностью.

Я снова чувствую себя нормальной, как раньше, до того, как все сошло с рельсов.

В Массачусетсе есть офисное здание, где чья-то работа заключается в том, чтобы стереть фото Кэролайн Пьясеки из интернета. Если все получится, через год этой девушки больше не будет. Она будет мертва и часть меня будет мертва вместе с ней.

Может, за это время я должна вырасти в кого-то нового. Найти во мне что-то зеленое, вскормить его, посмотреть, как оно выстрелит вверх к солнцу. Превратиться в девушку, которая играет в регби, танцует на вечеринках и флиртует с парнями, солнечными и открытыми, которые не употребляют наркотики и не избегают обсуждать даже мельчайшие подробности своей личной жизни.

Регби — это круто.

Когда я впервые вижу квартиру Уэста изнутри, его нет дома.

Я чувствую себя странно, но ведь я не пробралась внутрь тайком. Мы с Бриджит столкнулись с Кришной в студенческом центре, и он пригласил нас и Куинн посмотреть «плохое ТВ» и выпить «еще более плохого» алкоголя. Никто из нас не смог устоять перед

соблазном загадочного «еще более плохого».

И вот мы здесь, раскинувшись на большом кожаном диване, делим бутылку ирисового шнапса, которую Кришна достал из глубин шкафа и смотрим повторы сериала «Что нельзя носить», который Криш сохранил на своем видеомэгнитофоне в количестве, которое меня даже пугает.

Уэст работает в библиотеке, но скоро должен закончить. Я пишу ему:

Ты уже закончил?

Да, — отвечает он.

Иду домой. А ты?

Я в твоей квартире, тыкаю во все твои вещи.

Это неправда, но это привлекает его внимание.

ТЫ ВЗЛОМАЛА ДВЕРЬ?

Да. Я держу набор отмычек за щекой. Гудини так делал. Я нахожу эту идею отвратительной, но мне все равно это нравится.

Очень хитро. Ты действительно там?

Да, Криш пригласил меня. Мне нравится, что вы сделали с декором.

Это, конечно, шутка. Очевидно, что здесь произошло: Кришна купил все, что считал важным — диван, телевизор, алкоголь, двуспальную кровать, которую я вижу через открытую дверь в его спальню, а потом они с Уэстом купили все остальное за два бакса на распродаже. Вероятно, они купили свою посуду в больших бумажных пакетах с маркировкой 25 центов, потому что я пью ирисовый шнапс из стакана для желе из «Флинстоунов». Я положила ноги в носках на журнальный столик, сделанный из фанеры и шлакоблоков.

Я приложил много творческих усилий, — отвечает Уэст.

Вижу.

Если ты найдешь мою коллекцию щенков, НЕ ТРОГАЙ НИКОГО.

Они в спальне?

Ты можешь зайти и узнать. Посмотри вверх.

Почему?

Я держу своих щенков в гамаке.

Улыбаясь, я смотрю на закрытую дверь в его комнату.

Я могу войти. Могу сесть на кровать Уэста. Потрогать покрывало, какого бы цвета оно ни было. Посмотреть, что он повесил на стены, какие книги стоят на полках, сколько белья в корзине.

И я хочу этого.

Ты в моей комнате, Кэр?

От этого вопроса мне становится жарко — так жарко, как если бы он спросил, что на мне надето. Так горячо, как будто мы занимаемся секс-смс, а это не так. Даже близко нет. Так почему же, когда я делаю глоток из своего стакана с желе, шнапс идет не туда, и я начинаю неудержимо кашлять?

— Что ты там делаешь? — спрашивает Куинн.

— Пишет смс Уэсту, — говорит Бриджит. — Это видно по тому, что она прикусила губу и как бы сгорбилась над телефоном, как будто из него могут выпасть «Скиттлз» или радуга, и...

— Я вижу, — прерывает Куинн. — Я просто хочу знать, что он сказал, что она

подавилась.

— Ничего, — прохрипела я.

— Скажи что? — спрашивает Бриджит.

— Вам двоим нужно потрахаться и покончить с этим, — говорит Кришна.

— Заткнись, — я гений с остроумными репликами.

Дверь открывается и входит Уэст. Увидев меня на диване, он улыбается.

— Думал, что найду тебя в своей постели.

Я вспыхиваю.

Не совсем, но вполне могла бы.

— Не с такими ушами, — говорю я.

Уэст фыркает и бросает свою сумку у двери.

— Привет, Куинни. Бриджит. Что Криш заставил вас выпить?

— Ирисовый шнапс, — говорит Куинн.

— Гадость.

— Это какое-то отвратительное дерьмо, — соглашается она.

— Я как раз говорил Кэрлайн о том, что вам двоим нужно потрахаться, — говорит Кришна.

— Опять? Ты слишком заиклен на том, с кем я трахаюсь.

— Я не заиклен. Я озабочен. Ты двадцатилетний парень со слишком большим количеством работы и постоянным хмурым взглядом одиночки Джеймса Дина. Если ты не начнешь использовать это, чтобы трахаться, то, скорее всего, умрешь от депрессии. А вот Кэрлайн...

— Не могли бы вы, ребята, перестать говорить обо мне, как будто меня нет в комнате?

— И перестаньте говорить "трахаться", — предлагает Бриджит. — Это унижительно. И я думаю...

— Видишь ли, в этом вся твоя проблема, — говорит ей Кришна. — Ты считаешь, что трахаться унижительно.

— Как будто это у меня проблема. И это говорит шлюха кампуса, которая...

— Это у тебя проблемы! Ты никогда не получаешь удовольствия.

— Я все еще здесь вообще-то. Предполагалось, что будет весело, — простонала Куинн. — Но пока веселитесь только вы двое.

Уэст подходит ко мне сзади и кладет руки мне на плечи. Я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на него снизу-вверх, волнуясь, как он это воспримет, но его глаза светятся весельем.

— Мы с Кэр не пара.

Я улыбаюсь ему, потому что его отрицание звучит как подтверждение и потому что его руки на моих плечах плавно двигаются вперед-назад. Его большие пальцы находят точку и нажимают на заднюю часть моей шеи, отчего моя грудь становится полной и тяжелой, а в животе все расплавляется.

Мне до смешного приятно, что Кришна намекнул, что Уэст находится в середине того, что похоже на долгий засушливый период. Хотя, учитывая источник, Кришна мог просто иметь в виду, что у Уэста не было секса уже неделю.

Мне не нравится думать о том, что Уэст занимается сексом. Вообще.

— Тогда кто вы друг для друга? — спрашивает Кришна.

— Они друзья, — говорит Бриджит.

— Нет, не друзья, — говорит Уэст.

Бриджит выглядит смущенной.

Понимаю. Это немного сбивает с толку.

— Мы можем не говорить об этом?

Но Кришна сейчас слишком увлечен.

— Нет, мне нужно разобраться в этом. Последние несколько недель каждый раз, когда я захожу в пекарню, там оказываешься ты. Похоже, Уэст всегда пишет тебе. Он только что вошел в дверь, улыбаясь тебе, как будто солнце восходит и заходит из твоей задницы, а теперь его руки на тебе.

Куинн подхватывает:

— Он всегда тянет к тебе руки.

— Это неправда.

Но, вообще-то, правда? Его руки на моих плечах мне знакомы. В пекарне он часто прикасается ко мне вот так. Случайно касается моего колена, когда я прохожу мимо, когда он сидит, опускает руку мне на макушку, когда я собираюсь уходить, потирает мои плечи в свободную минуту, когда мы оба болтаем с Кришной.

Для него это ничего не значит.

Я та, чье сердце замирает, каждый раз.

— Это никого не касается, кроме нас, — говорит Уэст.

Любой нормальный человек замолчал при виде грозного выражения лица Уэста, но Кришна ненормальный.

— Если ты не собираешься трахаться, нам стоит подумать о том, чтобы свести Кэролайн с кем-то. Ей давно пора вернуться в игру, тебе не кажется?

Бриджит ударила его по руке.

— Это не игра.

Кришна повышает голос, точно подражая Бриджит.

— Это не игра, это не забава, она не кусок задницы, — затем, уже нормальным голосом: — Клянусь Богом, женщина, у тебя как будто аллергия на все на свете, что может случайно вызвать у тебя приятные ощущения.

— Не будь мудаком.

— Не будь ханжой.

Она высунула язык, и Куинн пробормотала что-то похожее на:

— Говоря о людях, которым нужно потрахаться.

— Что? — вскрикивает Бриджит. — На что ты намекаешь?! Потому что, если ты пытаешься сказать...

— Неважно.

Я ожидаю, что Кришна набросится на этот комментарий, но он удивляет меня тем, что встает с дивана и исчезает на кухне. Он возвращается с пивом, хотя у него уже есть напиток. Он откупоривает крышку и делает долгий глоток. Он совсем не смотрит на Бриджит, и мы просто зачарованно наблюдаем за ним.

Или, на самом деле, мне приходится ограничиться взглядом, потому что Уэст еще глубже впился большими пальцами в мышцы моей шеи, заставляя меня наклонить голову вперед. Мои волосы свисают мне на лицо. Его пальцы как утюги для клеймения, тупые и горячие, прочерчивают параллельные линии на моей коже от линии роста волос до низко опущенного воротника футболки. Снова. Снова. Его пальцы хватают мои плечи, мнут их так,

словно я принадлежу ему, и я таю.

Я плавлюсь.

Я его.

— Давайте не будем отвлекаться от сути, — говорит Кришна. — Суть в том, что Кэролайн нужно вернуться к жизни.

— Неужели?

Я говорю так, будто я под наркотиками.

И я действительно одурманенная.

Бриджит протестует за меня.

— Не нужно.

— Серьезно, Криш, ты ведешь себя как осел, — говорит Куинн.

— Мы должны найти ей пару. После Дня благодарения я сделаю своей личной целью в жизни, чтобы Кэролайн немного пошалила.

— Кэролайн может сама начать действовать, — говорит Бриджит. — Я имею в виду, если она сама захочет, чего...

— Чего я не хочу.

— Потому что ты травмирована, — говорит Куинн.

— Я не травмирована.

Я взволнована и разгорячена. Я отчаянно надеюсь, что дрожь в сосках не означает, что фары включены и все в комнате видят, что Уэст делает со мной, прямо у них на глазах.

— Все в порядке, — говорит Куинн. — Никто тебя не осуждает. Это твоя безопасная зона.

— Кэролайн не нужна безопасная зона, — говорит Бриджит. — У нее все отлично. Расскажи им о...

Она видит мое лицо и останавливается, но уже слишком поздно.

— О чем? — спрашивает Кришна.

— Ни о чем.

— Это не похоже на ничего.

— Это ничего. Правда.

Я тянусь вперед за своим напитком, разрывая контакт с Уэстом, потому что ситуация вот-вот станет ужасной. Я чувствую это. Воздух стал тяжелым. Мое возбуждение улетучилось, как кролик, забежавший в свою нору.

Я отпиваю большой глоток ирисового шнапса и снова начинаю закашливаться, что является тактической ошибкой, потому что пока я изнемогаю, Кришна наступает на Бриджит.

— Скажи мне, что ты собиралась сказать, — требует он. Я опрокидываюсь набок на диван, кашляя так сильно, что мне приходится подтягивать колени. Уэст поглаживает меня по спине.

— Дыши, — говорит он низким шепотом.

Даже это сексуально. Я задыхаюсь, меня терзает чувство вины за то, что Бриджит чуть не раскрыла и у меня все еще есть кусочек мозга, посвященный обмороку от того, какой Уэст горячий. Я безнадежный случай.

Бриджит скрещивает руки, прижавшись к Кришне.

— Не скажу.

— Скажи мне.

— Нет.

— Скажи мне, скажи мне, скажи мне, скажи мне, скажи мне, скажи мне...

— О, хорошо. Я как раз собиралась сказать о парне, которого она встретила.

— Парень? — спрашивает Куинн.

Я едва в состоянии вдохнуть, когда говорю:

— Нет никакого парня, — я пускаю слюни на кожу и мне приходится вытереть их ладонью.

Я не могу посмотреть на Уэста.

— Слишком поздно отрицать это, — говорит Кришна. — Бриджит уже слила тебя. Кто этот парень?

Я не вижу никакого выхода, чтобы не сказать им. Я сажусь.

— Ты помнишь Скотта? — спрашиваю я Куинн.

— Регби Скотта?

— Да.

— Он пригласил тебя на свидание?

— Нет! Нет. Ничего такого. Просто... Я просто сказала Бриджит, что могу попытаться узнать его фамилию. От тебя. На всякий случай.

— Ты позвонишь ему?

— Может быть?

— Он был увлечен тобой, — говорит она. — Ты определенно должна ему позвонить.

— Думаешь?

— Конечно. Почему нет?

— Кто такой регби Скотт? — спрашивает Кришна.

— Он ходит в Карсон, — говорит Куинн. — Ты его не знаешь. И он очень милый. И горячий. Молодец, Кэролайн.

— Я еще ничего не сделала.

Она хлопает меня по плечу.

— Конечно, но ты должна. Вернуться в строй, понимаешь?

Я повернула голову и боковым зрением посмотрела на Уэста.

Он застыл.

Кришна тоже смотрит на него, и я не могу понять, то ли он специально подтолкнул Уэста к этому, то ли просто не замечает. Вот в чем дело с Кришной — я никогда не могу понять, придурок он или притворяется придурком.

Он опускается на диван рядом с Бриджит, допивает остатки пива и говорит:

— Может, нам стоит найти что-нибудь другое для просмотра.

Уэст открывает дверь своей спальни.

— Мне нужно заниматься.

Он закрывает ее и остается только звук телевизора и Бриджит, неловко переминающаяся на своем конце дивана.

— Я ничего не сделала, — говорю я. — Я даже не знаю его фамилии.

Но я не уверена, с кем говорю.

Никто не отвечает.

— Так, когда ты собираешься домой? — спрашивает Уэст.

— Завтра.

Сегодня вторник перед Днем благодарения или среда, не могу сказать точно, поскольку сейчас три часа ночи. Кампус превратился в город-призрак после обеда, а Уэст весь день был в пекарне. Ему пришлось прийти рано. И он задержится допоздна. Ему нужно сделать безумное количество выпечки, чтобы помочь Бобу выполнить праздничные заказы. Но он сказа мне, что это неважно. Потому что у него есть все оставшиеся каникулы, чтобы выспаться.

— Рано? — спрашивает он.

— Да.

— Можешь проветрить духовку для меня?

Я подхожу к духовке — которая больше похожа на металлический шкаф со стеклом в дверце — и нажимаю на кнопку, которая выпускает пар, чтобы буханки начали подсыхать в последние несколько минут выпечки.

— Спасибо.

Я запрыгиваю на стойку и изучаю комнату. С октября она стала для меня почти такой же привычной, как моя комната в общежитии, и я перестала замечать, как здесь тесно. Как выходящий пар пахнет влажным, сырым и мокрым тестом. Руки Уэста всегда заняты, пол всегда грязный, а я всегда в безопасности, даже если мне не всегда комфортно.

Теперь у нас официально перерыв, и я должна быть дома.

Дом становится все более сложным понятием. Я по-прежнему разговариваю с отцом раз в неделю, но стала бояться наших разговоров. Я всю жизнь была папиной дочкой, а теперь не знаю, что ему сказать. Он спрашивает меня, как идет изучение Права, такой ли сложный класс, как я боялась. Он напоминает мне, что я должна искать летние стажировки, потому что мне нужно иметь некоторый опыт, прежде чем я начну подавать документы в юридические школы через несколько лет.

Он говорит мне, что любит меня и напоминает, чтобы я была в безопасности.

Я кладу трубку с пронзительной болью в животе. Я чувствую себя лгуньей, но не могу сказать ему правду.

Впервые с тех пор, как приехала в Патнем, я не хочу ехать домой на каникулы. Папа затевает всю эту историю с индейкой, а я отвечаю за начинку. Моя сестра Жанель и ее жених делают клюквенный соус и рулеты. Элисон, моя вторая сестра, сейчас в Лесото в Корпусе мира, но если бы она была дома, то сделала бы тыквенный пирог.

Думаю, я должна взять на себя обязанности по приготовлению пирога.

Я должна примерить платье подружки невесты для свадьбы Жанель, которая состоится летом. Она посылает мне по электронной почте подробности о местах, которые они рассматривают, о цветах, которые ей нравятся, об открытках с датой, которые они делают на Этси. Я знаю, что должна быть взволнована, поэтому я так себя и веду, но я не могу вызвать никакого энтузиазма.

— Ты звонила тому парню? — спрашивает Уэст.

Прошло два дня с тех пор, как он закрылся в своей комнате. Это первый раз, когда кто-то из нас упоминает о том разговоре.

— Скотту, — говорю я.

— Я помню.

— Нет. Я ему еще не звонила.

Его телефон жужжит. Уэст проверяет его и набирает кому-то сообщение. Он был приклеен к нему всю ночь, отвлекаясь. Он не сказал мне, с кем он переписывается. Это может быть его сестра, его мать или какая-то подружка дома, о которой он никогда не упоминал.

Он ничего мне не говорит.

Сегодня ему нечему меня учить. За все эти недели глазирования и проб я чувствую, что мы никогда не говорили о том, чему именно я должна была научиться.

Я никогда не просила его быть моим учителем. Это не то, чего я от него хочу.

Но с другой стороны, я нашла подтверждение урокам Уэста, разбросанным по всей моей жизни. Доказательство того, что то, что Нейт сделал со мной, не единственное, о чем стоит говорить. Доказательство того, что так же, как я могла зайти в пекарню в любой вечер, я могу зайти на вечеринку или выйти на поле для регби.

Я все еще здесь. Со мной все в порядке. Мне не нужна опека, и я не собираюсь больше покупаться на всякую ерунду.

Меня переклинило, я совершенно устала от притворства. Потому что с октября я поняла еще одну вещь: Уэст ничего мне не говорит и, если я ничему не могу его научить, мы никогда не станем чем-то большим, чем мы есть в этой комнате.

Он остается здесь на каникулы. Слишком дорого и долго лететь в Орегон на те жалкие несколько выходных, которые мы получаем и, в любом случае, Бобу нужна его помощь.

Это то, что сказал мне Уэст.

Он не сказал мне, что хочет вернуться домой, но я знаю, что он хочет, хотя я не знаю, где находится дом, из какого он города, что его там ждет. Я не знаю, потому что он не говорит. Он не говорит мне, почему его внимание так приковано к телефону, почему он все время отвлекается в последнее время, о чем он беспокоится.

Я знаю, что он беспокоится. Знаю, что что-то с ним не так. Но я также знаю, что он никогда не поднимет глаза от хлеба и не скажет мне:

— Кэр, могу я тебе кое-что сказать?

Сегодня между нами установилась какая-то неловкая окончательность, и я думаю, что это из-за того разговора в квартире.

Может быть, я ошибаюсь. Может быть, это произошло, когда он передал мне конверт с деньгами. Возможно, деньги что-то изменили.

Если бы Уэст делился своей травой с друзьями, он был бы парнем, с которым весело проводить время. Поскольку он продает ее им, он преступник. Это из-за денег.

Я должна быть богатой. Он должен быть бедным. Он дал мне пятнадцать тысяч долларов и теперь между нами что-то изменилось, но он не говорит мне что, а я не спрашиваю.

Я не настолько храбрая, чтобы давить на него, но я хотела бы, чтобы он сказал мне. Я бы хотела, чтобы я была ему нужна. Потому что я не уверена, как долго еще выдержу быть единственной на этой кухне, кто признается в своей уязвимости. И я также не уверена, как долго еще мне это будет нужно — эти поздние ночные поездки в пекарню, эти часы с работающим Уэстом и миксерами.

Мы могли бы сказать друг другу еще столько всего, но не говорим.

Сегодня ночью дребезжащая песня миксера звучит как успокоительная молитва, и я не чувствую ничего, кроме печали. Я проснулась от кошмара, чтобы прийти сюда — от сна, в котором я была на поле для регби в ночной рубашке, пробираясь сквозь густой туман и не

могла найти что-то нужное, не слышала, чтобы кто-то звал меня. Я чувствовала себя безвозвратно потерянной.

Эта ночь, этот момент — это конец чего-то.

— Я буду скучать по тебе, — говорю я ему.

Он стоит спиной ко мне. Не отвечая или даже не признавая, что я говорю, он включает миксер на высокую мощность. Он стучит так громко, что я не слышу музыки. Я закрываю уши и слушаю стук своего сердца с закрытыми глазами. Когда я открываю их, его рука лежит на моем бедре, и он стоит прямо передо мной, заполняя все мое поле зрения.

Его серебристо-голубые глаза напряжены и в тени из-за насупленных бровей.

Кришна и Куинн правы — Уэст всегда прикасается ко мне.

Я всегда это чувствую.

Его рука на моем бедре заставляет меня пульсировать. Между ног. В сердце. И в горле.

Везде.

Глупая девчонка.

Когда он убирает руку, я хватаюсь за нее. Я переплетаю наши пальцы и сильно сжимаю.

Уэст смотрит на наши руки и вздыхает.

— Что мне делать с тобой? Думаю, тебе лучше сказать мне, Кэр, потому что я ни черта не понимаю.

Я смотрю на его запястье. На темные волосы на предплечьях, на впадинку на горле, на участок под губой, где он пропустил несколько волосков, когда брился.

Его рот. Его глаза. Его рот.

Всегда его рот, широкий и умный, щедрый и скрытный.

Я жду, когда рот Уэста произнесет слова, которые я никогда не услышу.

Я буду скучать по тебе.

Я забочусь о тебе.

Я не хочу, чтобы ты встречалась с тем парнем, потому что я хочу, чтобы ты была со мной. Я хочу, чтобы мы были чем-то большим.

Я хочу сказать: «Расскажи мне все, Уэст. Пожалуйста.»

Но утром я поеду домой и увижусь с отцом. Чтобы Уэст ни хотел сказать, сегодня не та ночь, чтобы он мог это сказать, и я не тот человек, которому он может это сказать.

Дело не только в нем. Дело во мне. Я недостаточно храбрая.

Кончики моих пальцев скользят по форме его лица. Изгибу брови и шраму, пересекающему ее. Изгибу его уха. По его пухлым губам.

Я хочу вдохнуть, когда он выдыхает, прижаться к его телу, обхватить ногами его талию и принять его в себя.

Я не знаю, как избавиться от этого.

Я не знаю, как отказаться от него.

Таймер духовки пищит. Уэст отходит от меня и выключает ее. Открывает дверцу. Вынимает хлеб.

Всю оставшуюся ночь он держится на расстоянии.

Утром я сажусь в машину и уезжаю, между нами 90 километров, но этого недостаточно.

Я не знаю, как далеко я должна была бы уехать, чтобы это было достаточно далеко.

Перерыв на день благодарения

Уэст

Не вмешивайся, — сказал я себе в самом начале. — Она не твоя проблема.

Но я уже был вовлечен, даже тогда. Ко Дню благодарения я так увлекся Кэролайн, что мне было невыносимо видеть ее.

Все, что я ей говорил, было ложью.

Мы не собирались быть друзьями, я обещал. Но как еще назвать то, что ты пишешь кому-то миллион сообщений в день и с нетерпением ждешь встречи с ним, хотя ты только что видел его?

Как это называется, когда ты знаешь, когда у кого-то занятия и по какому материалу у него следующий тест, а она знает, когда ты будешь работать и сколько часов ты уже не спал и приносит тебе всю твою любимую нездоровую еду, чтобы ты мог продолжать работать?

Мы с Кэролайн были друзьями.

Я врал об этом.

Я сказал ей, что не собираюсь ее трогать, но я трогал ее при каждом удобном случае. Прижимал свою руку к ее руке. Прислонялся к ней коленом. Когда она поворачивалась спиной, я рассматривал ее задницу и думал о том, как она будет ощущаться в моих руках. Когда она наклонялась над столом, разминаясь, я заглядывал ей под рубашку.

Я находил причины, чтобы проникнуть в ее личное пространство. Наблюдал, как ее кожа становится розовой и пятнистой, и мне это нравилось.

Что могу сказать — я не святой. Даже если я не мог получить ее, я делал все возможное, чтобы она хотела меня. Я следил за тем, чтобы она думала обо мне и не остановился, когда узнал, что она хочет пригласить на свидание парня, с которым познакомилась, играя в регби.

Я усилил это.

Обращался с ней так, словно она принадлежала мне, хотя я не хотел иметь ее и не позволял ей иметь меня.

Я сказал Кэролайн признаться в своих чувствах — в том, что она действительно чувствует, — но, когда она спрашивала меня: «Что у тебя на уме?». Я не стал говорить: «Я беспокоюсь за маму, потому что она сказала, что у нее заболела спина и я думаю, что она, должно быть, пропускает смены в тюрьме. Если ее уволят, она начнет ныть, а Бо никогда не был рядом с ней в таком состоянии. Он может бросить ее из-за бесполезного нытья — и клянусь, моя мать ноет, как никто другой, — и, если это случится, мне придется вернуться домой».

Какой в этом смысл?

Я был двумя разными людьми и только один из них был настоящим. Настоящий Уэст Левитт жил в трейлере в местечке Силт, штат Орегон. Он разговаривал со мной целыми днями.

Проверь свою маму.

Проследи, чтобы она купила продукты, чтобы Фрэнки могла нормально поесть.

Найди еще одну смену в библиотеке, потому что никогда не знаешь, как все может

обернуться. Просто никогда не знаешь.

В то время как парень, которым я был в Айове, был одеждой, которую я надел, чтобы попасть туда, куда мне нужно. Он был лишь визуально мной, притворяющийся человек, с которым Кэролайн была каждую минуту своей жизни.

Кем бы вы ни были, когда родились, вы не можете просто избавиться от этого. Мы любим притворяться, что можем. Это же американская мечта, верно? Никаких ограничений. Но правда в том, что вы можете разбогатеть, но вы не можете купить то, как живут богатые люди. Вы не можете просто надеть подходящую одежду и принадлежать себе. Вы все равно будете думать, как бедный ребенок, мечтать, как ребенок, хотеть, как ребенок. Вы все еще будете вздрагивать каждый раз, когда другой студент спросит вас: «А чем занимается твой папа? Куда ты поедешь на каникулы?»

Это тяжелая работа — научиться не вздрагивать. Учиться быть тем, кем ты не являешься.

Именно этим я и занимался в Патнеме. Я работал. Я был там не для веселья, не для вечеринок, не для того, чтобы найти девушку, с которой я хотел бы провести остаток жизни. Я был там, чтобы сделать так, чтобы остаток моей жизни состоялся и это был проект на полный рабочий день.

Таким людям, как Кэролайн, не нужно беспокоиться о продуктах или аренде. Они могут считать, что обо всем этом уже позаботились, и тогда им остается только понять, чего они хотят, и идти к этому.

Там, откуда я родом, предполагать, что ты поступишь в медицинскую школу, все равно что полагать, что ты можешь ходить по воде. Это сказка, а люди, которые верят в сказки — идиоты.

Я поступил в Патнем, ничего не предполагая. Я поступил туда благодаря благотворительности богатого выпускника, чью жену я трахал.

Я знал, на что шел. И сделал бы это снова.

Я ненавидел это, но я бы сделал это.

Я ненавидел врать Кэролайн, но врал ей. Если бы я сказал ей правду, это разбило бы ей сердце.

Я не мог получить ее. Это была правда.

У меня может быть только это, если я буду работать достаточно усердно. Больше ничего.

Кэролайн написала мне в субботу.

Что делаешь?

Я спал.

Я проснулся на рассвете и гулял по кампусу в тумане — буквально в тумане, то есть в воздухе, наполненном густым белым туманом, и чувствовал себя каким-то потерянным призраком, преследующим это место. Я пробыл на улице слишком долго, не одевшись как следует для такой влажной и обманчивой погоды.

Когда я вернулся в квартиру, меня била дрожь и было так чертовски тихо, что у меня возникло жуткое ощущение, будто меня вообще не существует. Я достал свой телефон и прокрутил вчерашние сообщения от Кэролайн, Фрэнки и моей мамы.

Это каникулы в День благодарения. Не апокалипсис.

Но я все равно чувствовал себя странно. Я сел на кровать, уставившись в туман и допил последние несколько сантиметров в бутылке ирисового шнапса Кришны.

А потом я смотрел в потолок, пока не заснул.

Когда меня разбудило сообщение от Кэролайн, телефон показал, что уже четыре часа, но мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это означает полдень. Я проспал весь день. Мои пальцы ооченели, во рту привкус помоев, а член наполовину твердый без всякой причины.

Ничего. А ты?

Звонит телефон. Это она.

— Привет.

— Привет.

— Ты какой-то сонный. Я тебя разбудила?

— Да.

— Извини. Я могу перезвонить. А ты спи. Я знаю, что это, типа, твой единственный шанс полениться.

— Все в порядке. Как проходят твои каникулы?

Мы обменялись всего несколькими сообщениями с тех пор, как она уехала в среду. Я не знал, что ей ответить. Она злится на меня. Я злюсь на себя. Я думаю, нам было бы лучше вообще не встречаться, но если мы хотим прекратить отношения, то это должна сделать она.

— Хорошо, я думаю. Я имею в виду, День благодарения прошел нормально. Теперь все уехали и это немного отстойно.

— Куда уехали?

— Жанель и ее жених уже уехали домой. Мой папа поехал к друзьям нашей семьи в Маршалтаун.

— Он оставил тебя дома одну?

— Он хотел, чтобы я поехала с ним, но мне не хотелось.

— Когда он вернется?

— Поздно, я думаю. Он поехал на ужин, но этот друг тоже судья и они обычно выпивают после ужина и сидят часами, рассказывая истории про судей.

— Хм. Так чем ты занимаешься?

— Ничем, — она издает тихий звук, как бы смеясь над собой. — Мне скучно. Три дня без учебы, и я официально не знаю, чем себя занять. К тому же, я лежу на кровати в своей комнате, которая не менялась со времен средней школы, поэтому у меня такое чувство, что я нахожусь в этом странном искривлении времени, как будто я вообще не ходила в колледж, и ничего из того, что произошло в Патнеме, не было реальным.

Я тянусь вниз, чтобы поправить себя. Я представляю ее на своей кровати и это не помогает ситуации со стояком. В реальной жизни она, вероятно, одета в спортивные штаны, а ее волосы собраны в один из этих небрежных хвостиков, но в моей голове она одета в пижамный топ с первой ночи в пекарне, белые трусики и больше ничего. Кружевные трусики — такие, которые спускаются по бедрам, как шортики и под ними видна ее розовая киска.

— Но тогда ты бы со мной не разговаривала, — говорю я. — Раз уж ты знаешь меня по Патнему.

— Да. Хотя я все еще сомневаюсь.

— В чем именно?

Мое дыхание сбилось. Я держу руку на своем члене, поглаживая его.

*Бл*дь.*

Я не должен. Она интересуется другим парнем, а я мудак. Я не должен.

Но я не останавливаюсь. Я не слышал ее голоса уже несколько дней. Я так много был один, что не уверен, что смогу остановиться. Моя рука сухая и горячая, я тяну так сильно, что это почти жестоко.

— В том, что это реально, — говорит она. — Как будто мои миры сталкиваются и не сталкиваются одновременно. Пересекаются или что-то вроде того?

— Ты трезвая?

Она смеется.

— Да. Это только делает все еще более странным. А ты?

— Да, а что?

Причина, по которой я так живо представляю себе эти белые трусики, в том, что она была в них на одной из фотографий в интернете.

Я знаю, что ее киска розовая под этими трусиками, выбритая, потому что я видел это.

Я не заслуживаю быть ее другом.

Я должен остановиться.

— У тебя голос какой-то хриплый, — говорит она. — Ты не похож на себя.

Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

Я мудак с рукой на члене, представляющий тебя, потому что я хочу тебя.

Я хочу тебя все время, черт возьми, и это делает все невозможным.

— А на кого я похож?

Она молчит секунду, а потом снова смеется, теперь уже робко.

— Не знаю.

Я хочу, чтобы она сказала что-нибудь грязное. Хочу, чтобы это был секс по телефону, чтобы Кэролайн сказала мне, что представляет, как отсасывает мне, как я трахаю ее, что она никогда не хочет, чтобы я останавливался.

Я отвратителен.

Это только заставляет мою руку дергаться быстрее.

— Расскажи мне, как выглядит твоя комната, — говорю я.

Скажи мне, что на тебе надето. Скажи, что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал.

И она описывает ее — фиолетовые стены, покрашенные, когда ей было одиннадцать, письменный стол, из-за которого она попала в беду, вырезав на нем свое имя, кушетка, что бы это ни было, и я отворачиваю лицо от телефона, чтобы она не слышала моего прерывистого дыхания.

— Уэст?

— Да? — я говорю странно. Я потерял представление обо всем, кроме звука ее голоса и скользкой плоти, движущейся под моей ладонью.

— Ты приедешь, Уэст?

Звук моего имени, то, как ее голос обволакивает его. Её интимная просьба с придыханием. Она хочет, чтобы я был с ней, и я кончаю. По всей моей руке.

— Конечно, — я так расстроен, что мне приходится прочистить горло и попробовать еще раз. — Конечно, да, я приеду.

Только когда я сажусь в машину и спрашиваю у нее дорогу, я понимаю, какая это ужасная идея.

Но к тому времени уже слишком поздно отступить.

— Подтолкни меня, — говорит она и хихикает. Действительно хихикает, как ребенок. — Давай, Уэст! Подтолкни меня!

Она держится руками за крышу, одной ногой проминая водосток, — хотя в этом месте он уже довольно грязный, она всегда должна подниматься этим путем — и ее задница виляет перед моим лицом. Я прижимаюсь к перилам этого крошечного балкончика у спальни Кэролайн на втором этаже ее огромного дома, холод металла просачивается сквозь пальто, и я думаю, как я попал в эту безумную ситуацию.

Она поскользнулась, вскрикнула и сильно ударилась об меня. Не думая, я обхватываю ее за талию, а пальцы другой руки крепко обхватывают перила.

Интересно, как этот балкон прикреплен к дому? На несколько болтов? Какой предел веса? Для чего вообще нужна эта чертова штука? Она же не собирается вывешивать белье в окно сушиться.

— Ты сумасшедшая, — говорю я ей, но она только смеется.

— Я делала это миллион раз. Подтолкни меня, и я помогу тебе подняться.

— Сейчас ноябрь.

— Здесь нет ни снега, ни льда. Звезды здесь хорошо светят. Пойдем.

Я решил, что или я помогу ей забраться на крышу, или потрачу следующий час своей жизни на то, чтобы отговорить ее от этого. К тому же, если мы и дальше будем пытаться делать это ее способом, то в итоге погибнем.

Она уже снова задрала ногу, ее задница прижалась к моему паху. Мои руки автоматически обхватывают ее бедра, направляя это сладкое, мягкое давление туда, куда я хочу.

Я совсем забыл о том, чтобы помочь ей подняться, но Кэролайн нащупывает опору другой ногой, а затем уходит, вверх, вверх и прочь.

Я только что помог обкуренной девушке забраться на крышу ее пригородного особняка. После того, как она обкурилась.

Я попаду в ад за это.

Ее рука теперь перед моим лицом, белая и маленькая.

— Я помогу тебе подняться.

— Я могу сделать это сам. Подвинься.

Ее рука исчезает. Я поднимаюсь. Она лежит на спине и смотрит на небо. Черное пальто на ней как бы растворяется в темной черепице и лунный свет выхватывает ряд серебряных пуговиц, как посадочную полосу, которая ведет к ее улыбке и блескам на вязаной шапочке.

— Ложись, — говорит она мне.

Я просто стою и смотрю на нее минуту, потому что она совершенна. Ее волосы распущены. Ее защита ослаблена. Она сказала мне, что боялась, что трава сделает ее параноиком, но все равно хотела попробовать. Вместо этого она стала нежной и спокойной, ее зрачки расширились, глаза стали огромными и темными, полными удивления.

Я чувствую, что совершил какое-то чудо.

— Вау, — говорит она. — Ты так странно выглядишь отсюда.

Это заставляет меня улыбнуться. Я опускаюсь на колени на крышу рядом с ней, замороженный ее зубами. Я сделал всего несколько затяжек из трубки, которую принес с собой, но я уже давно не курил. Я могу смотреть на ее лицо целый час. Я хочу прикоснуться

к ее волосам, почувствовать, какие они мягкие. Провести пальцами по ним, по ее горлу, по линии пуговиц и забраться под рубашку, отодвинув ее, чтобы обнажить ее кожу для лунного света. Я хочу сделать ее холодной, чтобы я мог согреть ее своим телом, ртом, руками, языком.

Я хочу, чтобы она принадлежала мне.

— Что такое?

— Обещай мне, что ты не упадешь с крыши и не убьешься.

— Не собираюсь. Я же сказала тебе, что делала это миллион раз.

— Тогда зачем тебе понадобился толчок?

— Я никогда не поднимаюсь одна. Жанель обычно подбрасывала меня.

— Вам сюда можно?

— Конечно! О, подожди, ты имеешь в виду моего отца? Нет. Ну, вроде того. Он знает, что мы это делаем, и у нас никогда не было неприятностей или чего-то подобного, но это определенно не одобряется. Мы никогда не поднимаемся, когда он дома.

Она сказала мне, когда я приехал, что он вернется только через несколько часов. Что он, вероятно, останется ночевать у друзей из Маршалтауна. Слишком много выпивки, чтобы сесть за руль. Но она заставила меня припарковаться у обочины на всякий случай.

Если бы она была девушкой из моих краев, то приглашение было бы не перепутать.

Мой папа уехал. Приходи. Принеси траву.

Если бы она была девушкой из моих краев, у меня в кармане лежала бы упаковка презервативов, а на лице красовалась бы дерьмовая ухмылка.

Но она Кэролайн, и я не уверен, что она имеет представление о том, что она делает со мной. Не то чтобы я был неумолим, но я сказал, что не буду преследовать ее, а она сказала, что не хочет этого. Она думает о каком-то другом парне. Скотте.

Так что, я не знаю. Если у нее есть какие-то планы, я понятия не имею, какие.

— Ложись, — говорит она. — Ты загораживаешь мне звезды.

Я ложусь, кладу руки за голову и смотрю вверх.

— Там облачно.

— Ш-ш-ш.

— Там нет звезд.

— Ш-ш-ш-ш, — говорит она снова, с большим драматизмом. — Заткнись и наслаждайся небосводом.

Я улыбаюсь небу. Накурившись, Кэролайн стала еще более властной, чем обычно. И она все еще говорит всякую ерунду вроде «небосвод».

Мы некоторое время смотрим на облачное темное месиво в небе. Ночь на самом деле неплохая. Облака густые, но они движутся быстрыми массами и иногда луна выглядывает и приносит с собой несколько звезд. Лучше, чем обычное небо Айовы, которое так часто бывает серо-белым и густым от влаги. Чертовски гнетущее. Дома небо кажется выше.

На улице морозно, но не так холодно, как должно быть для конца ноября. На мне толстовка на молнии поверх фланели и футболки, и мне достаточно комфортно, если не считать полоски кожи вдоль поясицы, где все слои одежды натянулись, потому что я держу руки над головой. Я чувствую крышу через джинсы, онемевшей задницей.

Но неважно.

Под кайфом все становится четким и острым, но это также делает так, что мне просто наплевать на такое дерьмо, как тепло. Кайф выключает радиостанцию в моей голове,

постоянно настроенную на Орегон, и настраивается на Кэролайн.

Она лежит на боку и смотрит на меня.

Я чувствую ее дыхание на своем лице. Тепло ее тела.

Я точно знаю, как далеко мне нужно подвинуться, чтобы поцеловать ее и это недостаточно далеко.

— Я вижу каждый волосок на твоем лице, — говорит она мне.

— Я побрился.

— Нет, я имею в виду, например, твои поры. Я вижу все места, откуда выходят волоски.

Это странно.

— Это не странно. Это мое лицо.

— И твое лицо странное, Уэст.

— Спасибо.

Она смеется, обдавая мое ухо ароматом мяты.

— Пожалуйста. Тебе не нужно, чтобы я говорила тебе, какой ты красивый.

— Парни не бывают красивыми.

— Ты видел своего соседа по комнате? Он красивее всех девушек в кампусе.

— Ты должна сказать ему об этом как-нибудь. Он бы так разозлился.

— Не похоже, что это вредит ему в плане знакомств.

— Криш не ходит на свидания, Кэр.

— Ты знаешь, о чем я, — она наклонилась ближе.

— Почему ты нависаешь надо мной, как стервятник?

— Мне нравится смотреть, как двигается твоя челюсть, когда ты говоришь. Я вижу, как двигаются мышцы и все такое. Раньше я этого не замечала.

— Может быть, потому что мы обычно не разговариваем, когда твое лицо находится в нескольких сантиметрах от меня.

— Наверное, поэтому, — торжественно говорит она.

— Или потому, что ты под кайфом.

— Еще одна сильная вероятность.

Я закрываю глаза. Я чувствую, что что-то важное ускользает от меня, и я должен хотеть это вернуть, но я не хочу. Не хочу ничего, что означает, что я должен держаться подальше от нее.

— Тем не менее, ты такой, — говорит она.

— Какой я?

Я хочу, чтобы она сказала мне, кто я. Я вошел в ее дом с большими белыми колоннами, марширующими вдоль фасада, с гранитными столешницами, с идеально белым ковром в гостиной, который, должно быть, новый, потому что на нем нет ни пятнышка. Я вошел и потерялся.

Я не знаю, кто я. Она — единственное, что я здесь узнаю и от этого еще труднее вспомнить, почему я не должен снова положить руки на ее бедра, притянуть ее к себе, поцеловать ее холодные губы и запустить пальцы под ее шапку, чтобы почувствовать тепло ее волос, ее голову в моих руках.

Единственное, что я знаю в этом месте — это Кэролайн.

Кто я?

Когда я открываю глаза, она уже рядом, смотрит на меня. Смотрит в меня.

Она проводит одним легким движением пальцев по переносице, останавливаясь на

кончике. Затем спускается к ложбинке над моим ртом. Над верхней губой. Она рисует меня пальцем и это поднимает что-то, что я засунул внутрь себя, зарыл глубоко и прикрыл камнем.

Я не знаю, как это назвать. Жажда. Потребность.

Она прикасается ко мне, словно я хрупкий, драгоценный и это заставляет меня хотеть перевернуть ее, прижать ее запястья, забраться на нее сверху и делать с ней все, пока она не почувствует себя бескостной, отчаявшейся. Пока единственным словом, которое она может произнести ртом, не станет мое имя, снова и снова. Я хочу знать каждую хрупкую впадинку ее тела, и я хочу, чтобы мой язык провел по ним, чтобы мое имя было написано на каком-то тайном языке, который знаем только Кэролайн и я.

— Ты прекрасен, — говорит она.

Я опасен.

Я сажусь, сдвинувшись на несколько сантиметров и стараясь, чтобы это не было слишком заметно. Мои руки дрожат.

— Ты под кайфом, — говорю я ей.

— Я знаю.

— Как к тебе относится интернет в последнее время? — спрашиваю я, потому что хочу напомнить ей о деньгах. Я хочу, чтобы мы были сделкой, логичной, ограниченной. Я скучаю по стенам пекарни. Когда я на работе, а она не более чем посетитель, у нас обоих есть своя роль. На этой крыше нет никаких границ. Я установлю их обратно, если это потребуется.

— Та компания, которую ты наняла, и которая делает то, что ты хочешь?

Она слегка отворачивается от меня, не прикрываясь, но и не показывая своего лица. Наверное, я задел ее чувства. Хотя она сама напросилась на это, прикасаясь ко мне таким образом.

— Я должна получать отчет каждый месяц, но до сих пор я его не видела. Может быть, из-за праздника они задерживаются или что-то в этом роде.

— Похоже, что это работает?

— Не знаю. Я решила, что мне лучше не гуглить себя постоянно и перестала.

— Логично.

Она обхватывает руками колени.

— Я думала о том, чтобы сменить фамилию.

— Серьезно?

Она не отвечает мне. Она смотрит на задний двор.

— На какую?

— Фиск. Фамилия моей мамы.

— Не позволяй ему так с тобой поступать.

— Я не думала об этом так. Я просто думаю...

— Не позволяй ему победить. Не так. Это не то, кем ты являешься. Ты не трусиха.

Она обернулась, глаза сверкнули.

— Я не говорила, что собираюсь это сделать. Просто думала об этом и у меня есть полное право думать об этом, если я хочу.

Я поднимаю руки.

— Хорошо. Думай об этом.

Это только больше злит ее.

— Ты понятия не имеешь, каково это. Я хожу по кампусу, зная, что люди говорят обо

мне за моей спиной. Я оглядываю свои классы и не могу сказать, кто видел меня с раздвинутыми ногами. А смог бы ты вынести это, если бы это был ты?

— Если бы все в кампусе видели мой член? Конечно. Это просто мой член. Это не я.

— Может быть. Но у парней все по-другому. Никто бы не назвал тебя шлюхой, если бы такое случилось с тобой. Они бы просто подумали, что у тебя, ну, знаешь, типа рабочий инструмент. Или что ты слишком много выпил. Не то, что ты был никчемным.

— Если люди так думают, то они идиоты. Почему тебя должно волновать, что думает кучка идиотов?

— Потому что мир полон идиотов, Уэст! И потому что это важно для людей, которые не идиоты. Мой отец не идиот, ясно? Он умный. Но если он узнает... если мои сестры узнают? Или, что если я пойду в юридическую школу и попытаюсь получить хорошую должность клерка, но не смогу, потому что моя вагина в интернете? Знаешь, как это будет хреново?

— Да, ладно, я понимаю. Но смена фамилии... ведь это то, кто ты есть. Это ты.

— Женщины меняют свои фамилии, когда выходят замуж.

— Яблоки и апельсины не одно и то же.

— Нет. Это всегда условно. Это решение, которое я могу принять, если захочу. И я удивлена, что ты ведешь себя как придурок. Думала, ты на моей стороне.

— Я на твоей стороне, я просто... Он обнародовал эти фотографии, чтобы люди обзывали тебя. Он был зол на тебя, верно? Он хотел, чтобы ты чувствовала себя дерьмово. И я думаю, если ты изменишь свою фамилию — это то, чего он хочет. Возможно, это даже больше, чем он когда-либо хотел. Этого хотят все они, чтобы тебе было стыдно, но ты не сделала ничего такого, за что можно было бы стыдиться. Ты разделась перед своим парнем, отсосала ему, позволила ему трахнуть себя — какое большое гребаное дело, Кэролайн. То, что они называют тебя шлюхой и фригидной сукой — это даже не имеет смысла. Я имею в виду, выбери что-то одно, верно? Все это ничего не значит, ведь это не та, кто ты есть. Эти фотографии — не ты.

— Но это не так. Я — это фотографии. Фотографии — это я. Больше ничего нет. Я думаю о том парне, которого встретила, Скотте? Знаешь, почему я ему не звонила? Потому что мне интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы найти фотографии? Он еще не знает моего имени. Когда мы познакомились, он подумал, что я сказала «Кэрри», так что он думает, что меня зовут Кэрри, и это как... А что если бы это было так? Что если бы я была Кэрри Фиск? Тогда бы мне не пришлось волноваться: Как скоро он узнает? Что он подумает? Что он сделает?

— Если он осудит тебя за это, значит, он козел и тебе лучше не знать его.

— Это не... Это даже не только он, Уэст, это все. Все говорят: «Будьте осторожны с фотографиями. Интернет вечен. Не публикуйте пьяные снимки на Facebook. Мне может быть шестьдесят лет, а фотографии все еще будут в сети. Они могут быть там до конца моей жизни. Так что, даже если Скотту все равно, что если мы будем встречаться годами, обручимся, а потом его мама узнает? Или его отец, или его двоюродная бабушка, или кто угодно? Что если у него есть какой-нибудь извращенный кузен, который подорчит на мои фотографии и расскажет Скотту, понимаешь?

— Что если ты умрешь в результате несчастного случая на следующей неделе? Что если твой первенец заболеет лейкемией? Господи, Кэролайн, не делай это центром всей своей гребаной жизни!

Я слышу, как я звучу в наступившей тишине.

Взбешенно. Обвиняюще.

Я чувствую себя самым ничтожным существом. Хуже червяка. Что-то гнилое, отвратительное. Что-то разложилось во мне.

Я такой же плохой, как и все парни, о которых она беспокоится. Я дрочил, разговаривая с ней по телефону несколько часов назад и, если это не делает меня извращенцем и мудаком, то я не знаю, что может сделать.

Я просто ненавижу слушать, как она говорит об этом другом парне. Ненавижу, что ее надежда связана с чужим именем, ее будущее связано с чужим именем.

Стыд проникает в меня, горячий импульс, который заставляет меня злиться, что она молчит. Заставляет меня заполнить тишину еще большей глупостью.

— Это нормально, — говорю я ей. — Это сиськи и п*зда, ноги и задница — это не конец света, Кэр. Ты думаешь, что ты такая особенная, но в сети миллион кисок других девушек и большинство из них не стонут, что их жизнь кончена только потому, что какой-то случайный чувак получает удовольствие, глядя на них.

Снова тишина. В хорошем районе, где живет Кэролайн, все уже спят. Это заставляет меня чувствовать себя мерзко. Что она должна жить в этом месте, которое как раз такое, куда я хочу поместить Фрэнки. В окружении безопасности.

Что именно я здесь, сегодня, делаю его небезопасным.

Я рискую взглянуть на ее лицо. Она выглядит так, будто я дал ей пощечину.

Я и дал ей пощечину.

Хуже всего то, что у меня нет причин злиться на нее. Я не злюсь на нее — я просто злюсь в целом.

Я злюсь, что мир настолько отстойный, что это должно было случиться с ней, что она должна чувствовать себя так плохо из-за этого.

Я злюсь, что секс не может быть просто сексом, он должен быть и всем остальным — деньгами, властью, страданиями и удовольствием, смешанными вместе. Потому что я хочу ее, я злюсь на нее и это чертовски глупо.

Все это. Глупо.

Я вздыхаю и встаю. Ухожу с крыши. Этот огромный дом, где Кэролайн провела всю свою жизнь, укрываясь от всего, что хоть в половину хуже того, что сделал с ней ее бывший парень. Возможно, он тоже вырос в таком доме. Возможно, он разрушил весь ее мир, не задумываясь ни о чем.

Я возвращаюсь к Кэролайн.

— Мне жаль, — говорю я ей. — Это вышло... Мне просто жаль, хорошо?

Она качает головой и обхватывает руками свои ноги, отвернувшись от меня.

— Знаешь, я никогда не называла это так?

— Это?

— П*зда, — говорит она, как будто это слово имеет неприятный вкус во рту. — П*зда.

Щель. Сиськи. Член. Все эти слова — они никогда раньше не имели ко мне никакого отношения.

Она наклоняет голову ко мне, и я вижу ее глаза, полные слез.

— Я не хочу, чтобы они имели ко мне какое-то отношение.

Я сажусь в нескольких шагах от нее. Не уверен, что сказать ей.

— Есть так много вещей, которые я не уверена, что когда-нибудь смогу вернуть, — тихо говорит она. — Я имею в виду... Я понимаю, о чем ты говоришь. Понимаю, что жизнь не

заканчивается из-за пары зернистых фотографий в интернете. Но отчасти это происходит, понимаешь? Потому что теперь все, что я видела, что люди говорили обо мне, есть во мне. У меня есть п*зда, я п*зда, я одета как шлюха, я и есть шлюха, я фригидная, я сука, мне хотят кончить на лицо — все эти грязные вещи, которые раньше ко мне не относились, теперь относятся. Они просто разъедают меня. Так что, если я что-то чувствую, если я хочу парня, если я... если я становлюсь мокрой для парня, если я хочу, чтобы кто-то поцеловал меня — это уже преследует меня. И я ненавижу это.

— Ты хочешь, чтобы кто-нибудь тебя поцеловал? — спрашиваю я. — Это все теоретически или...

Ее руки плотнее обхватывают ноги.

— Это не теоретически.

— Скотт?

— Конечно, Скотт. То есть, может быть. Я только что встретила его. Но, что если да? Почему все должно быть испорчено еще до того, как все началось?

— Это не испорчено.

— Это кажется испорченным.

— Это отстой.

— Да.

Она рисует кончиком пальца круг на своей коленной чашечке.

— Я говорила с ним всего пару минут. Он мне понравился. Он легкий, понимаешь? И Куинн достала для меня его номер, но я просто не... Я не хочу думать о нем так. Я хочу, чтобы все эти слова и части тела не имели к нему никакого отношения. Кроме того, что они есть.

— Это практически неизбежно, если ты собираешься встречаться с парнем.

Она смотрит прямо на меня на секунду, затем обратно на крышу.

— Сегодня я уже начала чувствовать, что могу это сделать. Позвонить ему и пригласить на свидание после перерыва. Я думала... Но должна сказать, что ты вроде как разрушил всю эту идею, так что спасибо.

В ее голосе звучит улыбка. Небольшая, но она есть.

— Я понимаю, что был придурком, но не понимаю, что я испортил. Тебе придется это объяснить.

— Не думаю, что смогу это сделать. Ничего из этого. Я собираюсь стать монахиней.

— Это было бы пустой тратой времени, — теперь я вижу улыбку, хотя она все еще не смотрит на меня.

— Нет, теперь я вижу, что это единственный выход.

— Сестра Кэролайн, — говорю я. — Мученица интернет-порно.

Она поднимает голову. Я не могу отвести взгляд от блеска ее зубов, ее губ, потому что у меня возникает внезапная, ужасная, потрясающая идея, и я концентрирую все свое внимание на том, чтобы она не вырвалась у меня изо рта.

Я могу поцеловать тебя.

Вот что я пытаюсь не сказать.

Я могу заставить тебя забыть все эти гребаные фотографии.

Я мог бы заставить тебя чувствовать себя хорошо, стереть весь этот стыд, показать тебе, что должно происходить в твоей голове, когда ты с парнем.

Я могу. Я.

— Он тебе очень нравится, — говорю я вместо этого. Потому что она уже сделала свой выбор и я — не он. Я даже не вариант.

— Он веселый.

— Веселый — это немного простовато.

— Нет, не надо. Не придирайся к нему. Он замечательный. Или он может быть замечательным. Похоже, что может.

— Жаль, что он такой уродливый.

— Нет, он еще и горячий. Куинн так сказала.

— Куинн любит девушек.

— Куинн би.

— Серьезно?

— Ты не знал об этом?

Я покачал головой.

— Ну, она би. И она думает, что Скотт горяч.

— Значит, ты пригласишь его на свидание, а потом сразу окунешься в это и поцелуешь его. Посмотришь, что будет.

Я наблюдаю за ней, когда говорю это, потому что, какой бы ни была ее реакция, я собираюсь запомнить ее. Я буду использовать это, чтобы напоминать себе, когда мне понадобится напоминание.

Она не моя. Я не могу получить ее. Это окончательно.

— Я так и сделаю, — говорит она. — Это отличная идея.

Но лицо, которое она делает — это не сработает как напоминание, которого я хотел.

— У тебя такой вид, будто ты думаешь о том, чтобы лизнуть слизня.

— Не дразни меня. Я работаю над этим.

Но я хочу подразнить ее. Я чувствую внезапный, основательный кайф от этой идеи, которая у меня возникла. Она дошла до моего мозга, я думаю. Она прошла через мою систему в одном быстром пьянящем порыве.

Нет ничего реального, кроме нее, меня и этого океана тьмы, в котором мы дрейфуем.

Ничто не реально, кроме того, как я чувствую себя лучше, когда она улыбается. Когда я дразню ее, я чувствую, что, может быть, я все-таки кто-то, а не просто сын и брат, работник, быстрый трах. Я больше, чем студент, самозванец, стрела на своем векторе к цели. Как будто я важен для нее.

Как будто я важен для себя.

— Если бы я сказал, что ты должна ему отсосать, может быть... может быть, я бы ожидал такого лица. Но целоваться? Как ты можешь быть увлечена парнем и делать такое лицо, когда думаешь о поцелуе?

— Это сложно. Заткнись.

— Я заткнусь, когда ты ответишь на вопрос.

— Нет. Я не... Почему мы вообще об этом говорим?

— Потому что ты под кайфом. У тебя нет фильтра.

— У меня он есть.

— Мы только что говорили о твоей п*зде. Фильтры определенно отключены.

Она смеется и зарывается лицом в руки.

— Это была твоя вина.

— Во всем виноват я.

Я не могу остановить это. Не могу остановить себя. Не тогда, когда она заставляет меня чувствовать себя так.

Ее плечи дрожат. Не уверен, когда она перестает смеяться и начинает плакать, и перестает ли она вообще. Возможно, это все одно и то же. Смеяться и плакать одновременно.

Я знаю только, что когда она смотрит вверх, слезы заставляют ее глаза блестеть, и в них видны звезды.

Вот как это выглядит для меня. Как будто звезды в Кэролайн, а весь мир — это только я и она.

Потому что я под кайфом.

И потому что я влюблен в нее.

— Это тоже, Кэр, — говорю я, наклоняясь. — Это полностью моя вина.

Когда наши губы встречаются, она вдыхает и это все, что происходит. Может на секунду, может навсегда — трудно сказать, когда ты под кайфом. Время становится непредсказуемым. Секс становится намного больше и намного меньше одновременно, потому что ты можешь чувствовать все. Каждый волосок, каждый вздох, каждое биение сердца, каждый сантиметр кожи. Это отвлекает. Я отвлекаюсь на то, что рот Кэролайн мягкий, но сухой и этот поцелуй похож на рукопожатие. Это не сексуально. Это... интересно.

— Странно, — говорит она мне в губы.

— Ты странная.

— Смотри, кто говорит.

Я облизываю ее нижнюю губу, и она опускается на локти.

Я слеую за ней и делаю это снова.

— Все еще странно?

— Ты лижешь меня, — пробормотала она.

— Как это у тебя работает?

Она закрывает глаза.

— Я думаю...

Я втягиваю ее губу в рот и осторожно прикусываю ее. Она чувствуется мягкостью между моими зубами, более существенной, чем кажется. Я хочу сделать это с каждой ее частью. Облизать ее, пробовать на вкус, укусить. Поглотить ее, кусочек за кусочком.

— Не думай. Мышление тебе не друг.

— Ты мне тоже не друг.

— Смешно, — я запускаю руку в ее волосы, оставляя большой палец под ее челюстью, наклоняю ее голову туда, куда мне нужно, чтобы я мог по-настоящему поцеловать ее.

Я думаю, мимолетно, «не надо», но затем делаю это.

Наши языки встречаются. Наши зубы мягко сталкиваются, и она издает звук, который можно было бы назвать смехом, если бы она не была так занята, погружая пальцы в мои волосы и целуя меня в ответ.

Если бы мы были друзьями, это было бы отвратительно. Слюна и языки, зубы и губы.

Но мы не друзья.

И это чертовски удивительно.

Я целую ее крепко. Я контролирую ее, использую ее рот, направляю ее голову.

Я целую ее нежно. Провожу языком по сексуальной щели между ее зубами.

Отстраняюсь, позволяю ей взять верх, показать мне, что ей нравится, как она этого хочет.

Она действительно хочет этого. Может быть, только сегодня, может быть, по неправильным причинам, я не знаю. Я не думаю об этом. Я целую Кэролайн и это лучше, чем думать.

Мы погружаемся в какую-то дымку, ничем не соприкасаясь, кроме наших ртов и рук, глядящих волосы, шею, плечи. Я тверд, но это кажется чем-то далеким. Это не секс. Это поцелуй. Вечные поцелуи, в которых нет ни срочности, ни времени. Поцелуи похожи на плеск волн. Идеальный поцелуй.

— Все еще странно?

— Очень странно.

Она улыбается, когда снова опускает мою голову.

Кэролайн улыбается, и мы целуемся, все идеально, пока свет не освещает ее лицо, и она не говорит:

— О, черт.

Фары на подъездной дорожке.

— Мой отец.

Ее балкон Ромео и Джульетты оказывается идеальной высотой для падения на задний двор.

Моя машина оказывается, как раз в том месте, где можно незаметно выбраться прочь.

Но дорога между Энкени и Патнемом слишком коротка, чтобы я смог понять, какого хрена я делаю и слишком длинна, чтобы терпеть воспоминания о том, как рот Кэролайн прижимается к моему.

Квартира выглядит чужой, когда я возвращаюсь. Маленькая, холодная и уродливая. Пустая.

Я захожу в свою комнату и закрываю дверь. Падаю на спину на кровать, чувствуя себя уставшим и измотанным.

Звонит мой телефон. Я почти решаю не отвечать, потому что знаю, что это должна быть Кэролайн.

Я не могу говорить с ней. Сначала я должен привести себя в порядок, выяснить, что это было. Понять, почему, когда я крался по ее подъездной дорожке с выключенными фарами, половина меня надеялась, что меня не поймают, а другая половина была разочарована, пристыжена, чертовски зла на нее за то, что она заставила меня чувствовать себя ее маленьким грязным секретом.

Когда я взглянул на экран, это была не она. Это моя мама.

— Привет, как дела? — спрашиваю я.

Я слышу голос Фрэнки.

— Папа здесь.

Мое сердце колотится. Я сажусь так быстро, что у меня темнеет в глазах. Мне приходится приложить ладонь ко лбу, чтобы прояснить зрение.

— Где ты?

— Дома. У Бо. Он... он не хочет уходить, Уэст. Ты должен заставить его уйти.

Она говорит так, будто вот-вот расплачется, ее голос высок и звонок, прямо на грани срыва.

Фрэнки никогда не плачет.

— Хорошо, сделай глубокий вдох, малышка. Ты ведь внутри, да?

— Да.

— А он снаружи.

— Ага. И я заперла входную дверь, но он все колотит и колотит по ней. Я боюсь, что она сломается!

Теперь, когда она говорит это, я слышу стук. Я нахожусь за тысячи километров отсюда, и этот звук пугает меня до смерти. Я до сих пор помню его возле трейлера, кричащего на мою маму посреди ночи.

— *Мишель! Впусти меня! Впусти меня в мой собственный чертов дом, ты, никчемная шлюха!*

Он был пьян, сказала мне мама. Он был зол. Он не хотел этого. Но я не должен волноваться, потому что она никогда, никогда не позволит ему причинить мне боль.

Не прошло и сорока восьми часов, как она впустила его в свою спальню.

И он причинил мне много боли.

— Уэст? — голос Фрэнки дрогнул. — Мне страшно, Уэст.

Мои руки дрожат от адреналина. Я толкаю себя, пока моя спина не упирается в стену. Мне нужно что-то твердое, чтобы опереться.

— Я знаю, милая, но это прочная дверь и он через нее не пройдет. Где мама и Бо?

— Они ушли.

Пить, думаю, она имеет в виду. В Орегоне только десять. Они вернутся только через несколько часов.

— Ты закрыла заднюю дверь?

— Не-а.

— Хорошо. Можешь сейчас пойти и сделать это для меня?

— Да, но Уэст...

— Просто запри заднюю дверь. По одной вещи за раз, Фрэнкс.

Стук становится слабее. Она дышит тяжело, быстро. Напугана до смерти. Я пытаюсь сосредоточиться на звуке собственных вдохов и выдохов.

Когда она была маленькой и ей снился плохой сон, я брал ее в свою кровать и позволял ей свернуться калачиком рядом со мной, согласовывая наше дыхание, пока мы оба не засыпали.

— Я заперла, — говорит она.

— Сверху и снизу?

— Да.

— Хорошо, теперь окна.

— А что с окнами? — спрашивает Фрэнки.

— Проверь их, просто чтобы быть уверенной.

Одна вещь о Бо — он параноик. Назовите теорию заговора, и он в нее поверит. Кроме того, он выращивает траву на поляне в лесу за домом и работает охранником в тюрьме, которая регулярно выпускает людей, ненавидящих его кишки, обратно в общество. Дом Бо — хлипкое одноэтажное ранчо, но у него надежные замки на дверях и решетки на всех окнах.

Я бормочу заверения.

— Все будет хорошо, детка. Он не причинит тебе вреда. Он не проникнет внутрь.

Но я не знаю. Меня там нет. Мне требуется все, что у меня есть, чтобы не выпытывать у нее подробности.

— Я проверила их, — говорит она наконец. — Они заперты.

— Умница. Теперь отойди как можно дальше от двери, чтобы не слышать его.

— Он плачет, Уэст.

— Просто заглуши его.

— Мне его жаль.

— Не надо. Он сам в этом виноват. Иди посиди в ванне, хорошо?

— Зачем?

— Там ты не сможешь слышать. Будто ты в пузыре.

— Это глупо.

— Эй, кто кого позвал на помощь?

Я представляю, как она улыбается, хотя это не так. Нечему улыбаться.

Я слышу, как кольца душевой занавески скользят по стержню. Затем ее дыхание становится громче.

— Ты уже там, Фрэнкс?

— Да.

Я представляю как она обхватывает колени одной рукой, как и Кэролайн на крыше. Я вижу ее в ночной рубашке, ее темные волосы свисают через руки и вниз по спине. Ее худые ноги, искусанные комарами, покрытые царапинами и язвами. Босые пальцы грязные.

Летняя Фрэнки. Но сейчас ноябрь и когда я разговаривал с мамой на День благодарения, она сказала, что на земле лежит снег. Я не видел сестру три месяца.

— Мне позвонить в полицию? — спрашивает она.

Я вспоминаю урожай Бо, растения до подбородка. Я знаю, что сейчас все не так. Он собрал урожай за сезон. Когда я разговаривал с ним в последний раз, он сказал мне, что дает созреть шишкам индики, но очень скоро он собирается отправиться в Калифорнию на продажу.

Обычно он не держит ничего из этого в доме. Он знает закон. Он научил меня, что важно знать, за что тебя могут посадить, если ты нарушаешь закон. Я никогда не ношу с собой столько, чтобы меня обвинили в преступном хранении.

И все же. Что если он не следует своим собственным правилам? Я не хочу быть ответственным за вызов копов к Бо домой и втягивание его в дерьмо. Если он потеряет работу, попадет в тюрьму, то мама, вероятно, потеряет и свою, и мы все окажемся в полной заднице.

Но Фрэнки — просто маленькая девочка, беззащитная, сидящая в ванне.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Я смотрела телевизор. Мама сказала лечь спать в девять, но шел фильм, и я знала, что она не вернется, поэтому смотрела его, а потом услышала, как он стучит. Это было так громко, Уэст.

— Ты открыла ему дверь?

— Нет. Мама сказала не делать этого.

— Мама знает, что он вернулся?

— Мы встретили его в городе. Он живет в трейлере.

— Нет. Фрэнкс, скажи мне, что ты шутишь.

— Да, он вернулся! Он говорит, что это его дом и мы не имеем права не пускать его туда.

— Вот ублюдок. Что случилось с Хейли?

— Она переехала к своему парню.

Я специально поселил свою кухню Хейли в этом трейлере. Я оплатил аренду участка на весь учебный год. Я хотел, чтобы маме и Фрэнки было куда пойти, если все пойдет наперекосяк с Бо, но я никогда не думал об этом. Я никогда не думал, что буду платить за то, чтобы у этого ничтожного сукиного сына была домашняя база для терроризирования моей младшей сестры.

Я упираюсь пятками в одеяло, прижимаясь к пружинам. Я опускаю голову между коленями, и мне хочется быть с Фрэнки. Хотел бы я быть рядом с ней.

Хотел бы я быть там, где я должен быть.

— Что он сказал?

— Что ты имеешь в виду — сейчас?

— Нет, я имею в виду, что он сказал, когда приехал? Чего он хочет?

— Он сказал: — «Выходи, малышка. Твой папа хочет тебя видеть.» И он назвал маму сукой, но потом сказал, что не хотел этого, что она разбила ему сердце и тому подобное дерьмо.

— Не выходи, Фрэнки.

Она надулась.

— Я знаю, Уэст. Я не дура.

— Он звучал безумно?

— Похоже, он был пьян.

— Почему ты так говоришь?

— Он весь такой, типа, слюняй.

— Господи.

Она замолчала на мгновение.

— Я больше не слышу его ударов.

Теперь она больше похожа на себя. Я думаю, она чувствует себя лучше в душе, когда все двери заперты. К тому же, ей нравится знать то, чего не знаю я. Быть той, кто рассказывает мне обо всем для разнообразия.

— Я собираюсь посмотреть, на месте ли его грузовик.

— Будь осторожна.

— Буду.

Я снова слышу занавеску для душа, а затем ее дыхание становится тише, ровнее, когда она движется через дом к окну.

— Он ушел.

— Хорошо. Но держи все под замком.

— Обязательно.

Мы молчим. Просто дышим.

— Оставайся со мной какое-то время, — говорит она.

— Пока я тебе нужен.

Проходит несколько часов, прежде чем она засыпает. Мы вместе смотрим фильм, говорим ни о чем — о ее мелких дружеских драмах, о новых резинках для волос, которые она купила, о певце, которого она любит и который будет сниматься в фильме, который она хочет посмотреть в следующий раз, когда мама выйдет на работу.

Наконец я кладу трубку, слыша тяжелое и медленное дыхание Фрэнки.

Она в безопасности. С ней все в порядке.

Но я чувствую, что падаю и нет ничего твердого, за что я мог бы ухватиться.

ДЕКАБРЬ

Кэролайн

Иногда я удивляюсь, почему я не понимала, что происходит.

Ведь это было очевидно абсолютно для всех. Это должно было быть очевидно для меня. Та ночь на крыше, то, чем она закончилась, то, что мои губы были припухшими в течение нескольких часов после этого, то, что я продолжала прикасаться к ним, то, что я не могла думать ни о чем другом. Несколько дней.

Та нелепая сделка, которую мы заключили.

Мое нетерпение, когда Бриджит уходила на утренние занятия по вторникам и четвергам, чтобы я могла сидеть на кровати и ждать его стука. Два стука, всегда два. Я подходила к двери, открывала ее, и там был он. Снова вернулся, когда я боялась, что в этот день он не придет.

Снова вернулся, чтобы лечь на мою кровать и захватить мой рот, обхватить руками, дышать горячо и прерывисто на мою шею, пока я притворялась, что мое сердце не наполнено его голосом, запахом и вкусом.

Я не знаю, почему я не понимала. Наверное, я боялась.

Никогда не знала, что в страхе может быть столько экстаза.

Он избегал меня целую неделю. Больше недели. Девять дней.

*Сначала я не понимала. Была слишком погружена в свой мыслительный туман о том, что случилось, а потом пошла на бранч с отцом, который хотел поговорить о моем будущем. Только теперь разговор был еще более неловким, чем раньше, потому что часть меня радостно кивала, думая: Да! Я собираюсь получить отличную стажировку этим летом, но мне также приходилось бороться с хором интернет-задротов, говорящих: *Только не с твоей киской в интернете!**

А тем временем новая, полностью ориентированная на Уэста часть моего мозга была занята тем, что я накурилась и целовалась с Уэстом на крыше. О-Мой-Чертов-Боже.

Все это означает, что я пропустила много реплик, говорила странные вещи, и на меня хмуро смотрел отец, который не понимал, почему я превратилась в такую чудачку.

*Я вернулась к учебе в воскресенье днем и отправила Уэсту сообщение, когда приехала. Он написал в ответ: **Круто.***

Круто.

Кто вообще говорит «круто»?

Не знаю, но я сказала себе, что, возможно, это хорошо, что он не был в восторге от встречи со мной. Возможно, нам нужно было побыть порознь, несколько дней, чтобы разобраться в том, что означал тот... эпизод на крыше. И поскольку у меня только что состоялся серьезный разговор с отцом, признаюсь, я решила, что мне не помешает немного отстраниться от Уэста, чтобы подумать о том, что я делаю.

Я смотрела много телевизора и плохих фильмов с Бриджит. Ходила в гости к Куинн с Кришной, разделив две упаковки по шесть бутылок, и смеялась над «Гарольд и Кумар уходят в отрыв».

Я не думала о том, что делаю.

В пекарню я не пошла. Мне бы хотелось пойти во вторник вечером, но Уэст обычно пишет смс, чтобы спросить, увидится ли он со мной, а он этого не сделал. Поэтому я не пошла. Вместо этого я спала. Прямо всю ночь, как нормальный человек.

Я повторила это в среду вечером.

В четверг отправила ему четыре сообщения, но он на них не ответил.

В пятницу я отправила ему пятое.

Какого черта, Уэст?

Он ответил через три часа.

Извини. Занят.

Суббота, воскресенье — ничего. Я сходила на тренировку по регби и сделала свой первый по-настоящему классный захват. После тренировки я потусовалась с Куинн и Бриджит. Я поинтересовалась у Куинн, видела ли она Уэста после каникул, и она ответила:

— Да, а что?

Да просто так.

К понедельнику, однако, все вещи, о которых я не хотела думать, дали о себе знать. Я начала чувствовать себя дерьмово. Хор мудаков становился все громче.

Ты знала, когда пригласила его к себе. Ты знала, когда просила его принести траву. Ты хотела, чтобы он трахнул тебя на крыше.

Разве? Я не могу вспомнить. Не могу определиться. Все кажется таким туманным.

В ту ночь я сломалась и рассказала Бриджит, что произошло, а она так разозлилась на Уэста.

— Он не может так с тобой обращаться! Это неправильно!

Она убедила меня позвонить ему. Я оставила гневное голосовое сообщение. И снова написала сообщение, требуя, чтобы он связался со мной. Бриджит выхватила у меня телефон из рук и назвала его «ублюдком», за что я потом извинилась, но он так и не ответил мне.

После этого я не могла уснуть. Бриджит тихонько похрапывала на своей койке надо мной, а я достала телефон и написала: — **Чувствую себя ужасно из-за того, что случилось на крыше. Чувствую себя грязной. Мне стыдно. Почему ты не разговариваешь со мной?**

Утром я жалела, что не могу вернуть те сообщения обратно.

Не слишком ли драматично, Кэролайн?

Но они были отправлены, и на этом все закончилось.

Во вторник после занятий он пишет мне ответ. Телефон звонит, когда я лежу на животе, разглядывая свои ногти и пытаюсь набраться энтузиазма для обеда.

Ничего грязного в этом нет, пишет Уэст.

Целый фрагмент предложения. Ну как вам это?

Тогда почему ты меня избегаешь?

Я не избегаю. Я занят.

Раньше тебя это не останавливало.

Извини.

Я жду, не даст ли он мне лучшего объяснения, но он не дает, и мне это так надоело. Меня тошнит от него. И от себя тоже.

Почему я позволяю этому происходить?

После того, что сделал Нейт, я не позволяла страданиям выбить меня из колеи. Я действовала. А теперь один поцелуй от Уэста, и я опускаюсь до этого смс-поклонения?

Да пошло оно все.

Приходи ко мне в комнату и поговори со мной, — пишу я. *Прямо сейчас.*

У меня занятия.

Я смотрю на часы.

Не в течение часа.

Ничего нет целую минуту. Я прокручиваю назад синие и зеленые пузырьки нашего разговора, пытаюсь узнать себя в этих требованиях. Пытаюсь узнать Уэста, который гладил мою шею в квартире, который положил руку мне на бедро и спросил, что же ему со мной делать. Уэста, который сказал: «Это полностью моя вина», прямо перед тем, как поцеловать меня до потери сознания.

Хорошо, пишет он смс.

А потом я жду.

Ну, хорошо, я переодеваюсь в джинсы и укладываю волосы, а потом жду.

У нас есть клише о наблюдении за кастрюлями и кипящей водой. Очевидно, что должно быть и про ожидание парня, которого ты поцеловала, сидя под кайфом на крыше, чтобы он пришел и объяснился.

Наблюдаемый Уэст так и не появляется.

Но, знаете, так даже менее отстойно.

Наконец, спустя вечность, он стучит дважды. Я открываю дверь, и не понимаю. Не понимаю. Как получилось, что я не видела его целых девять дней? Как я забыла, что он делает со мной?

Я хочу прижаться к нему, переплести наши пальцы, поцеловать его закрытые веки и поприветствовать его возвращение.

Но не делаю этого. Я не совсем сумасшедшая. Но желание есть, оно гнетущее, как рука толкающая меня под воду.

И отчасти прекрасное.

Отворачиваюсь, отчаянно пытаюсь взять себя в руки. На нем пальто, которое сначала кажется серым, но, когда подходишь ближе, видно, что оно состоит из черных и белых полос, расположенных близко друг к другу в виде узора. Не могу представить, где кто-то мог достать такое пальто, только если в шкафу бабушки. Оно должно быть странным или уродливым, но, как и все, что носит Уэст, оно кажется сексуальным. Как будто в этом году в моде пальто в стиле «старик».

— Хорошее пальто.

Он смотрит на меня пустым взглядом. Как будто я женщина в столовой, которая проверяет его документы. Какая-то анонимная особа, которую он едва знает.

— Спасибо.

Я отступаю назад. Он никогда раньше не был в моей комнате. Немного удивительно, насколько маленькой он ее сделал, просто пройдя в центр.

— Хочешь, я возьму его?

Он отряхивает свое пальто и бросает его на диван. Затем опускается рядом с ним.

Одна его бровь слегка приподнята, что, как я полагаю, должно означать: «Ну, Кэролайн?»

Я сажусь на кровать. Тяну свою подушку на колени, пощипываю наволочку, на которой нарисованы смурфики. Предполагается, что это ироничные Смурфики, но, возможно, это как ироничные китовые штаны. Невозможно.

Напоминаю себе, почему заставила Уэста приехать сюда. Потому что я поцеловала

Нейта, и он выложил мои голые фотографии в интернет. Потом поцеловала Уэста, и он перестал со мной разговаривать. Я устала от этого дерьма.

— Что с тобой происходит?

— Ничего.

— Ты злишься на меня.

— Нет, — он сосредоточен на месте на полу, как будто все секреты мира написаны там.

— Я тебе противна.

— Нет.

— Ты жалеешь, что поцеловал меня.

Он на долю секунды встречается взглядом. А затем снова смотрит на тайное место.

— Да, — но потом снова смотрит на мое лицо. — Нет.

— Так какой ответ?

— Оба.

— И что мне с этим делать, Уэст?

Он вздыхает. Его волосы падают вперед, закрывая глаза, и он зажимает руки между коленями, на браслете на запястье написаны буквы его имени, символ всего того, чем он не хочет со мной делиться.

— Я с самого начала говорил тебе, как все будет с нами.

— Ты сказал, что не будешь меня трогать.

Он кивает, но не поднимает глаз.

— Но ты же трогал меня.

— Я, бл*дь, знаю это, Кэрлайн.

— Не срывайся на мне. У тебя нет никакого права. Мы оба были там. Мы оба целовались.

— Да, но это мне пришлось прыгать с балкона, не так ли?

— И поэтому ты злишься на меня?

— Я не злюсь на тебя!

Наконец-то он смотрит на меня, но это не помогает. Его насупленные брови и нахмуренный взгляд означают, что он на что-то злится. Если это не я, тогда что?

— А похоже, что так и есть.

Он встает. Несколько раз прохаживается взад-вперед. Смотрит на двухъярусные кровати, на пустой стол Бриджит, на мой захламленный стол. Он поднимает фотографию в рамке, на которой я с отцом и сестрами на выпускном в школе, и кладет ее обратно.

Он указывает на фотографию.

— Знаешь, что я ему сказал?

— Кому, моему отцу?

Он скрещивает руки.

— Я сказал: «Так это твоя дочь?». Это было после того, как я отнес тебя по лестнице и положил на кровать. Я стоял прямо над тобой, смотрел на твои сиськи и сказал: "Я прямо, напротив. Совместное общежитие, чувак. Это будет здорово".

Он использует свой голос наркоторговца, голос укурка — совершенно фальшивый, если ты знаешь Уэста, но до ужаса убедительный, если не знаешь. Я точно слышу, как это должно было звучать для моего отца. Как будто его малышка поселилась в доме напротив у насильника или, по крайней мере, развратного гада.

Это чудо, что папа вообще уехал из Патнема.

— Зачем?

— Чтобы у тебя была веская причина держаться от меня подальше.

— Да, это я уловила, но все равно не понимаю. И не пытайся кормить меня всякой ерундой о том, что я богатая, а ты бедный, или ты слишком благородный, или еще что-нибудь.

Он гримасничает. Отходит к окну, поворачиваясь ко мне спиной.

— Я не благородный.

— Тогда кто ты?

Нет ответа. Молчание затягивается, часы Бриджит отбивают секунды — одну, две, три, четыре, пять, без ответа — пока вдруг Уэст не поворачивается и не говорит:

— Я чертов эгоист, ясно? У меня есть планы на будущее, и тебя в них нет. Ты никогда не будешь в них участвовать, Кэр, поэтому мне просто имеет смысл держаться от тебя подальше, чтобы я мог сосредоточиться на том, что важно.

Что важно.

И это не я.

Я смотрю на Смurfетту у себя на коленях, на ее золотистую копну волос, на ее дурацкие туфли и платье, и мне хочется ударить ее. Хочется ударить себя, прямо туда, где болит, туда, где слова Уэста вонзились в старую жгучую рану под моими легкими, в ту жизненно важную точку, в которую он продолжает бить меня, даже не заботясь об этом.

Он не пытается причинить мне боль. Он просто эгоист.

— Не смотри так, — говорит он.

— Я буду смотреть так, как захочу, — я выделяю каждое слово, медленно и тщательно, потому что не хочу, чтобы он знал, что причинил мне боль.

Переворачиваю подушку и обвожу контур шляпы Мозговитого Смurfа. Я всегда отождествляла себя с Брэйни.

— Кэр...

— Наверное, тебе лучше уйти.

Он поднимает пальто. Подходит к двери. Я жду, когда она откроется, жду, когда он выйдет, жду, когда начнется та часть моей жизни, в которой нет Уэста.

Но он стоит там, а потом наклоняется к двери и со всей силы бьет по ней ногой, три раза. Он пинает дверь так сильно, что я подпрыгиваю.

Волосы на моих руках встают дыбом.

Насилие — это колокольный звон внутри меня. Объявление о том, что что-то начинается, что-то высвобождается.

Он снова поворачивается ко мне.

— Я не хочу уходить. Ясно? Это моя проблема, Кэролайн. Я никогда не хочу уходить от тебя.

— Чего же ты тогда хочешь?

Я почти в слезах. Почти кричу, потому что не понимаю. Никогда не понимаю.

Он подходит, бросает пальто на койку Бриджит, упирается обеими руками в металлический каркас кровати. Его ноги широко расставлены, и он заслоняет свет с потолка. Я не вижу его лица, но, когда он говорит:

— Я хочу поцеловать тебя снова, — я слышу мягкость его слов. Почти чувствую это.

Уэст толкает мою ногу своей, упираясь в мое колено.

— Я мог бы скормить тебе историю о том, что я хочу этого, потому что думаю, что тебе

нужен кто-то, кто покажет тебе, что ты не сломлена, что ты красивая и сексуальная, и если ты грязная, то только в хорошем смысле, в том, в котором все грязные. Я мог бы сказать тебе это, и это было бы правдой, но на самом деле правда в том, что я эгоист и хочу тебя. Не знаю, как перестать хотеть тебя. Я просто чертовски устал от попыток.

Он слегка сдвигается, позволяя свету рассеяться вокруг его головы. Это освещает его, показывает мне его глаза. Они напряженные, сверкающие и полны чего-то, что я видела там сотни раз, но никогда не знала, как это назвать.

Нужда. Жадность.

Вот как выглядит Уэст, когда он в чем-то нуждается.

Нуждается во мне.

Я не могу думать. Дыхание — это все, с чем я могу справиться. Дышать и смотреть на него.

— Я хотел тебя с той минуты, как увидел, — говорит он. — Я хочу тебя прямо сейчас, а ты едва можешь меня выносить. Я едва выношу себя сам, так что не понимаю, почему ты терпишь мое дерьмо, но даже сейчас, когда я ненавижу себя, а ты злишься на меня, я все еще хочу повалить тебя на кровать, снять с тебя рубашку и войти в тебя. Проникнуть в тебя глубоко, а потом еще глубже, пока я не окажусь так глубоко, что уже не буду знать, где кончаюсь я, и начинаешься ты.

Он приседает, обхватывает руками мои бедра и наклоняется. Наши носы в миллиметре друг от друга. Я хочу отвернуться, но не могу. Его рот придвигается так близко к моему, что это похоже на поцелуй, когда он говорит:

— Это то, чего я хочу, Кэрлайн. Это то, о чем я никогда не говорил тебе. Я вижу твое лицо, когда закрываю глаза. На каникулах, когда ты звонила — я дрочил на звук твоего голоса, пока ты говорила по телефону. Я эгоист и не гожусь для тебя, мне нечего тебе дать и для тебя нет места в моей жизни, но я все равно хочу тебя.

Я неподвижна. Неподвижна, потому что мне нужно дать его словам впитаться.

Не для того, чтобы я могла понять их. Мне понадобится много времени, чтобы понять. Мне просто нужно почувствовать то, что он сказал, всем своим телом, потому что его жадность — его потребность — вокруг меня, касается моей кожи, и мое сердце хочет впитать ее в себя.

Глубоко, а потом еще глубже, как он и сказал.

И я делаю это, пока он ждет. Собираю его слова в своем сердце, зная, что не должна этого делать, потому что это не те слова. Опасно хотеть Уэста так сильно, но я возьму любую крошку, которую он даст мне — любой скверный, сломанный кусочек его — и превращу это в любовное послание.

Это отчаянно и ущербно, глупо и неправильно.

Но мне все равно. Все равно.

— Уэст? — шепчу я.

— Да.

Наши губы соприкасаются. Просто сухие прикосновения его рта к моему, когда он отвечает, а потом после — надеюсь, после, будет поцелуй, хотя я бы не призналась, что открыта для новых поцелуев.

— Ты ужасный друг.

— Мы не друзья.

Его руки. Его руки снова на моем лице, обхватывают мою челюсть, огибают ухо, пальцы

скользят в мои волосы.

— Ты был бы худшим парнем во всей истории парней.

Он падает, колени упираются в пол, одна рука на моих бедрах, притягивая меня ближе, так что я практически падаю с края кровати, только он там, чтобы поймать меня. Его рот открыт. Его язык горяч. Облизывает меня. Просит меня впустить его.

— Я не собираюсь быть твоим парнем.

— Тогда что. Что.

Это не вопрос. Я не способна сосредоточиться настолько, чтобы задать ему вопрос, потому что я впиваюсь в него, нахожу способ обойти его локти и блуждающие руки, чтобы прижать его ближе, теснее. Мои губы поддаются его языку. Я пульсирующая и разгоряченная, влажная и плавающая, потерянная и глупая, и это лучше, чем что бы то ни было.

Он упирается коленом мне между ног, притягивает меня к своему бедру, держась обеими руками за мою попку. Он целует меня сильно, настолько сильно, что это больно, но мне все равно, потому что все, чего я хочу, это чтобы он был ближе. Мне все равно, пока он не откидывает мою голову назад и не кусает меня за шею, а я смотрю в потолок, где свет такой яркий, что глазам больно. Я закрываю их, голова кружится, и свет вспыхивает, как стробоскоп.

Как камера.

Это безумие.

Это безрассудство.

— Уэст, — говорю я.

— Кэрлайн, — бормочет он.

— Стоп.

Он останавливается.

Когда он поднимает голову, его глаза одурманены похотью. Его губы опухшие, кожа покраснела за щетиной на подбородке, и я чувствую покалывание в том месте на шее, где он поцарапал меня. Я хочу, чтобы он делал это везде на моем теле — оставлял следы, заставлял меня трепетать и болеть, а потом все исправлял, — и я не узнаю эту версию себя. Не знаю, кто я, когда в таком состоянии.

— Мне нужно...

Он кладет руки мне на плечи, отстраняя меня от себя. И держит меня там, на расстоянии вытянутой руки.

— Что тебе нужно?

— Правила. Границы. Мне нужно хоть какое-то представление... что это такое.

Он смотрит вниз, на пол, но вскоре его взгляд задерживается на моей груди. Я тоже опускаю взгляд и наблюдаю, как на его лице появляется лукавая ухмылка, когда он смотрит на мои соски, проступающие сквозь рубашку.

— Прекрати.

— Я тебе нравлюсь, — говорит он.

— Заткнись.

— Ты так увлечена мной. Держу пари, ты сейчас мокрая.

— Держу пари, ты сейчас твердый.

— В моих штанах словно могучий молот Тора, — говорит он с ухмылкой.

— Разве у молота не было имени?

Уэст говорит что-то, что звучит как «Моль-неар».

— Произнеси его по буквам.

— М-ь-ё-л-л-н-и-р.

— Господи. Почему ты это знаешь?

— Лучше спроси, почему мы об этом говорим.

— Потому что парни любят говорить о том, какие большие и твердые у них молотки?

— И что они хотят с ними делать. Не забывай.

Я высвобождаюсь из хватки его рук и снова сажусь на кровать.

— Да. И эта часть.

Уэст садится рядом со мной, но дает мне возможность подумать.

И я думаю. О его руке на молоте.

— Ты действительно сделал это, когда мы разговаривали по телефону?

Он улыбается, но вид у него какой-то смущенный. Не такое выражение лица я часто вижу у Уэста.

— Я имею в виду, правда-правда? Ты говоришь это не только потому, что пытаешься мне польстить?

— Если бы я хотел тебе польстить, я бы сказал, что тебе идет эта рубашка. Или что мне нравятся твои глаза. Что-нибудь такое, знаешь, действительно приятное.

Я опускаю взгляд на свои колени и улыбаюсь.

Думаю, о том, чего я хочу и что мне нужно, что могу взять и без чего не могу обойтись.

Может быть, я травмирована. Может быть, веду себя иррационально. Не знаю.

Но я хочу Уэста. Любым вариант Уэста, который я могу получить, любым способом, которым я могу получить его.

И не похоже, что, если бы он был готов дать мне все, я бы даже смогла это принять. Как недавно напомнил мне мой отец, есть мое будущее, о котором нужно думать. Есть моя репутация, которую я не могу подвергать испытаниям, встречаясь с наркотороном в кампусе.

Я не хочу встречаться с Уэстом. Я хочу, чтобы он показал мне, что значит глубже.

Глубоко, а потом еще глубже. До самого дна.

— Хорошо, — говорю я ему, — Вот что мы будем делать.

Два раза в неделю. По вторникам и четвергам, с десяти часов до десяти пятидесяти, пока Бриджит на занятиях, а Уэст на перерыве, у меня тоже ничего нет до обеда.

Мы не будем встречаться, и мы никому не расскажем.

Таковы наши правила.

Время до появления Уэста в четверг я провожу в задумчивости. Мне все время кажется, что у меня все в порядке, но потом мой мозг начинает блуждать, как своенравный ребенок, и я бессильна это предотвратить. Бриджит все время спрашивает меня, что случилось с Уэстом, но я не могу сказать. Мы с ним заключили сделку. И вообще, что я ей скажу? Что я решила стать для Уэста другом с привилегиями? Его приятелем? Что мы будем заниматься по тренировочной программе «Верни Кэролайн в седло» дважды в неделю?

Я достаточно умна, чтобы понять, что для любого другого человека это прозвучало бы как ужасно плохая идея. Бриджит не одобрила бы. У моего отца случился бы инсульт. Интернет-задроты, предсказуемо, считают меня грязной шлюхой, которой нужен хороший

член, или что-то в этом роде.

Начинаю уставать от интернет-задротов.

Я знаю, что делают хорошие девушки, и не это.

Но я все равно записала это в свой календарь, пятьдесят минут два раза в неделю, которые я округляю до часа и окрашиваю в оранжевый цвет, потому что оранжевый кажется его цветом. *УЭСТ*, пишу я.

Мы с Бриджит развешиваем рождественские гирлянды вокруг окон в комнате общежития, и я еду в Уолмарт и покупаю дополнительную гирлянду, чтобы обмотать ее вокруг стоек кровати и по краям. Когда Бриджет нет дома, я выключаю верхний свет и забираюсь под одеяло. Лампочки светятся зеленым и красным, синим, желтым и оранжевым.

Закрываю глаза, провожу пальцами по коже, думая о Уэсте.

Я никогда не была так взволнована.

Он появляется сразу после занятий. Стучит дважды, потом просто открывает дверь и выпускает себя. Он снова в пальто, под одной рукой учебник и тетрадь. Он не хочет встречаться со мной взглядом.

— Я тут подумал, — говорит он без всяких предисловий.

О-о-о.

— Не хочу, чтобы это... удерживало тебя. Поэтому я думаю, мы должны договориться, что будем делать это только до тех пор, пока... пока ты не почувствуешь, что готова. К чему-то нормальному.

— Например... к чему?

— Скотт. Ты должна пообещать мне, что, когда ты будешь готова встречаться со Скоттом или другим парнем, похожим на него — парнем, который хочет пригласить тебя на ужин, познакомиться с твоим отцом и все такое — ты скажешь мне. И мы закончим.

Когда Уэст в моей комнате, мне трудно вспомнить, как выглядит Скотт или почему я хочу чего-то большего, чем это. Но я понимаю, что он пытается поступить правильно. Некая версия правильного поступка.

Мне это в нем нравится. Он говорит, что он не благородный, но у него есть свой собственный кодекс, и ему нужны границы, правила, так же, как и мне.

Мы собираемся сделать это, но сначала закроем это в коробку, отгородимся от этого и найдем способ сделать это приемлемым. Чтобы это было подходящим для нас.

— Хорошо, — говорю я ему.

Покончив с этим, он расстегивает ботинки и оставляет их у двери. Я никогда раньше не видела его без ботинок. Его носки — обычные серые носки, и нет никакой причины, чтобы они заставляли меня гудеть от предвкушения. Совсем нет.

Он бросает свои вещи на мой стол, вешает пальто, достает свой телефон и кладет его на край моего стола прямо у кровати, рядом с моей подушкой.

Я положу голову на эту подушку, Уэст поцелует меня, а потом посмотрит мимо меня на стол и увидит, сколько минут у нас осталось.

Раньше пятьдесят минут казались разумным сроком. Не слишком долго, не слишком мало. Теперь это кажется вечностью. Все, что я сделала, это поцеловала его, но никто не целуется в течение пятидесяти минут.

Это безумие.

Я смотрю на Уэста в поисках успокоения, но он не помогает. Его глаза нашли то самое

волшебное место на моем полу, на которое он смотрел в прошлый раз, когда был здесь.

На меня. Посмотри на меня.

Он не смотрит. Поэтому я иду туда, куда он устремил свой взгляд, нахожу это место и наступаю на него.

Я наступаю на него, потому что, безумие это или нет, я готовилась к этому часу. Включила рождественские гирлянды. Надела свои любимые темные джинсы, белую рубашку, которая немного плотнее, чем мне было бы удобно в комнате, красивый бюстгальтер. Я расчесала волосы и оставила их распущенными. А вот туфли я не надела. Мои ноги голые, ногти покрашены розовым, и я хочу, чтобы Уэст видел мои ноги и думал об остальной обнаженной части меня. Я хочу, чтобы он снова признался в своем желании, хотя, серьезно, сколько раз он должен это сказать, чтобы я поверила? То, как он схватил меня два дня назад, провел по бедру... У меня начинаются приливы жара при одной мысли об этом.

Сейчас я чувствую еще один, наблюдая за тем, как взгляд Уэста поднимается от места на полу, которое я закрыла, по моим ногам, задерживается на бедрах, груди, губах. В его глазах снова появляется жадный взгляд.

Он хочет прикоснуться ко мне.

Просто никто из нас, похоже, не знает, как это сделать.

Можно подумать, что мы оба девственники, а вовсе не интернет-сенсация с обнаженными фотографиями и... что бы там ни было у Уэста. Он не девственник. Я почти уверена.

На девяносто процентов.

Он садится на матрас.

— Иди сюда.

И я иду.

Я сажусь рядом с ним, бедро к бедру, и мне хочется посмотреть на его лицо.

Я смотрю. В течение пятидесяти минут мне разрешено смотреть. Я не знаю, что еще мне разрешено делать, но смотреть — это нормально.

Его лицо прекрасно. Рождественские огни отбрасывают отблеск на его кожу, синий — на скулу, красный — за ухом. Его глаза, слегка сужены, и, кажется, светятся. Мне приходит на ум слово «жадность». Как будто, что бы я ни собиралась сделать, он будет наблюдать за этим, склоняться к этому, брать это и бежать с этим.

Мне нравится быть той вещью, к которой он жаден, потому что то же самое я чувствую внутри своей кожи. Напряжение от того, что я не прикасаюсь к нему, низкий гул, который всегда там, всегда что-то, что я подавляю, игнорирую.

Только теперь мне не нужно этого делать.

Как только я подумала об этом, кончики моих пальцев поднялись вверх и коснулись его шеи. Я переворачиваю руку и чувствую, как его щетина упирается в тыльную сторону моих пальцев, как неровная текстура сглаживается ниже, пока я не нахожу место, где его кожа похожа на горячий атлас.

— Могу ли я трогать тебя?

На самом деле я спрашиваю: «Насколько жадной я могу быть? Сколько ты мне дашь?»

Он улыбается, слегка задыхаясь, но это не смех и не осуждение, а просто довольный звук.

— Да.

Он проводит по верху моей груди.

— И я буду прикасаться к тебе здесь.

Я вдыхаю и чувствую, как пробуждаюсь от его прикосновения.

Он проводит по моей руке до запястья.

— И здесь.

Проводит большим пальцем по косточке на запястье.

— И здесь? — спрашиваю я.

— И здесь я буду прикасаться к тебе.

— И все?

Он долго и пристально смотрит на мое тело. Каждая часть меня, которая спала, просыпается, протягивает руки и говорит: «Иди ко мне, иди ко мне, иди ко мне».

Он постукивает по моему колену.

— Еще отсюда вниз.

Я прячу глаза у его плеча, желая поворчать. Он собирается пропустить все лучшие части.

— Есть ли для этого какая-то странная, извращенная причина, которую я не понимаю?

Он запускает руку в мои волосы и поднимает мое лицо, чтобы я посмотрела на него.

— Это просто... то, чего я хочу.

Его глаза насторожены, когда он говорит это. Как будто сказать мне, чего он хочет, — это самое страшное, что он сделал с тех пор, как открыл дверь. Это заставляет меня убедиться, что он не всегда мог провести границы, не всегда определял условия.

Это заставляет меня задуматься, с кем он был раньше и как.

— Значит, я могу сделать то же самое? — я провожу пальцем по его груди. — Вот здесь. — Вниз по руке к запястью, зацепляясь за браслет. — Здесь. — Я задержалась немного севернее от его колена. — Отсюда и вниз?

— Можешь, — его бедро смещается под моими пальцами. — Или ты можешь просто плыть по течению и довериться мне.

Я пытаюсь придумать что-нибудь умное или смешное. Но эти слова «доверься мне» сминают мою уверенность и отбрасывают ее.

Я в спешке думаю о причинах, по которым я не могу доверять.

Не знаю, со сколькими девушками Уэст занимался сексом, но мне кажется жизненно необходимым узнать это, чтобы иметь возможность сравнивать себя с ними в неблагоприятном свете.

В ящике моего стола лежат презервативы, но они могут быть не того размера.

— Доверься мне, — говорит он, а я не могу отключить свой мозг. В прошлый раз, когда мы целовались, я была под кайфом, так что все было по-другому. В этот раз у меня нет защиты, нет способа спрятаться от того, как близко его глаза, как много он видит.

Так было с Нейтом. Со временем я стала лучше к этому относиться, но мысленные метания были моим постоянным спутником во время поцелуев, пока я не поняла, что это работает лучше, если я сначала немного выпью. Потом я старалась планировать как можно больше наших сексуальных контактов на вечеринках.

Не уверена, что меня когда-нибудь целовали в десять утра, при дневном свете.

Я не доверяю этому. Я не доверяю себе.

— Нам нужно включить музыку, — пробурчала я.

Уэст вздыхает.

Затем он толкает меня.

Я лежу на спине, Уэст надо мной, его глаза как пламя, этот хитрый засранец так уверен в себе.

— Доверься мне, — говорит он снова и целует меня.

Тогда все становится хорошо.

Гораздо лучше, чем хорошо.

Поцелуй с Уэстом совсем не похож на поцелуй с Нейтом. Его рот теплый и уверенный, и он говорит:

— Заткнись, Кэр. Закрой глаза. Перестань думать. Чувствуй.

И я чувствую. Не могу не чувствовать. С ртом Уэста на моем, чувства — единственное, на что я способна.

Мы целуемся. Время идет, а мы целуемся.

Мне жаль, что у меня нет слов, хотя бы для того, чтобы запечатлеть их в памяти. Это горячее, влажное скольжение языка по языку, мягкие губы. Эта прекрасная пульсация, эта дымка, эта туманная, горячая, тоскующая боль.

Существует больше способов целоваться, чем кто-либо когда-либо говорил мне, и я хочу их все.

Я получаю их. Получаю Уэста, его рот, тяжесть его тела, его запах.

Мы целуемся.

Границы, которые мы нарисовали на наших телах, не важны. Это просто карандашные метки, которые мы должны поставить вокруг этих отношений, которые становятся такими масштабными, что могут стать страшными, если мы позволим.

Поцелуй Уэста — это мои руки в его волосах, на его шее, обхватывающие его плечи. Это прижиматься к нему, когда он погружает свой язык в мой рот, находить его талию, пробираться руками под его рубашку, чтобы украсть тепло и гладкость его кожи. Это его тело надо мной, его грудь на мне, эта тяжесть, от которой я не могу, да и не хочу избавляться, потому что он всегда был так далеко, а теперь он здесь. Его ладонь, обнимающая мой затылок, его пальцы, обхватившие мою рубашку у плеча, крепко сжаты в кулак, потому что они хотят побродить, а он им не позволяет. Это его бледные глаза, ободок голубоватого цвета вокруг огромных темных зрачков, длинные ресницы и полуприкрытые веки. Это тяжелый вздох и его лоб на моем.

Ленивое тепло. Связь. Безопасность и тишина в месте, где я была одинока и напугана, а голоса в моей голове звучали громко уже несколько недель. Месяцы. Он накладывает на меня чары, погружает меня в великолепное оцепенение, в котором я могла бы целовать его вечно и быть совершенно довольной.

У нас есть пятьдесят минут.

Эта мысль щелкает пальцами в моем сознании.

Пятьдесят минут. Сколько их осталось?

Мои губы опухшие, мягкие и влажные. Я не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь целовалась так сильно. Конечно, я наверняка должна была целоваться так с Нейтом в первые месяцы нашего знакомства? Но, когда я думаю о таком далеком прошлом, то вспоминаю в основном споры. Мы целовались, а потом он хотел еще, а я останавливала его, и он отстранялся, обижался, страдал.

Уэст опирается на один локоть, его ноги и бедра отведены в сторону. Я не знаю, тяжело ли ему. Меня это не волновало, я не думала. Была слишком занята поцелуями и не знала, на что это похоже.

Давалка, — говорят интернет-задроты, но на этот раз они правы. Я просто забыла. Забыла о них.

Я разрываю поцелуй, чтобы повернуть голову и посмотреть на время на телефоне. Осталось десять минут. Мы целуемся уже тридцать пять — сорок минут, и я ни о чем не думала. Но десяти минут должно хватить, если нам нужно сделать кое-что другое. Дать Уэсту кончить.

Мысль острая, неудобная.

Я спрашиваю его:

— Ты...?

— М-м-м.

Он прижимается ртом к моей шее. Не обращая внимания на мою попытку расспросить его.

Обхватываю пальцами толстую кожу его ремня. Подношу их к пряжке, тяжелой и угрожающей.

Вытаскиваю кожу из петли.

Рука Уэста накрывает мою.

— Что ты делаешь?

— У тебя... у тебя скоро занятия, так что...

Уэст отклоняется и садится. Ему приходится пригнуть голову из-за двухъярусной кровати.

— У меня скоро занятия, и?

— Я не хочу, чтобы ты... — не могу этого сказать. — Забудь об этом.

Он хватается за подбородок, поворачивает мою голову и заставляет смотреть на него. Он не позволяет мне отвести взгляд. Это чертовски раздражает, и я ненавижу это.

— Доверься мне, — говорит он. — Мне нужно, чтобы это произошло — нужно, чтобы мы сделали это правильно. Чтобы ты говорила со мной, рассказывала, что тебе нравится, чтобы я не пытался просто угадать или сделать что-то, чего тебе возможно не хочется. Мне это нужно.

Я не могу сказать «нет». Во всем, что ему нужно. Как бы мне ни было неприятно, я должна сказать ему об этом.

— Я подумала, что тебе, возможно, некомфортно. От такого количества... от поцелуев, возможно, это заставляет тебя... быть невыносимо твердым, и, если у нас осталось всего несколько минут до занятий, мне лучше... помочь тебе кончить.

Он просто сидит, наблюдая за мной и нахмутив брови. Не могу сказать, о чем он думает — злится ли он или расстроен, смущен или, может быть, хотел бы оказаться где-нибудь в другом месте. С какой-нибудь девушкой, которая не является такой запутанной чудачкой.

Затем он наклоняется ко мне, ловит меня за талию и притягивает к себе на колени.

Он целует мои волосы, возле самого уха.

— Он действительно сделал с тобой что-то, да?

Я думаю о том, чтобы сказать: «Кто?» или «Нет», но я дрожу, и во рту у меня привкус аккумуляторной кислоты, так что, да.

Да. Думаю, да.

— Мне нужно уйти через минуту, — тихо говорит Уэст. — Я не хочу. Но я должен.

— Знаю.

— Мне нравится целовать тебя, Кэр, — он прижимается губами к моей шее. Его рука

оббивает мою спину, его ладонь лежит на моем бедре. Ее тяжесть — идеальна. — Тебе нравится целовать меня?

— Да.

— Хорошо.

Его рот движется вниз к моему плечу, к обнаженному участку кожи у выреза моей рубашки. К впадинке за ухом, где его дыхание заставляет меня дрожать. Он находит мой рот, и наши губы снова встречаются, горячие, влажные и совершенные, идеальные.

— Тебе нравится это? — его голос — это рычание, низкий гул, отчетливый, как движения его пальцев между моих ног.

— Да.

— Тогда это все, что важно. Тебе нравится. Мне нравится. Начало, середина, конец. Здесь и сейчас нет финала. Это все, что важно прямо сейчас.

Он снова целует меня, поэтому я не могу думать о том, правда ли то, что он сказал. Я просто обхватываю его шею руками, перебираю его волосы, кончиками пальцев очерчиваю его ухо и целую его в ответ. Под рождественскими огнями, в нашем убежище. Поцелуи за поцелуями, прикосновения рук и губ.

Все и сразу. Все.

А потом у нас заканчивается время. Мне требуется секунда, чтобы понять, что писк, который я слышу — это его телефон.

— Ты поставил будильник?

— Знал, что иначе я никогда не остановлюсь.

Неохотно он стаскивает меня со своих коленей и тянется к телефону, выключая его. Затем он встает, поправляет ремень, зашнуровывает ботинки.

Когда он поднимает голову, его глаза полуприкрытые и сексуальные, губы покраснели, щеки налились краской. Взгляд на него делает со мной что-то безумное: влажный жар сжимается между ног, тепло распространяется. Я жалею, что не расстегнула его рубашку, пока была такая возможность. Увидеть больше его. Прижаться к его голой коже.

В следующий раз.

Боже, надеюсь, что следующий раз будет.

— Ты придешь сегодня в пекарню? — спрашивает он.

— Да.

— Круто. Я вернусь во вторник. Если ты хочешь, чтобы я вернулся.

— Да. Хочу.

Он берет свое пальто с дивана и надевает его. Когда его рука лежит на дверной ручке, он говорит:

— Для протокола, Кэр?

— Да?

— Я тверд, как гребаный камень.

Он выскользнул за дверь, а я все еще улыбаюсь, как идиотка, когда Бриджит возвращается с занятий.

Вторник.

Пятьдесят минут.

Снаружи небо темное. Идет снег, раздувая ледяную слякоть по сторонам, серо и убого. Я включила Бинга Кросби, а Уэст покачал головой и притворился, что сетует на мой ужасный музыкальный вкус.

Его волосы холодные и влажные, а нос ледяной, когда он прижимает его к моему, но его губы теплые. Его улыбка еще теплее. У нас есть эта тусклая комната, эта кровать, окруженная цветом, наши ноги переплетены, его тело прижимается ко мне.

У нас медленные, глубокие поцелуи, которые становятся все глубже.

Я задираю его футболку и следую вдоль его позвоночника вверх. Мышцы его плеч напрягаются под моими руками. Я опускаюсь ниже. Моя футболка задирается вверх. Мы целуемся и целуемся, и я нахожу способ извиваться, пока мой голый живот не касается его живота.

Ты чувствуешь это? Твоя кожа и моя?

Потому что я чувствую это везде. Я хочу этого. Я хочу тебя.

Я провожу ладонями по его бокам, по его плечам, по внутренней стороне рукавов его футболки, пока не кончается место на его твердых бицепсах. Его бедра упираются в мое бедро, пряжка ремня впивается в верхнюю часть ноги, а я впиваюсь ногтями в его кожу и опускаюсь еще немного вниз, ища лучшего расположения.

Ищу давления между ног.

Мне нужно знание того, что я делаю с ним, жар того, что мы делаем друг с другом.

Когда я достигаю цели, он ворчит и прикусывает губу. Его глаза — щелки, ноздри раздуваются, пока он глубоко и быстро вдыхает.

— Кэролайн.

Я ерзаю на выступе возбуждения в его джинсах, наслаждаясь тем, что могу сделать это с ним. Нравится давление, вес, то, как его поцелуй становится темнее и отчаяннее, и мы двигаемся вместе, синхронно.

Это не секс. Это лучше, чем секс.

Это Уэст.

Четверг. Я надела эту майку — эту смехотворную майку. Она должна была спадать с плеч. Предполагается, что она должна быть надета под рубашку, но я не сказала ему об этом, и как только мы ложимся, чтобы начать целоваться, она спадает с моего плеча и обнажает бретельку лифчика и немного самого лифчика.

Красное кружево.

Давай, Уэст. Поддайся искушению.

На этот раз все происходит быстрее. Его первый поцелуй голодный, и я рада этому, потому что скучала по нему, скучала по этому, я не думала ни о чем другом в течение двух дней. Его руки с отчаянием скользят вверх и вниз, в мои волосы, обратно к моим рукам.

Но этого больше недостаточно. Эти границы, которые он нарисовал на моем теле, тусклые следы карандаша. Я хочу большего. Мы оба хотим большего.

Мне больше не нужно быть хитрой, чтобы заполучить его между ног. Я дергаю его за ремень, и он оказывается надо мной, такой же твердый и горячий, каким я его помню, но лучше. Намного лучше. Он внезапно поднимается, чтобы посмотреть на меня. Его глаза в этом свете не хранят никаких секретов. Мой живот виден, одна чашечка бюстгалтера наполовину выглядывает, и его руки дрожат на моих запястьях, когда он тянет их вверх и скрещивает на подушке.

Я никогда не чувствовала себя такой желанной. Это наркотик в моих венах, головокружительный экстаз, который заставляет меня ухмыляться ему хорошо зацелованными губами. Это делает меня сильной.

Сделай что-нибудь, — приказываю я ему глазами и мелкими, беспокойными движениями бедер.

Сделай что-нибудь, или это сделаю я.

Он опускается, волосы падают ему на лицо, и снова целует меня. Он делает толчок, осязаемый толчок, и моя голова откидывается назад. Весь мой позвоночник выгибается дугой, подаваясь ему навстречу. Я мокрая, и хочу его пальцы. Я хочу, чтобы вся его рука была в моих джинсах, чтобы он нащупал мои трусики. Его рот на моей груди. Хочу, чтобы мы прошли все базы, одну за другой, в ближайшие полчаса.

— Пожалуйста, — говорю я.

Уэст дышит мне в ухо. Лижет мочку. Кусает меня.

— Это не повседневная майка.

Я ухмыляюсь в сторону второго яруса кровати надо мной.

— Пожалуйста.

Он снова садится.

— Сними ее.

С радостью.

Я с радостью соглашаюсь, и тут его руки оказываются... везде.

Везде. И не один раз.

Мой лифчик расстегивается спереди. Я показываю ему, помогаю, а потом лифчик исчезает, и он снова целует меня, его теплая ладонь на моей груди.

Длинные пальцы. Великолепные, умелые, ловкие руки. Он точно знает, что делать.

Точно.

— Сними это, — говорю я, дергая его за подол, и он снимает и бросает футболку на пол, снова ложась на меня сверху, кожа к коже, — о Боже, это лучшее, что когда-либо случалось с кем-либо в истории Вселенной. Я скольжу руками по его спине. Он оставляет дорожку поцелуев от моего рта к челюсти, вниз по шее.

Он облизывает мой сосок, и я умираю. Просто умираю.

Мы — руки и объятия, цветной свет на гладкой коже, тепло и пот в жаркой комнате общепита. Мы целуемся губами, толкаемся бедрами, создавая напряжение между моих ног.

— Это не может чувствоваться хорошо, — говорит он и расстегивает ремень, вытаскивает его из петель и бросает на пол. Он ковбой, его ремень — кнут. Это самые сексуальные четыре секунды действия, свидетелем которых я когда-либо была.

Мне не хватает упора его пряжки в мой живот, но ненадолго. Недолго, потому что он прикасается к моей груди. Он наблюдает за мной. Выясняет, что мне нравится, нащупывает пальцами это напряжение, прижимается к моему клитору, пока я не открываю рот, задыхаясь, возмутительно мокрая. Это подкрадывается ко мне неожиданно, потому что я уже кончала раньше с парнем, но никогда от трения, никогда через джинсы. Никогда так легко. Я не осознаю этот легкий переход от хорошего к отличному и невыносимо потрясающему, но Уэст должно быть знает, потому что он подбирает углы и толкается в меня в нужное место, так сильно, так идеально, пока я не распадаюсь на части от его твердости, его рук и его рта.

О Боже, его рот.

Когда срабатывает будильник, я все еще перевожу дыхание, а он улыбается, как будто я вручила ему приз.

Думаю, скорее он дал мне приз. Не оргазм, хотя оргазм был великолепен.

А знание того, что это может быть так легко.

Он делает это снова перед уходом, его бедро между моих ног, его рот на моей груди. Он опоздает на занятия, думаю я, но я обмякла, он облизывает мою верхнюю губу, целуя меня на прощание.

Он снова натягивает ботинки и буравит взглядом меня, полуобнаженную, полумертвую от удовольствия.

Я никогда не чувствовала себя такой красивой.

И это самые короткие пятьдесят минут в моей жизни.

Наступает конец семестра, и я не готова к нему. Еще в сентябре это казалось невыполнимой задачей — продержаться все дни, не опускать голову, продолжать учебу. Я не знаю точно, когда это перестало быть невозможным, но знаю, что разница имеет отношение к Уэсту.

Сейчас выпускная неделя, что означает отсутствие занятий. Никакого расписания, кроме нескольких экзаменов, на которые я должна явиться.

Никаких утренних встреч с Уэстом во вторник и четверг.

Хуже того, я не увижу его целый месяц. Он улетает домой в Орегон. Папа повезет нас с Жанель и ее женихом на Сен-Мартен на Рождество, а потом я буду слоняться по дому, ожидая начала следующего семестра. В прошлом году я провела большую часть рождественских каникул с Нейтом. Теперь же впереди словно зияющая пустота — нечего ждать с нетерпением и есть от чего сокрушаться.

Хотя у нас нет занятий, у Уэста, конечно, есть работа, так что я вижу его в пекарне, библиотеке и его квартире. Мы с Бриджит часто общаемся с Кришной и Куинн, и с Уэстом тоже, когда он рядом. Мы впятером становимся как бы единым целым.

Я не понимала, как мне не хватает компании друзей, пока у меня снова не появилась такая компания. В этом есть непредсказуемость, потенциал для веселья — или, по крайней мере, для разговора. Когда были только Бриджит и я, я встречала ее в одних и тех же местах. Нам было весело, но думаю, что после августа я была чем-то вроде крепости, а мы были за стенами.

Теперь, когда я иду через кампус, я сталкиваюсь с Куинн. Она пытается уговорить меня купить обувь для регби. Она планирует большую вечеринку сразу после каникул и хочет, чтобы я помогла ей с организацией. Куинн руководит регбийной командой в одиночку с конца прошлого года. Думаю, она хочет завербовать меня на темную сторону.

Я выхожу с латыни и вижу Кришну, и мы с ним идем в одном направлении, болтая ни о чем. О ТВ. О том, что мама прислала ему по почте. Что он задумал на Рождество.

Фотографии все еще там, но это уже не все, что я вижу, когда оглядываюсь вокруг. Первый отчет, который я получила от нанятой мной службы, занимает всего страницу и скуп на подробности. Я отмахнулась от него, просто радуясь, что за это отвечает кто-то другой.

Уэст заполняет большую часть пространства в моей голове, где раньше были фотографии. Он мешает мне сосредоточиться, когда я пытаюсь просмотреть свои записи в библиотеке. Он толкает свою тележку мимо с наушниками в ушах, и его брови поднимаются в сдержанном приветствии.

Мне достаточно одного взгляда на эту ухмылку, и я снова оказываюсь в своей постели,

под светом гирлянды. Под ним.

Я не могу сосредоточиться в течение часа.

Во время нашей обычной встречи во вторник я постоянно смотрю на свою кровать, удивляясь тому, как сильно я по нему скучаю. На следующий вечер мы тусуемся в пекарне, и я хочу дотронуться до него, но Кришна там, да и мне все равно нельзя. Не в пекарне. Не в библиотеке. Не там, где кто-то может увидеть.

Я сижу в своем уголке на полу, перелистываю латинские флэш-карты, и когда я поднимаю глаза, он смотрит на меня через стол.

На переносице и на его предплечьях мука.

На нем джинсы и ботинки, и он отмеряет ингредиенты, скребет миски, высыпает пятидесятифунтовые мешки с мукой в корзину на колесиках. Я не могу перестать думать о сцене, которую я однажды видела в фильме, где мужчина и женщина занимались сексом, сидя на краю стола, и вся их одежда была на них, просто сдвинута в сторону.

Это, конечно, было бы не гигиенично, но я чувствую, что мне было бы все равно.

— Что ты собираешься делать после этого? — спрашивает Уэст.

Уже близко к концу смены и Кришна ушел. Он уже закончил свои финальные экзамены и едет домой в Чикаго на каникулы.

— Я собираюсь вздремнуть, а потом мне еще нужно написать работу по английскому.

— Это твое последнее задание, да?

— Да. Его нужно сдать в пятницу.

— И ты сможешь поспать?

Он имеет в виду, что семья Бриджит придет за ней утром. Часть ее семьи — ее отец и его новая жена, плюс несколько приемных детей. Комната превратится в зоопарк.

— Надеюсь.

— Ты можешь переночевать на нашем диване, — говорит он. — Напишешь работу у нас.

— Да?

— Конечно. Почему бы и нет?

Уэст моет посуду, и меня клонит в сон. Я засыпаю, прислонившись головой к ножке раковины, и просыпаюсь один раз, когда кто-то приходит, чтобы купить у Уэста булочку восьмерку, и еще раз позже, когда он с громким стуком роняет сковороду.

Когда иду к его квартире, я чувствую себя пьяной. Я засыпаю на диване, пока он принимает душ, и едва просыпаюсь, когда он накрывает меня одеялом, целует в висок и говорит:

— Спи спокойно.

Я просыпаюсь от того, что меня пробирает дрожь.

Одеяло лежит лужицей на полу, в квартире холодно. Снаружи идет неприятный снег. Я думаю о Кришне в его машине и надеюсь, что с ним все в порядке. Но, похоже, уже позднее утро — наверное, он уже дома.

Поднимаю одеяло, накидываю его на плечи, встаю.

Я оказываюсь на пороге спальни Уэста, все еще сонная, и смотрю на него.

Он лежит комочком под детским пледом, темно-синим, с ракетами и планетами на нем. Однажды я спросила, не купил ли он его на распродаже, и он странно посмотрел на меня.

— Привез из дома, — сказал он, как будто мы все так делали. Как будто мы забирали пледы с наших детских кроватей и брали их с собой в колледж.

Все остальные, кого я знаю, стараются отделить детство от колледжа, чтобы доказать,

что мы уже выросли и те годы остались далеко в прошлом. Но только не Уэст.

Но это не потому, что он все еще ребенок.

Интересно, может быть, это потому, что он никогда им не был?

Я не могу представить себе детство Уэста. Не могу представить себе ничего о его жизни вдали отсюда.

В комнате нет ничего особенного. Никаких украшений. Никаких рождественских огней. Никаких признаков того, что его любят или что он любит хоть что-то.

Это не располагает, но сегодня утро четверга. Девять часов, если верить дисплею его будильника. Я босиком, завернутая в синий флисовый плед с дивана, и чувствую, что меня пригласили.

Он пригласил меня.

Подхожу к его кровати и снимаю джинсы.

Откидываю одеяло и забираюсь к нему.

Я кладу свою руку поверх его, прижимаясь к его руке. Подтягиваю свои колени к его. Он без штанов, волосы на его ногах щекочут мои бедра, и я ненадолго задумываюсь, стоит ли мне это делать. Не рассердится ли он на меня за вольность.

Но именно Уэст сделал так, чтобы мы были одни, и вот мы здесь, на грани того, чтобы не видеть друг друга в течение месяца.

В основном я делаю это потому, что рядом с Уэстом — то место, где я хочу быть.

Положив голову на его подушку, чувствую его дыхание, медленное и ровное. Он теплый и тяжелый, безопасный и такой опасно необходимый.

Закрываю глаза. Он пахнет хлебом и мылом.

Я дремлю.

Когда просыпаюсь, мы уже поменяли положение. Он лежит позади меня в позе ложки, и энергия совсем другая.

Он не спит.

Весь в своих мыслях.

— Кэрлайн, — его голос низкий и хриплый, с такой остротой, которую я никогда не слышала.

— М-м-м?

— Ты в моей постели.

— Да. Ты выглядишь уютно.

— Сейчас десять часов. Четверг.

Я перевернулась на спину. Он перекачивается прямо на меня, поднимая мои руки над головой. Наши глаза встречаются, а затем наши губы.

Поцелуй сонный, ленивый, но настойчивый.

На мне просто футболка. Мой бюстгальтер скучный и белый. Мне бы не помешало принять душ. У меня утренний запах изо рта.

Но он целует меня, как будто я вкусная.

Он сдирает с меня все слои одежды, как будто собирается найти под ней какое-то сказочное сокровище, а затем проводит руками по моему обнаженному телу, как бы говоря: «Вот оно. Вот оно. Ты.»

Он снимает футболку. Он великолепен — загорелый и безупречный, мускулистый и стройный. Я облизываю его бицепсы. Кусаю его плечо. На вкус он чистый и живой, как все, чего я хочу.

Через несколько минут мы остаемся в одних трусах, и я извиваюсь. Действительно извиваюсь. Я не знала, что способна на такое, но с Уэстом это даже не выбор. Я должна. Наши языки воюют, мои руки на его заднице, притягивая его ближе, ближе, всегда ближе.

Я такая мокрая. Мокрая даже через нижнее белье, я уверена в этом, и кончик его эрекции прощупывается, проталкивая мои трусики на несколько сантиметров внутрь меня под тяжестью его тела и его медленных, плавных толчков. Между нами два тонких слоя ткани, влажной, скользкой, неощутимой. Наши бедра сходятся в такт нашим ртам, нашим языкам, нашим напряженным потребностям.

Он нужен мне. Нужен.

Я не могу думать ни о чем другом. Мои руки находят пояс его трусов и скользят внутрь, чтобы почувствовать, как под моими ладонями сжимаются его мышцы.

— Господи, — говорит он, прижавшись лицом к моей шее. — Не надо.

Я убираю руки, обескураженная. Уэст смотрит на меня. Целует морщинку между моих бровей, кончик носа, подбородок, рот.

— Да ладно, я не это имел в виду. Ты убиваешь меня, вот и все.

— Я хочу убивать тебя.

Хочу, чтобы ты был внутри меня. Глубоко. Глубже.

Пожалуйста.

Слова вертятся у меня на языке, накапливаются, но я не могу заставить себя их произнести. Не могу попросить.

— Я хочу, чтобы ты кончила, — говорит он.

Это тоже было бы прекрасно.

Он проводит рукой по моей ноге, и я издаю звук, похожий на писк. Видимо, ему это нравится, потому что он крепко целует меня. Его ладонь начинает все сначала, скользя от моей шеи к плечу. Он скользит по ключицам, чтобы нащупать мою грудь и медленно провести по соску, а затем вниз к талии, к пупку, к пространству между нашими животами.

— Мне нужно прикоснуться к тебе.

— Пожалуйста.

Он сдвигается в сторону, его бедро нависает над моим, его локоть возле моей руки, его дыхание у моего уха, когда он ласкает мою грудь тыльной стороной ладони. Проводит взад-вперед по моим соскам. Прослеживает круги, случайные узоры, пока я не готова сделать ему больно, потому что предвкушение убивает меня, и я говорю:

— Уэст, пожалуйста, пожалуйста, — и он сдается. Он опускает руку и медленно — мучительно медленно — скользит ею вниз по моему животу. Над моим пупком. Прямо к краю моих трусиков, которые представляют собой нелепый хлопок в красно-белую полоску с ягодами остролиста на них и мультяшным Сантой, наименее сексуальные трусики из всех, что у меня есть.

Не знала, что окажусь здесь, что это случится. Понятия не имела, что принесет это утро. Никогда не могла представить, что почувствую руку Уэста, обхватывающую меня. Его пальцы ласкают меня, прослеживая тайные формы моего тела, звук его голоса, говорящего: — Черт возьми, Кэр, — как молитву и комплимент.

Он вводит в меня свой палец. Потом еще один. Когда он пробует три, я хнычу, и он находит большим пальцем мой клитор. Потрясенная, я начинаю сползать с кровати.

В каком-то смысле я делала это раньше, все это, но ощущения совершенно новые и поразительно разные. Это так хорошо, что больно, мучительно больно, и я ненавижу это, но

не так сильно, как люблю.

— Тебе это нравится, — говорит он.

Я мяукаю. Как кошка. И его ухмылка такая самодовольная, что я тянусь к нему, чтобы игриво шлепнуть его, но он меняет угол наклона своих пальцев внутри меня, и в итоге я притягиваю его ближе за волосы и целую его так сильно, что наши зубы стучат друг о друга, и я прикусываю язык. Но мне все равно. Не сейчас, когда большой палец Уэста обводит мой клитор, снова и снова, немного слишком сильно, что, как оказалось, мне нравится.

Его пальцы двигаются внутрь и наружу в моем теле — постоянный ритм, который разрывает меня на тысячу отчаянных, жаждущих кусочков.

— Вот это моя девочка, — говорит он, когда мне приходится отвернуть лицо, потому что я не могу сосредоточиться на поцелуе, не могу дышать, не могу делать ничего, кроме как извиваться напротив его руки, бессмысленно, как животное. — Вот так.

Когда я кончаю, это ужасающе. Это низкое напряжение накапливается и нарастает, пока я не думаю, что умру, а потом я умираю, умираю, и это ощущение настолько потрясающее, что мне больно. Уэст остается со мной на протяжении всего этого, наблюдает за мной, успокаивает меня, и теперь я могу почувствовать прилив этого, ту часть, которая является удовольствием в одном большом импульсе, волне, пробуждении, пока она не захватывает меня повсюду, не затягивает меня и не отпускает.

Я плыву.

— Боже мой, — шепчу я, когда снова могу говорить. Мой голос слабый. Пот выступил на моем теле. Влажность между ног распространилась вниз по бедрам, и я чувствую запах секса.

Нейт как-то назвал его «рыбным запахом». Он так шутил.

Пошел ты, Нейт, — слабо думаю я, но в этом нет никакой злобы. Мне, честно говоря, все равно.

Мне так хорошо.

С Нейтом все было не так. Я кончала, но это была цель, которую нужно было достичь. Препятствие, которое нужно было кропотливо преодолеть, чтобы мы могли перейти к следующему, а потом к следующему. Это никогда не было этим... этим блаженством, этим общим делом, которое мы с Уэстом делаем между собой, естественным результатом нашего совместного существования, а не результатом наших упорных усилий.

— Эй, где ты витаешь?

Уэст опирается на один локоть рядом со мной, его рука покоится на моем животе.

Бедная рука, она, должно быть, устала.

Я похлопываю ее, а затем соединяю наши пальцы вместе. Он улыбается и убирает локоть, оседая на матрас. Я слишком устала, чтобы делать что-либо, кроме как смотреть на него. Его лицо, его грудь, его живот, его трусы, темно-серые, с интригующей выпуклостью и еще более интригующим мокрым пятном.

Я никогда не прикасалась к нему там. Боялась, всегда боялась, что есть правила, а я их не знаю. Как будто, если буду ждать достаточно долго, кто-то даст мне книгу под названием «Как трогать пенис Уэста», и я смогу изучать ее, пока не стану уверенной. Экспертом.

Хватит об этом.

В этой постели, в этом коконе, мне позволено тянуться к нему. Наслаждаться резкостью его вдоха, его опущенными веками, его губами, зажатыми между зубами.

Мне позволено провести пальцами по его счастливому следу, прижаться ближе, чтобы

мы оказались живот к животу, моя грудь вдавилась в его грудь, моя рука скользнула внутрь его трусов и исследовала то, что нашла.

Твердый. Горячий. Большой — о Боже мой.

— Ты как печка, — говорю я, и он смеется.

Я думаю, что это смех, но он звучит так, будто Уэсту больно. Я хочу сделать лучше.

Крепко сжимаю руку и осторожно поглаживаю, наблюдая за его лицом, чтобы понять, все ли в порядке. В порядке ли я, делая это. Это не первое мое родео, но не хочу быть неумелой. Хочу дать ему то, что он дал мне.

Когда я поглаживаю его снова, его рот открывается, голова откидывается назад.

Значит, хорошо.

Кажется, это работает, и я делаю это, пока он не издает звук, который, как полагаю, официально является мычанием, но это так сексуально, что я могу умереть. Нахожу мокрое место на головке его члена, провожу по нему ладонью, скольжу вниз. Рука Уэста внезапно оказывается там, грубо проталкивается мимо моей, крепко обхватывая себя у основания.

— Я... ты хочешь, чтобы я...

— Ты идеальна, — говорит он, — Чертовски совершенна. Продолжай в том же духе.

И я делаю то же самое еще несколько раз, поглаживая и размазывая, делая его скользким. Он начинает толкаться в мою руку, все сильнее и сильнее, его щеки наливаются краской. Мне это нравится. Я наблюдаю за ним, ожидая новых признаков того, что ему это нравится. Целую его, желая столкнуть его со скалы, как он сделал это со мной, но он не способен целоваться. У него это плохо получается, я думаю, потому что он не может сосредоточиться.

Это заставляет меня улыбаться.

Моя рука ускоряется. Его лицо суровое, свирепое и великолепное.

— Кэрлайн, — он закрывает глаза предплечьем, а рука, которая в его боксерах, захватывает мою, направляя меня в ритм, захват более жесткий и жестокий, чем все, на что я осмелилась бы сама.

— Вот так, милая. Не останавливайся. Я сейчас кончу, не останавливайся.

Не могу решить, на что смотреть, поэтому смотрю на все. Наши руки работают вместе, головка его члена, выглядывающая между ними, его бедра, поднимающиеся с кровати, беспомощность на его лице, когда он кончает, заливая наши руки, мое бедро, его живот. Я слушаю его стоны, чувствую, как его тело приподнимается подо мной, грязное, сексуальное и великолепное.

Когда все заканчивается, его рука опускается вниз и крепко прижимает меня к себе. Его хватка на моей руке ослабевает, пальцы разжимаются. Лицо расслаблено. Я натягиваю на нас одеяло.

Слушаю ветер снаружи, снег бьет в окно тысячами мелких ударов.

Думаю, о том, сколько фотографий я видела в интернете. Блестящие члены, розовато-фиолетовые головки, извергающаяся сперма.

Думаю, о том, что мы только что сделали, Уэст и я. Как бы это выглядело на фотографии.

Подобная фотография — она никогда не сможет стать больше, чем тенью того, что мы сделали. То, чем мы являемся вместе. Это были бы только части, но части — это не то, что важно.

Важно все это. Уэст и я. То, что мы чувствуем.

Уэст прав. Фотографии лгут. Не понимаю, почему не поняла этого раньше — что это не я в интернете. Это просто глупые снимки. Какая-то ложь, которую Нейт стремится донести до мира.

Они о нем, эти фотографии. Они не обо мне.

— Ты в порядке? — спросил Уэст.

Никогда не видела его лицо таким расслабленным. Я целую уголок его рта, и он растягивается в одностороннюю улыбку.

— Я в норме.

Его улыбка усиливается.

— Это не так. Ты плохая. Плохая, как и все мы, Кэролайн Пьясеки.

Я целую его подбородок. Эта улыбка всезнайки.

— Знаю. Это веселее, чем я думала.

Его смех такой же мягкий, как и его лицо.

— Я лучше приберусь здесь.

Он перекидывает ноги через край кровати и идет к ванной, по пути натягивая джинсы. Я слышу, как течет вода.

— Хочешь что-нибудь поесть? — кричит он. — Кажется, у меня есть куриный суп с лапшой. И я принес домой буханку.

Смотрю на часы, удивляясь, что уже поздно. Наши пятьдесят минут истекли, но на этот раз нет никаких сигналов будильника. Никаких возведенных стен.

— Да, звучит здорово.

Я зарываюсь в постель, натягиваю одеяло до подбородка и даю себе три минуты, чтобы побаловать свое глупое сентиментальное сердце, накапливая воспоминания на предстоящие одинокие недели.

— У меня есть кое-что для тебя, — говорю я ему.

Он сидит на краю матраса, натягивая носки. Готовится приготовить мне куриный суп с лапшой, который, я должна сказать, просто бесподобен. Даже несмотря на то, что все, что для этого нужно, это банка и немного воды.

— Мне ничего не нужно.

В том, как он произносит слова, чувствуется напряжение, и когда он смотрит на меня, его глаза насторожены.

Я не позволяю этому беспокоить меня. Может быть, Уэст не получал много подарков. Я сажусь и прижимаюсь грудью к его руке, целую его шею.

— Не будь Гринчем. Подожди, я схожу за ним.

Выхожу в гостиную в одних рождественских трусиках, роюсь в сумке задницей кверху, устраивая небольшое шоу, потому что знаю, что он может меня видеть, и чувствую себя так хорошо. Такой счастливой.

Когда я возвращаюсь, то протягиваю ему книгу, которую купила, завернутую в бумагу с оленями и блестящим золотым бантом. Он кладет ее на колени, неохотно, а может быть, ожидая, что я дам ему в руки открытку, и я так и делаю.

Он открывает открытку первой, разрывая ее по бокам таким образом, что она сгибается внутри конверта, а затем выходит, слегка помятая, на его ладонь. Деньги вылетают наружу. Двести долларов двадцатками, упавшие неопрятной кучей на книгу.

— Что это?

Два слова, но от того, как он их произносит, я дрожу.

Что-то не так.

Что-то не так, и я чувствую себя внезапно испуганной и маленькой. Стыдно стоять здесь почти голой, когда Уэст одет и закрыт. Когда он говорит так сердито.

Я начинаю оглядывать комнату в поисках лифчика.

— Ты должен был открыть сначала подарок, — дразню я. — Кто начинает с открытки?

— Я.

Мне удалось найти лифчик, и я надеваю его, застегивая крючки, когда рука Уэста сомкнулась вокруг моей икры.

— Кэролайн. Для чего это?

Он задает этот вопрос очень медленно и нарочито, опираясь на каждое слово. Ярость вытравлена в чертах его лица.

Я не могу представить, что, по его мнению, я сделала.

Благотворительность? Жалость?

— Кредит, — и я приказываю себе не говорить больше, но я не могу замолчать, когда его глаза такие злые. Я лепечу, — Прости, что не больше. Это все, что я смогла накопить за последние шесть недель, а ведь скоро Рождество. И надеюсь, ты не из тех людей, которые считают, что книга — это плохой подарок, потому что в этом году я купила книги для всех. Подумала, что тебе это может понравиться. Она о науке приготовления хлеба, и там есть глава... что?

Он смягчился. Облегчение в его глазах, во всем его теле — осязаемо.

— Боже. Уэст, как ты думал, что это было?

Он не отвечает. Я жду, а он разворачивает книгу, перелистывает страницы. Думаю, если бы она была на латыни или пустая, он бы не заметил. Он просто берет себя в руки, и мне неловко стоять здесь и смотреть, как это происходит, когда он явно хотел бы, чтобы я была где-то в другом месте.

— Это здорово, — говорит он после долгой, неловкой минуты. — Спасибо, — пауза. — Ты не должна возвращать мне деньги.

— Конечно, должна.

Наконец-то он поднимает глаза.

— Я бы предпочел, чтобы ты этого не делала.

Не знаю, как на это ответить. Я в недоумении, но он кладет книгу на кровать и кладет руки мне на бедра. Он притягивает меня к себе и упирается лицом в мой живот.

— Правда, — говорит он. — Просто не надо.

Его руки скользят по моей попе. Я беспокоюсь о том, что произошло, но руки Уэста успокаивают. Эффективное отвлечение. Уверена, что он знает об этом.

— Я ничего тебе не купил, — пробормотал он.

— Ничего страшного.

— Я говорил тебе, как мне нравятся эти трусики?

— Эти? Почему?

— Они на тебе.

Я выдыхаю смешок. Не знаю, что делать со своими руками, поэтому кладу их ему на макушку.

— Думала, ты собирался приготовить мне суп. Это может быть моим рождественским подарком.

Он засовывает палец в резинку моих трусиков, тянет их вниз, следует за пальцем носом.

Вдыхает.

— У меня есть идея получше.

Я шлепаю его по плечу. Один из тех шлепков, которые превращаются в ласку.

— Уэст.

Что-то случилось. Я бы хотела надавить на него, но, по правде говоря, я боюсь этого делать, а он уже запустил руки в мои трусики. Его ладони большие и теплые, его дыхание дразнит, заставляя меня думать о его языке и о том, что мне никогда раньше не нравился оральный секс, но с Уэстом все по-другому.

С Уэстом, я чувствую, что мне это понравится.

— Вернись в постель, — приказывает он.

И я возвращаюсь.

И о Боже. Мне это нравится.

Позже раздается звонок в дверь.

На улице порывы стихли, но снег все еще падает. Я на диване Уэста, мой ноутбук греет мои бедра, мои мысли о романтической поэзии, греческих вазах, Монблане. Я смотрю на затылок Уэста, который сидит на полу у моего бедра, решая практические задачи для выпускного экзамена по физике. Я пытаюсь решить, может ли возвышенное на самом деле быть этим моментом. Это сияние в моем теле, моя симпатия к его ушам, то, как мои пальцы хотят покоиться на нем, когда я думаю о следующем абзаце, который собираюсь напечатать.

Звонок в дверь вообще не имеет никакого смысла. Не могу представить, зачем кому-то выходить на улицу в такую погоду или по какой причине человек, не являющийся Уэстом или мной, может быть здесь.

Однако он почти сразу же встает, достает из кармана телефон, проверяет смс или электронную почту.

О, точно, он дилер.

— Ты кого-то ждешь?

Пекарня была загружена прошлой ночью, многие студенты хотели убедиться, что у них достаточно припасов, чтобы оставаться под кайфом в течение месяца, когда они будут устраивать вечеринки со своими старыми друзьями из старшей школы.

— Нет.

Он идет к двери, открывает ее и загоразживает мне вид на пожарную лестницу. Он живет на втором этаже, в квартире над магазином, где продаются подарки и женская одежда. Площадка снаружи маленькая, и с дивана открывается лучший вид на дверь, чем из моего закутка в булочной. Я вижу две фигуры за Уэстом.

Не знаю точно, почему я встаю. Наверное, потому что не хочу чувствовать себя сегодня отдельно от него. Потому что я все меньше хочу отводить глаза от вещей, которые вызывают у меня дискомфорт, и просто делать вид, что их не происходит.

Это прозвучит странно, но это немного связано и с пенисом Уэста. Что я имею в виду: Я боялась трогать его там без четких указаний. Боялась, что у меня ничего не получится, или я все испорчу. Но посмотрите, как хорошо все получилось, когда я это сделала, правда?

Я боюсь этой части его сущности больше, чем боялась прикоснуться к нему. Этот Уэст, который нарушает правила, которого могут арестовать или отправить в тюрьму... Я даже не

знаю, почему он это делает. Только ради денег? Потому что ему так хочется? Потому что хочет доказать, что не боится?

А может быть, он делает это, потому что ему это нравится. У него есть опыт, который я не разделяю — слова, которых я не знаю, тайны семян и смолы, веса и стоимости. У него есть голос, который он использует, когда ведет дела. Но думаю, именно поэтому я попросила его достать мне дурь, когда он пришел ко мне домой. Потому что я хочу знать все его части. Даже те, которые меня пугают.

В любом случае, я не разбираюсь во всем этом сознательно. Я просто пригибаюсь под его рукой, улыбаюсь, касаюсь его, претендуя на этот вечер и эту часть его жизни, на него, на все.

И тут я замираю, улыбка сходит с моего лица.

В дверях стоит Джош и разговаривает с Уэстом. А позади него, прислонившись к перилам, закутанный в зимнее пальто, шапку и шарф, который я подарила ему на прошлое Рождество, стоит Нейт.

Он выглядит так же потрясенным, увидев меня здесь, как и я его. Его брови сходятся вместе, рот сжимается и белеет по краям — боль, а затем так же быстро она исчезает, и он пытается — и безуспешно пытается — выглядеть безразличным.

Разговор замирает.

— Привет, ребята, — говорю я бодро. Не знаю, как еще можно это разыграть. Кто-то должен сгладить эту неловкость, и думаю, что это должна быть я. — Получили что-нибудь, чтобы передохнуть?

— Они ничего не получают, — тон Уэста едкий. Он смотрит на Джоша. — Какую часть из «Сначала напиши мне» и «Не появляйся там, где я живу» тебе было так трудно понять?

Джош вызывающе поднимает подбородок.

— Мы просто подумали об этом, когда проезжали мимо. Я подумал, что ты можешь быть здесь, так как скоро выпускные экзамены.

Уэст качает головой.

— Я говорил тебе, как это работает.

— Да, но...

— Я устанавливаю условия, — отрывисто говорит он, — не ты.

— Мы купим целую унцию, — говорит Нейт. Он прислонился к перилам, изображая расслабленность. Выражение его лица всецело благочестивое, и я узнаю в нем лицо, которое он делал, когда хотел, чтобы я сделала для него что-то, чего я не хотела.

Уэст никогда не смотрел на меня так.

— У меня было кое-что из того, что ты продал Маршаллу, — говорит Нейт. — Это хорошее дерьмо. Он сказал, что полсотни за пол унции.

— Я не буду тебе продавать.

— Я заплачу тебе четыреста, — в том, как Нейт это говорит, есть что-то коварное, словно он пытается выяснить цену Уэста, чтобы заплатить ее, а потом посмотреть на него свысока за то, что тот был настолько слаб, что позволил себя унижить.

Я немного поражена. Имею в виду, я видела его на полу после того, как Уэст ударил его. И не могу поверить, что у него хватает смелости находиться здесь, а тем более вести себя так высокомерно.

— Может быть, я не совсем ясно выражаюсь, — Уэст начинает злиться. — Я бы не продал тебе, сколько бы ты мне ни заплатил, — он жестом показывает на Джоша. — С тобой

тоже покончено. Убирайся на хрен отсюда.

Челюсть Нейта сжимается.

— Ты мудака.

— А ты членосос.

— Разве это не больше по части Кэролайн?

У меня есть время зафиксировать, что эти слова делают с Уэстом — эта странная пульсация напряжения в нем, когда каждая часть его тела становится твердой и яростной, все сразу.

У меня есть время подумать: *«Вот дерьмо»*.

Затем все происходит быстро. Уэст делает выпад вперед и одновременно толкает меня обратно в квартиру. Я обхватываю его за талию, пытаюсь не дать ему ударить кого-нибудь или получить удар, не по моей вине, не сегодня.

— Держись подальше от этого, — говорит он и направляет меня к двери, но пожарная лестница скользкая, я теряю опору и ударяюсь виском о что-то твердое, от чего у меня появляются звезды, что я всегда считала фигурой речи. Нейт прижимается к перилам, Уэст на него, Джош толкает Уэста, кулак Уэста поднимается...

Я не думаю, что это вина Уэста, правда не думаю.

Но когда все закончилось, Уэст стоит на пожарной лестнице в мокрых носках, рассеянно потирая костяшки пальцев, а Нейт стоит на коленях у основания лестницы, зажимая ребра и сплевывая кровь.

— Думаю, тебе нужна скорая.

— Я могу идти.

— Держись от нее подальше.

— Она тебе не принадлежит.

— Тебе тоже не принадлежит, придурок. У тебя был шанс. Ты просрал его.

— Хотел бы я иметь ее подольше. Скучаю по этой сладкой попке. Или ты еще не трахал ее там?

— Вытащи его отсюда. Или я за себя не отвечаю.

— Пошли. Нейт. Пойдем.

— Ты пожалеешь.

Я сползаю по дверному косяку, трясую головой, моргаю.

Холодно.

Лучше бы я не подходила к двери.

Уэст стоит там, его лицо прямо напротив моего, его напряженность почти больше, чем я могу выдержать.

— Черт, Кэр, ты в порядке?

— Я в порядке.

Он поднимает меня на ноги, обнимает меня, закрывает дверь перед Нейтом и Джошем. Они там, на снегу, Нейт ковыляет, когда пытается идти, возможно, он ранен.

Это так уродливо. И все это, это уродство, из-за меня.

Я ненавижу это.

Думаю, мне это должно нравиться. Я думаю обо всех фильмах, которые видела, где парень защищает свою женщину.

Но в этих фильмах девушка никогда не получает удар. Никто никогда не бежит в туалет, сгорбившись, и не выплескивает полупереваренный куриный суп в унитаз.

Очевидно, я делаю это неправильно. Я все делаю неправильно.

Слышу, как Уэст входит в комнату, но не понимаю, что он от меня хочет.

Когда я подошла к двери, еще даже не выглянув на пожарную лестницу, я обняла его, и он отпрянул от меня.

Мне было больно, когда он так поступил. Все, что было потом, только усилило боль.

Думаю, о подарке, который я ему подарила. Блестящий бант. Двести долларов в конверте.

За что, по его мнению, я ему платила?

Уродство — оно не только во мне. В нем тоже, и он не хочет, чтобы я об этом знала, но от этого оно не становится меньше.

Я влюбляюсь в парня, который продает наркотики, который бьет кулаками, когда злится, который знает мое тело лучше меня.

Я уже влюблена в него. В Уэста, который любит устанавливать правила и который не хочет, чтобы я передавала ему деньги в конверте после того, как возьму его член в руку и заставлю его кончить.

Не знаю, кто он, каково его прошлое. Я не могу знать, потому что он мне не скажет. Но его настоящее достаточно уродливо, чтобы я с ужасом и болью осознала собственную наивность.

Я дрожу, сжимаю холодный фарфор и плачу.

Уэст приседает рядом со мной.

— Позволь мне осмотреть твою голову.

Я позволяю ему. Несмотря на то, что мне плохо, я рыдаю больше из-за него, чем из-за себя. Несмотря на то, что я ненавижу себя.

Я свернулась калачиком на коленях Уэста на полу его ванной и позволила ему осмотреть мою голову, проверить меня на сотрясение мозга, обхватить меня руками и прислонить к стене, обнимая меня. Держа меня.

Что-то не так с нами обоими, но я не хочу, чтобы он когда-нибудь отпускал меня.

Зимние каникулы

Уэст

Моя мама равнодушна к «Волшебнику страны Оз». Когда я был ребенком, она нашла занавески в бело-голубую клетку у Фреда Мейера и повесила их в трейлере, где все выглядело потрепанным. Прошло всего несколько месяцев после последнего исчезновения отца, а она все еще носила эти дешевые блестящие красные туфли, которые он ей подарил. Вы знаете, такие туфли с широким ремешком на носке и каблуком, похожим на ломтик сыра?

Она любила их. Носила их везде, даже несмотря на то, что постоянно выворачивала лодыжки. Однажды вечером она надела их, чтобы пойти выпить с папой, и вернулась через три дня в новой одежде, с татуировкой «Тото» на лодыжке и рюмкой с надписью: «Рено». Она подарила ее мне на память.

После того, как папа ушел, а мама потеряла работу, потому что он взял машину, и она не смогла найти надежный способ добраться до города, у нее была такая шутка, когда она щелкала каблуками этих туфель и говорила:

— Нет места лучше дома, нет места лучше дома.

Потом она оглядывала трейлер и хмурилась, как будто была разочарована.

— Все еще свалка, — говорила она.

Но она наклонялась ко мне, если я был рядом, ее плечо касалось моего, наши волосы соприкасались.

— По крайней мере, мы есть друг у друга, Уэсти.

Все ее шутки были такими, юмор за наш счет, плюс в том, что мы были командой. Семей.

Нет места лучше дома.

Но ты не можешь вернуться домой снова, я научился этому в Патнеме. Дом меняется, пока тебя нет, и ты тоже меняешься, не замечая этого. Ты садишься в машину, наблюдая как силуэты мамы и младшей сестры становятся все меньше в зеркале заднего вида, и думаешь, что они все еще будут там в следующий раз, как если бы ты вышел за продуктами или работал на поле для гольфа, а затем возвращался к подъездной дорожке Бо, как никогда и не уезжал.

Это так не работает. Ты возвращаешься домой на самолете. Приземляешься в Портленде, добираешься автостопом до Кус-Бэй, идешь в школу, чтобы удивить свою сестру, когда она выйдет, а затем, когда группа детей с ней проходит мимо, ты даже не узнаешь ее.

Ты никогда раньше не видел ее одежды. У нее теперь проколоты уши. У нее другое лицо.

И хуже всего то, что она тоже тебя не узнает. Она проходит мимо. Тебе приходится поймать ее за рукав, произнести ее имя.

Я никогда не чувствовал себя более похожим на двух разных людей, чем в это Рождество.

Один из меня жил в Орегоне, с Фрэнки, мамой и Бо. Встревоженный, разочарованный, осторожный, но там, где мне и место.

Другой был с Кэролайн.

Я просыпаюсь от резкого стука в дверь квартиры.

Кэролайн уже улетела на самолете на Карибское море со своей семьей, так что я знаю, что это плохие новости.

Я ожидал плохих новостей с тех пор, как столкнул Нейта с лестницы два дня назад.

Он точно собирается мстить. Я унизил его. Дважды.

Она моя.

Вот о чем я думал, когда делал это. Мне все равно, что со мной случится — я не позволю никому говорить такое дерьмо о Кэролайн при ней, мне в лицо, на моем пороге.

Хуже всего то, что я знал, что она будет вмешиваться в мои приоритеты, морочить мне голову. Я знал, что она это сделает, и теперь, когда она это сделала, мне это нравится.

Это прекрасно. Я хочу, чтобы она переехала в мою квартиру, спала в моей постели, принимала душ с моим мылом, носила мои старые футболки повсюду. Я хочу вылизывать ее киску каждое утро перед завтраком, тереться о ее задницу, зарываться лицом между ее сиськами и кончать ей на бедро.

Я в двух шагах от того, чтобы превратиться в одного из тех парней, которые делают все, что говорит ему его женщина, и все время ухмыляются, как будто под кайфом от запаха киски.

Мне, бл*дь, конец из-за этой девчонки. Она *владеет* мной.

Вот почему, когда раздается стук в дверь, я почти радуюсь этому. Я сам себя терпеть не могу. Не могу вынести, что она ударилась головой, ушибла висок. Не могу вынести воспоминаний о том жалком, уродливом звуке, который она издала, когда ее вырвало в моей ванной.

После того, как она уснула, я написал Бо, сказав ему, что есть большая вероятность, что я окажусь за решеткой до того, как вернусь домой на Рождество.

Никого не впускай к себе без ордера, — написал он.

К тому времени, как я надеваю ботинки, стук перешел в грохот, но я не тороплюсь, поднимаю книгу, которую дала мне Кэролайн, с подушки, зацепываю страницу и засовываю ее в свою спортивную сумку.

Это хорошая книга, и я не хочу, чтобы ее уничтожили.

За дверью двое: мускулистый парень с вьющимися светлыми волосами в черной форме полицейского управления Патнема и более худой, низкорослый чернокожий парень в красном поло Службы безопасности Колледжа Патнема.

— Вы Уэст Левитт? — спрашивает блондин.

— Да.

— Я офицер Джейсон Морроу из полиции Патнема, а это Кевин Йейтс из службы безопасности кампуса. Мы получили анонимное сообщение о том, что Вы занимаетесь незаконной продажей марихуаны. Нам нужно зайти и осмотреть все.

По тому, как он это говорит, я могу сказать, что обычно это работает. Они стучатся в двери студентов колледжа, всякий раз, когда есть серьезная жалоба. Они ведут себя вежливо и мило спрашивают, а другие студенты тут же сдают себя с потрохами.

У меня в квартире нет ничего, что они могли бы найти, потому что, несмотря на то, что думает Нейт, я не гребаный идиот. Количество травы, которое у меня на руках, само по себе

является серьезным проступком за хранение, уголовным преступлением класса Д, если они смогут доказать, что я ее продаю. Что они, конечно, могут, потому что никто не мог бы так много курить и функционировать как нормальный человек. Но я храню ее в шкафчике в комнате отдыха, и я хожу туда два или три раза в неделю, бегаю по дорожке, поднимаю тяжести, принимаю душ, кладу в карман несколько упаковок, столько, сколько я знаю, что смогу продать.

Я не выращивал растения в кампусе с начала прошлого года, и даже тогда я делал это больше как трюк, чем что-либо еще. Я хотел, чтобы люди говорили: «Он тот парень, у которого растет хороший товар. Он тот, кто может дать тебе кайфануть». Как только был собран первый урожай, я закрыл все это дело. Слишком рискованно.

Я знаю, во что я ввязался. Я знаю свои права.

— Нет, — говорю я полицейскому у двери.

Нет, он не может войти.

Нет, я не могу выйти.

Я в ловушке в этом беспорядке, который устроил, и у меня есть месяц, чтобы понять, как мне выбраться из него и сбежать от нее.

Моя мама обнимает меня за шею сзади, наклоняясь ближе, чтобы запечатлеть поцелуй, который скользит по моему уху и попадает в основном на мою бейсболку.

— Фу. Мама. От тебя пахнет пареным мясом.

Она только что вернулась домой со смены в тюрьме. Я никогда не видел кафетерия, где она работает, но если судить по тому, как она пахнет, когда приходит с работы, то я не много потерял.

Хотя на самом деле я не возражаю против поцелуя. От ее одежды исходит запах кафетерия, но я также чувствую запах ее кожи, какого-то цветочного мыла или лосьона. Стойка в ванной Бо завалена маминими косметическими принадлежностями.

Я отсутствовал так долго, что самые сильные впечатления, когда я вошел пару дней назад, были только запахи. Застоявшийся сигаретный дым, автоматический освежитель воздуха, запах от дивана, когда я сел — собачья шерсть и стареющие поролоновые подушки.

В первый раз, когда мама обняла меня, от ее запаха у меня встал ком в горле, физическая реакция, которая была не совсем слезами, но и не аллергией. Мальчик во мне говорил «Мама», в то же время у меня руки чесались оттолкнуть ее, отодвинуть на небольшое расстояние между нами.

— Я просто не могу поверить, что ты вернулся.

— Перестань цепляться за него, — говорит Бо с другого конца стола. — Он слишком стар для этого дерьма.

Мама снимает с меня бейсболку и взъерошивает мои распущенные волосы.

— Он мой ребенок. Ты уже что-нибудь съел, Уэсти? Я могу приготовить тебе говяжьи отбивные, если хочешь.

Она хотела угостить меня моим любимым блюдом.

— Нет, я поел в городе. Мы с Фрэнки заехали в «Арби» после того, как я отвез ее в Бэндон.

Бо поднимает глаза.

— Зачем вы ездили в Бэндон?

Его не было, когда мы уходили, не было, когда мы вернулись домой. Думаю, он не знал.

— Я отвез Фрэнкс в клинику на медосмотр.

Его глаза сужаются, и он поворачивается к моей маме.

— Ты позволила ему отвезти ее для этого укола?

Моя мама моргает несколько раз, слишком быстро, и я понимаю, что она втянула меня во что-то. Она сказала, что Фрэнки нужно пройти медосмотр, чтобы в январе ей разрешили поиграть во что-то вроде футбола после школы. Когда мы добрались до клиники, медсестра сказала мне, что Фрэнкс давно пора сделать прививку от гепатита и что ей нужно ее получить, иначе она не сможет остаться в школе в следующем году.

Я решил, что это была случайность. План здравоохранения штата покрывал это, поэтому я сказал медсестре, чтобы она продолжала, нацарапав свою подпись на бланке, который она мне протянула.

Но теперь я слишком поздно вспоминаю, что Бо не верит в вакцины. У него есть книга об этом, готовая лекция об ошибочности стадного иммунитета и токсичности вещества, которое они добавляют в эти уколы в качестве консервантов. Он может говорить об уровне алюминия в крови в течение часа.

— Фрэнки сделали укол? — спрашивает мама.

Когда мама вошла в дверь, Фрэнки первым делом показала ей пластырь.

Я пристально смотрю на нее, и она слабо улыбается мне. Ее глаза умоляют меня.

Давай, Уэст. Встань на мою сторону.

Я не хочу, чтобы были какие-то стороны. Не между мамой и Бо.

— Я следовал тому, что сказал доктор.

Бо берет со стола Мальборо и заглядывает в открытую пачку. Хмурится, вытаскивает последнюю сигарету. У него длинный запал. Если он и моя мама собираются поссориться из-за этого, то не сейчас.

Но он точно не забудет, что это произошло.

— Я собираюсь взять кока-колу, — говорит мама. — Уэст, тебе что-нибудь нужно?

— Я возьму пива.

— Достань мне еще одну пачку сигарет из морозилки, ладно? — спрашивает Бо.

Мама направляется к холодильнику.

— Разве ты не открыл эту сегодня утром?

— Ну и что?

— А то, что ты должен сократить количество. Ради Фрэнки.

Фрэнки в гостиной, ее не видно из кухни, но дом Бо маленький, и она может слышать.

Она кричит:

— Ты должен был бросить курить, Бо.

— Может быть, на следующей неделе.

Мама приносит мне пиво. Она не спрашивает Бо, хочет ли он выпить, и когда она откручивает крышку и говорит:

— Хочешь стакан, Уэст? — он издает звук отвращения и встает из-за стола.

— Куда ты направляешься?

— В теплицу.

Он открывает морозилку и достает из коробки пачку сигарет.

Уголки ее рта опускаются, когда она смотрит, как он выходит через заднюю дверь. Это заставляет ее выглядеть старой. Моей маме всего тридцать семь, но в своей бесформенной

тюремной форме она средних лет, морщины на ее лице глубоко прорезаны, разочарование в уголках рта никогда полностью не исчезает.

Она ненавидит эту униформу. Через некоторое время она примет душ и сделает прическу, наденет обтягивающие джинсы и красивую рубашку.

Она всегда была больше похожа на подругу с водительскими правами, чем на родителя. Подруга, чьи дурные привычки и недостатки очевидны для всех, кто ее знает, но такую подругу можно простить, потому что у нее доброе сердце.

Я хотел бы, чтобы это был первый раз с тех пор, как я вернулся домой, когда Бо в гневе ушел в теплицу, но это не так. Что-то не так между ними.

Есть много вещей, которые кажутся неправильными. То, чего я не ожидал. Я хочу приклеить лоскут в углу кухонной стойки, пожелтевшая лента, не ровная по краям, объявляет о трех или четырех неудачных попытках ее починить, но это кухня Бо, и когда я роюсь в ящике для мусора в поисках клея и нахожу конверт с наличными, один из многих тайников Бо, то чувствую себя вором.

Я хочу сказать Фрэнки, чтобы она не читала эту книгу, которая у нее в руках, эту книгу в мягкой обложке, которую, я помню, девочки читали, когда я учился в старшей школе, поэтому я знаю, что в ней есть инцест, минет и другое дерьмо, которое слишком для нее. Но она мамина дочь, а не моя.

Ничто здесь не кажется моим.

Я говорю себе, что это потому, что я никогда не жил в этом доме. Еще до того, как я уехал в Патнем, когда мама решила переехать сюда к Бо, я остался в трейлере. Я и раньше спал на диване Бо, но я никогда не называл дом Бо своим домом.

Трейлер мой дом, и в нем сейчас живет мой отец.

— Что случилось между тобой и Бо?

Она отмахивается от меня. Берет лежащую на столе Зиппо, несколько раз переворачивает ее, слегка постукивая по столешнице.

— С ним все в порядке. Наверное, недостаточно спал. Он ненавидит, когда ему приходится работать по ночам. Это делает его ворчливым.

— Но на следующей неделе он вернется на работу в дневную смену, верно?

— Верно. — Она опускается в кресло, которое освободил Бо, снимает сабо, которые надевает на работу, и бросает их в кучу обуви у задней двери. На ее носках крошечные маленькие пиццы, и она шевелит пальцами ног, глядя на меня. Я подарил ей эти носки на Рождество.

— Мило, — говорю я.

— Я люблю их.

Она наклоняется вперед и снова берет зажигалку, щелкает ею, пока не зажигает пламя. Лукавый блеск в ее глазах говорит мне, что у нее есть тема для разговора.

— Итак, это первый раз, когда ты по-настоящему принадлежишь мне одной. Расскажи мне все о Патнеме.

— Рассказывать особо нечего.

— Спроси его о его де-е-евушке-е-е, — кричит Фрэнки из гостиной.

Глаза моей мамы сияют.

— Я знала, что у тебя есть девушка. Неудивительно, что ты никогда мне не перезваниваешь.

— Я всегда тебе перезваниваю.

Она закатывает глаза и снова щелкает зажигалкой.

— Да, когда ты не работаешь. — Она наполняет это слово сомнением, как будто я работаю с целью избежать ее.

Половину денег, которые я зарабатываю, я в конечном итоге отправляю ей. Я, наверное, заплатил за журналы на кофейном столике, точно так же, как заплатил за ее носки.

— Дай мне посмотреть фотографию, — говорит она.

— У меня нет девушки.

— У него она есть! — Фрэнки уже стоит на пороге кухни, ее улыбка полна восторга. — Она прислала ему фотографию в бикини.

Черт возьми.

— Она прислала тебе фотографию в бикини, — говорю я, потому что это чистая правда. Я вошел в гостиную и обнаружил Фрэнки со своим телефоном, пишущую Кэролайн, которая только что поделилась своим отпускным снимком, на котором она обнимает более коренастую девушку, ее сестру Жанель. Они обе в бикини, с мокрыми волосами, улыбаются.

Мне нужно перестать ей писать. Перестать смотреть на эту фотографию.

Мне нужно провести четкие границы в своей жизни, потому что это то, о чем я должен беспокоиться. О проблемах на этой кухне. О том, что Фрэнки получает тройки в школе и, похоже, не знает значения слова «конфиденциальность». О то, что ее сиськи растут, и она носит лифчик и футболки, которые рекламируют этот факт для всего мира. Моя голова должна быть занята тем, что происходит между мамой и Бо, и имеет ли к этому какое-то отношение Уайатт Левитт.

О том, что, когда я спросил маму, видела ли она его, она сказала «нет», но не смотрела мне в глаза, а потом стала притворно веселой, как бывает, когда она мне врет.

Я не должен беспокоиться о том, развлекается ли Кэролайн на Карибах, думать о том, когда я смогу украсть двадцать минут, чтобы позвонить ей, есть ли какой-нибудь способ застать ее одну за закрытой дверью, когда дом пуст, чтобы я мог говорить с ней грязно, расстегнуть джинсы и подрочить.

— Дай-ка я посмотрю, — говорит мама.

— Нет.

Но Фрэнки подходит ко мне сзади, ее пальцы лезут в мой задний карман за телефоном, и я недостаточно быстр, чтобы остановить ее. Я хватаю ее, щекочу, тянусь к телефону, одновременно ущипнув ее за ребра достаточно сильно, чтобы она отпрянула, сказав:

— Ой! Лови, мама!

Она бросает телефон, и я мельком вижу экран с открытым мессенджером, прежде чем он в чехле падает на пол и катится по нему. Затем я опускаюсь на колени, борясь со своей мамой, Фрэнки на периферии, и это самое странное, потому что они обе смеются, но, когда мама протягивает руку она сильно толкает меня. Тогда она берет телефон и вскакивает на ноги, бежит через кухню, говоря:

— Держи его подальше от меня, Фрэнки! — это не похоже на игру.

Это не смешно.

Я без усилий уворачиваюсь от Фрэнки, хватаю маму за запястье, вырываю телефон у нее из рук. Моя грудь тяжело вздымается. Я разгорячен, неуправляем, полон неуместной ярости, сдерживаемой ярости.

— Господи, Уэст, расслабься, — говорит мама. Но ее глаза сверкают обидой, и когда я смотрю на Фрэнки, она вздрагивает.

Я хочу выскочить из дома. Совершить долгую прогулку к шоссе по дороге в сгущающейся темноте. Я хочу закипеть, но мне не из-за чего злиться, кроме моей собственной неспособности сделать границы в моей жизни достаточно черными, достаточно темными, чтобы такого рода дерьмо не происходило.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю.

Это моя семья. У меня дома.

Это мои люди, и здесь мое место.

Если я так не чувствую, значит, я делаю это неправильно. Закрываюсь от самого себя. Я не могу этого сделать, потому что, если я потеряю это, кто я такой?

Я просматриваю экран на телефоне и возвращаю его маме, выражение лица которой смягчается от предложения мира.

— Та, что справа, или...?

— Которая симпатичная, — слышу я свой голос. — Ее зовут Кэролайн.

Что ты делаешь?

Она сразу же пишет ответ.

Ничего.

Что это за ничего?

Лежу на диване и смотрю фильм.

Какой фильм?

«Клуб завтрак». Сегодня я посмотрела кучу фильмов с Молли Рингуолд.

Почему?

Они принадлежали моей маме. Я иногда пересматриваю их.

Пауза.

Мой папа на работе. Мне скучно. Каникулы-отстой.

Да.

Еще одна пауза.

Я позвоню тебе.

Я на диване, один в доме. Рождество наступило и прошло, и Фрэнки вернулась в школу. Бо снова вышел в дневную смену. Они с мамой оба работают, и в доме впервые с тех пор, как я сюда приехал, стало тихо.

Я возбуждился еще до того, как она взяла трубку.

— Привет, — говорит она.

— Привет.

Затем тишина, и она хрипло смеется.

— Это странно.

— Какой момент?

Я могу представить, как она кусает губу. Смотрит в сторону.

Я могу представить, как ее горло краснеет и покрывается пятнами, как ее грудь вздымаются с каждым быстрым вдохом.

— Ты знаешь тот момент фильма, где Джадд Нельсон находится в шкафу, а Молли Рингуолд запирается там с ним? — спрашивает она.

— Который из них Джадд Нельсон?

— Парень с длинными волосами и во фланелевой рубашке.

— Плохой парень.

— Да. А Молли Рингуолд — та...

— Я знаю, кто она.

Кэролайн смеется. Немного нервно.

— Этот момент прямо сейчас.

— И?

— И это самый лучший момент. Молли в розовой шелковой рубашке и с идеальными волосами, потому что она такая хорошая девочка, только теперь они вместе в шкафу...

Я начинаю смеяться, понимая, к чему она ведет.

— Я думал, тебе понравится тот другой парень.

— Кто? Энтони Майкл Холл?

— Тот, который борец.

— Эмилио Эстевес? Фу.

— Он похож на Нейта, но не такой блондин.

Тишина на несколько ударов.

— Боже. Он похож. Ты прав.

В ее голосе звучит такой ужас, что я начинаю смеяться.

— Но мне всегда больше всех нравился Джадд, — говорит она. — Даже когда он плюет в воздух и глотает это.

— У тебя что-то вроде пристрастия к плохим парням, не так ли?

— Нет.

Однако я слышу улыбку в ее голосе.

— Все в порядке. Может быть, мне нравятся бедные маленькие богатые девочки.

— Может быть, так оно и есть.

— Что на тебе надето, богатая девочка?

Она снова издает смешок. Я почти чувствую этот сдвиг, щелчок на линии, цифровые сигналы перестраиваются из одного потока в другой. «Что на тебе надето?» — стартовый пистолет для секса по телефону стреляет, и я готов к этому. Джинсы расстегнуты. Рука за пределами моих трусов, потому что я не могу забраться в них, пока не узнаю, что она подыгрывает. Не в этот раз.

— На мне моя розовая шелковая рубашка. — Я слышу перемену в ее голосе. Говорящая «да».

Я просовываю руку в трусы.

— И длинная, обтягивающая коричневая юбка, — добавляет она. — Коричневые сапоги.

— У тебя есть сапоги?

— Конечно. У каждой девушки в Америке есть сапоги.

Крепкая хватка. Медленный темп.

— Тебе придется как-нибудь надеть их для меня.

— Зачем?

— Мне нравятся сапоги.

Напряжение. Нет ничего лучше этого — так плохо и так хорошо. Это в каждой мышце моего тела.

— Ох. — Этот звук-вздых.

— Эй, богатая девочка?

— М-м-м?

— Выключи громкость телевизора.

Я жду, набирая ритм. Фоновый шум исчезает, превращаясь в ничто. Я слышу только ее дыхание.

— Как ты думаешь, чем они занимались в этом шкафу? — спрашиваю я ее. — Ну, знаешь, когда камера отключилась?

Наступает пауза.

— Я никогда по-настоящему не думала об этом.

— Ты хочешь подумать об этом сейчас?

— Может быть.

— Где твои руки?

— М-м-м. Не уверена, что скажу это.

— Положи одну из них в какое-нибудь интересное место.

Она фыркает, что-то вроде смеха, и я жду несколько секунд, чтобы убедиться, что она это делает. Затем я говорю тихо и медленно:

— Я думаю, они начали целоваться.

— Да.

— И поцелуи стали горячими, и он толкнул ее спиной на скамейку.

— Я не уверена, что там была скамейка.

— Там была скамейка. Она длинная и плоская, без спинки, так что он может уложить ее, встать рядом с ней на колени и задрать ее юбку выше колен.

— Она немного длинноватая и тесная. Я не думаю, что он смог бы задрать ее.

— Он хорошо обращается с юбками. Ему не нужно ее снимать. Он просто поднимет ее и оставит, так что она почувствует воздух на своих бедрах и начнет беспокоиться, что их поймают. Это так волнующе, думать об этом. Может быть, кто-нибудь зайдет к ним, хорошая девочка с раздвинутыми ногами, плохой парень, стоящий на коленях на полу, целует ее. Прикасается к ней.

— Где он прикасается к ней?

— Везде, кроме тех мест, где она действительно хочет этого больше всего.

Она делает глубокий вдох, и у нее перехватывает дыхание. Я уже слышал, как она это делала раньше. Видел, как она это делала. Звук вызывает, прилив тепла от моих яиц, и я скольжу рукой по головке, опускаюсь вниз. Медленно и плотно.

— Что ты делаешь, Кэр?

— Что ты хочешь, чтобы я делала?

— Я хочу, чтобы ты легла на спину с задранной юбкой и раздвинутыми ногами.

Я издаю приглушенный *ммх*.

— Ты уже легла?

— Может быть.

— Вот это моя девочка.

— Что ты делаешь?

— Дорогая, ты знаешь, что я делаю.

— Как в прошлый раз? — спрашивает она. — В день Благодарения?

— Да.

Она просто дышит в трубку.

— Теперь он задрал ее рубашку, — говорю я ей. — Его рот на ее животе. Двигается вниз.

— Она нервничает.

— Как так вышло?

— Она никогда не делала этого раньше. Это так волнующе.

— Ему нравится, как она пахнет. Какие у нее гладкие ноги, какая она бледная. На ней желтые трусики, совсем простые. Они мокрые, Кэролайн?

Она издает что-то вроде писка, и моя хватка становится крепче.

Боже, как я люблю этот звук.

— Скажи мне.

— Да.

— Я так и думал. Насквозь промокшие трусики, и он собирается пойти вперед, оседлать эту скамейку и сунуть свой нос прямо туда, вдавливаясь во влажное место.

— Это грубо.

— Он груб. Вот почему он ей нравится.

— Это не единственная причина.

— Но это одна из них. Она думает, что он возбуждающий. Ей нравится знать, что он думает о ней, когда ее нет рядом. Что она делает его твердым. Заставляет его кончать в его постели, в его душе, но он никогда не прикасался к ней.

— Боже. Это горячо.

Я улыбаюсь.

— Почему она ему нравится? — спрашивает она.

Я должен подумать об этом — не самая простая вещь, которую можно сделать, положив руку на свой член, но я справляюсь.

— Ему нравится, что она не знает всего того, что знает он. Что она не видела худшего в жизни.

— Она видела больше, чем он думает.

— Может быть, но вокруг нее все еще такая аура, как будто плохие вещи никогда не смогут по-настоящему коснуться ее.

— Ей бы это не понравилось, — говорит Кэролайн. — Если бы он сказал ей, что именно поэтому... она была бы разочарована.

— Но это не единственная причина. Это даже не главное.

— Что является главным?

Я пытаюсь сосредоточиться на фильме. Не на Кэролайн на диване, распростертой, трогающей себя.

— Что она там, в шкафу. Она смелая, как только решает, чего хочет. Свирепая.

— Она ему нравится, когда она свирепа?

— Да. Да.

О ком мы говорим? Я не уверен. Я начинаю чувствовать себя каким-то одурманенным, тупым, как будто я, возможно, говорю больше, чем хотел, но на самом деле мне все равно.

— Уэст?

— Да.

— Что он будет делать дальше?

— Он ласкает ее языком прямо через трусики. Просовывает руки под резинку, держит ее там на скамейке и лижет, лижет, пока ее трусики не промокнут насквозь, и она почти

мертва от этого.

— Ему это нравится?

— Ему это чертовски нравится. Заставить ее чувствовать себя хорошо, заставить ее отказаться от контроля, отключить голову и просто почувствовать это путешествие. И ему также нравятся эти трусики. Эти желтые трусики. Но ему нужно больше, поэтому вместо того, чтобы снять их, он просто сдвигает их в сторону. Достаточно, чтобы его язык проник в ее дырочку, где она мягкая, набухшая и такая влажная. Он не может насытиться ею. Он просто зарывается в нее лицом, подбородком, ртом.

— Уэст.

— У нее невероятный вкус.

— Боже, Уэст, я не могу...

Я тоже не могу. Я думаю о ее киске, о том, как она ощущалась под моими пальцами, под моим языком. Ее бедра прижимаются к моей голове, ее руки в моих волосах, на моем члене — это уже слишком.

— Я хочу тебя, — говорю я. — Черт, я так хочу тебя.

— У тебя есть я.

— Прямо здесь, на этом диване, *здесь*. Я хочу, чтобы ты была здесь, Кэр. Я хочу попробовать тебя на вкус. Войди моими пальцами в тебя, облизать языком твой клитор. Я хочу, чтобы ты была голой.

Она тяжело дышит.

— Используй свою руку, — говорю я ей. — Представь, что это я. Кончи со мной. Я хочу услышать это.

— Уэст.

— Да.

— Ты тоже.

— Я уже близко.

А потом это просто дыхание. Шум. Это просто стоны.

Знать, что она делает, представлять то, как она это делает, ее сиськи, ее киску, ее закрытые глаза и открытый рот, и то, как выглядит ее лицо, когда я заставляю ее кончить.

Моя рука работает усердно и быстро, ее пальцы летают, эта нить связи между нами, в этом нет ничего реального, ничего правдивого, ничего правильного, но в любом случае это здесь. Я ничего не могу с этим поделать. Я ничего не хочу делать, кроме этого, кроме Кэролайн. Ничего.

Она втягивает воздух и говорит:

— Сейчас, — и я кончаю с ней, кряхтя и брызгая горячей струей на руку и немного на диван, который, черт возьми, мне придется почистить, но мне все равно. Она изо всех сил старается не шуметь, и даже при этом я ее слышу, я слышу, как она пытается не шуметь, и это чертовски здорово.

Я немного разваливаюсь на части. Откидываюсь назад, закрываю глаза, слушаю ее. Я теряю рассудок, теряю рассудок и разбиваюсь на куски.

Но потом я чувствую, что, может быть, какая-то часть меня снова собралась воедино.

Уже поздно. Я выхожу к теплице, уворачиваясь от собачьего дерьма на заднем дворе и жалея, что не включил свет на заднем крыльце.

Я наступаю на что-то слишком мягкое.

— Черт.

Я пытаюсь соскрести ботинок в траве, но это бесполезно. Запах теперь у меня в носу, губы кривятся. Я нахожу палку, попытаюсь выковырять коричневое дерьмо из протекторов, но это тоже не работает, и в итоге я включаю садовый шланг, прикрываю холодный медный фитинг большим пальцем, простреливая подошву ботинка и разбрасывая повсюду брызги дерьма.

К тому времени, как я вычистил ботинок, мои брюки прилипли к голени. Я замерз и зол, мне все противно.

Через неделю я возвращаюсь в Патнем, и вся моя жизнь превратилась в минное поле дерьма.

Когда я добираюсь до теплицы и открываю дверь, я не сразу вижу Бо. Я делаю вдох, пытаюсь найти спокойствие. Он не виноват, что я вляпался в собачье дерьмо. Не его вина, что я ждал, чтобы поговорить с ним в течение нескольких дней, и никогда не было подходящего времени.

Он работает. Мама рядом. Фрэнки нужна помощь с домашним заданием.

Бо отталкивался от кухонного стола и исчезал на несколько часов подряд, и я всегда думал о теплице как о владении, куда он ходит, чтобы побыть одному, а не чтобы его беспокоил ребенок его подруги, который спит на его диване, ест его еду, мешает.

Но мне нужно с ним поговорить, потому что я скоро уезжаю. Никто другой этого не скажет.

Сзади играет музыка. Я следую за ней, следую за светом и нахожу Бо, который просто стоит, наклонившись, и выпускает сигаретный дым через разбитое стекло в ночь.

Я узнаю эту песню. Металлика. Он увлекается всеми этими старыми группами, но мама их терпеть не может.

Теплица — это ржавая свалка, с кучей разбитого стекла. Бо это нравится. Ему нравится что-то выращивать, не только сорняки, которые он сажает в лесу, но и овощи, травы, всякое дерьмо. Он говорил о том, чтобы найти сублимационную сушилку, запастись продуктами на случай краха цивилизации, но в основном он заканчивает тем, что выставляет корзины с помидорами, кукурузой и перцем у дороги с табличкой, на которой написано: «Угощайтесь».

Бо невысокого роста, с бочкообразной грудью, бритой головой и седыми волосами на груди, которые обычно можно увидеть, потому что он ходит без рубашки или наполовину расстегнут. В своей тюремной форме, поясом, отягощенным рацией, телефоном, дубинкой, Береттой, он выглядит крутым парнем.

Он крутой парень. У него есть шрамы, чтобы доказать это. Я видел, как он однажды подрался в баре. Он уничтожил чувака, который затеял драку. Просто уничтожил его.

Отчасти из-за Бо я учусь в Патнеме, а не в местном колледже. Потому что я верю, что он сохранит свою работу, позаботится о маме, присмотрит за Фрэнки и не превратится в извращенца или мудака, когда я перестану обращать на это внимание.

Он их любит. Их обеих.

Я никогда не был до конца уверен, что мама любит его в ответ. Ему пришлось несколько раз приглашать ее на свидание, прежде чем она согласилась. Пришлось ухаживать за ней несколько месяцев, прежде чем она начала ночевать у него. Ей нравится быть с ним, нравится его дом, но я не думаю, что ей нравится идея быть старухой Бо до конца своей жизни.

Я думаю, что она зависима от того, что мой отец заставляет ее чувствовать. Этот волнующий, резкий, гребаный порыв, который она может получить только от него.

«— Я влюбилась в него в ту же секунду, как встретила», — сказала она мне однажды. «— Мне было пятнадцать, и он приехал в город на мотоцикле, и мир перестал вращаться.»

Бо не может сравниться с этим. Никто не может.

Я знаю, потому что я почувствовал то же самое, когда впервые увидел Кэролайн, и до сих пор чувствую. Если и есть какой-то способ отключить это, я его еще не нашел.

Бо стряхивает пепел об зазубренный край стекла, роняя его в сорняки по другую сторону окна.

— Что случилось с копами? — спрашивает он.

Он не имеет в виду, обыскивали ли они это место или ушли, я уже сказал ему об этом. Он имеет в виду, что я сделал, чтобы привлечь их внимание.

— Это девушка, с которой я встречаюсь, у нее есть бывший, которому я не очень нравлюсь.

— Ты дал ему причину? Кроме как украл его девушку.

— Я не крал ее. Они уже расстались.

Но я действительно украл ее, немного. На первом курсе, когда она жила напротив, я наблюдал за ней. Попытался вывести ее из себя. Я делал все, чтобы привлечь ее внимание, и Нейт знал это. Он ненавидел меня уже тогда.

Он имеет полное право ненавидеть меня.

— Я подрался с ним. За то, что он говорил о ней всякую чушь.

Бо делает глубокую затыжку, прищурив глаза, наблюдая за мной.

— Дважды. Второй раз был немного хуже, чем первый.

Я думаю о Кэролайн, которую вырвало в моей ванной. О режущей боли в моей руке, когда я коснулся его лица. Его грудной клетки.

Я указываю на пачку сигарет в кармане рубашки Бо.

— Можно мне взять одну?

Он приподнимает бровь. Я не курю, но это не значит, что я не умею. Мне нужен прилив сил прямо сейчас, то, как никотин обострит грани всего, сделает меня осторожным, сделает меня умным.

Мне нужно поумнеть.

Он протягивает мне сигарету, и когда я кладу ее в рот и обхватываю кончик ладонями, он дает мне прикурить от своей Зиппо.

— Что он имеет против тебя? — спрашивает Бо.

— Я столкнул его с пожарной лестницы. Возможно, он сломал себе ребра. Нападение, я полагаю. Особенно, если после этого он отправился в больницу.

— Был ли свидетель?

— Его друг. И Кэролайн.

Он кивает.

— Я продал другу, — добавляю я.

— Больше одного раза?

— Да.

— Значит, он предупредил копов.

— Возможно. Я имею в виду, что любой мог бы, вероятно. Ты думаешь, они вернутся?

— Да.

Я поджимаю губы и вдыхаю, благодарный за тихий шелестящий звук воспламеняющейся бумаги. Благодарен, что у меня есть эта крошечная искорка, на которую можно смотреть, эта тугая полнота в груди, когда я задерживаю дым в легких.

Хорошо, когда есть с кем поговорить.

— Думаешь, я должен прекратить продавать? Залечь на дно на семестр?

— Если ты сможешь обойтись без денег.

Я колеблюсь. Делаю еще одну затяжку. Набираюсь смелости и признаюсь:

— В итоге я отправляю большую часть денег маме.

Он издает этот звук, я не уверен, что это значит. Что-то вроде смеха, только в нем слышится боль. Впрочем, он не удивлен. В этом смехе есть смирение.

Он долго ничего не говорит. Докуривает сигарету до фильтра, бросает ее на грязный пол, растирает.

— Ей это не нужно, — говорит он.

— Тогда что она с ними делает?

Он пожимает плечами.

— Ты не имеешь ни малейшего представления?

— Подарки ей не нужны. Одежда и всякое дерьмо для нее и Фрэнки есть. Я думаю, она дала деньги одной из твоих кузин, чтобы избавиться от ребенка, но она не хочет говорить об этом.

Я позволил этому впитаться.

— Она навещает твою бабушку раз в неделю.

Он не имеет в виду маму мамы, которая раньше жила в Калифорнии, но теперь умерла. Он имеет в виду папину маму.

Он имеет в виду, что десятилетний разрыв между моей мамой и семьей моего отца был тихо устранен, и она мне не сказала. Что *мои* деньги уходят на то, что нужно папиным родственникам или на то, что они хотят, потому что так мама обращается с деньгами. Если они у нее есть, она отдаст их кому угодно, за что угодно.

Если они у меня, она считает, что это то же самое, как если бы они принадлежали ей.

— Он уже возвращался сюда?

Мне не нужно говорить Бо, что я имею в виду своего отца. Мы оба знаем, о чем идет этот разговор, и это облегчение говорить о подводных течениях, скрытых за словами, выкапывать спрятанные провода, не называя их.

Чем дальше я остаюсь здесь, тем очевиднее становится, что в глубине души все глубоко испорчено.

В пяти километрах отсюда, в дерьмовом трейлере в трейлерном парке, в котором никто не живет, если у них есть лучший вариант, живет человек с моими глазами.

— Один раз, — говорит Бо. — Я прогнал его с помощью дробовика.

— Чего он хотел?

Бо бросает на меня жалостливый взгляд, я снова затягиваюсь сигаретой и смотрю себе под ноги.

Глупый вопрос. Он хочет того, чего хочет всегда. Все, что есть у моей мамы. Ее сердце. Ее киска. Ее деньги. Ее гордость.

Ему нужна преданность Фрэнки.

Он хочет расположить всех к себе, привлечь их на свою сторону, заставить их пожалеть его, посмотреть на мир его глазами, думать: *«Пряатель, у него были трудные времена, но он*

хороший парень. Я рада, что на этот раз все работает на него. Я рада, что он взял себя в руки.»

Он хочет влюбить в себя мою маму, а потом, когда она пойдет так далеко, что даже не сможет вспомнить, что было раньше, он ударит ее в живот.

В последний раз, когда я видел своего отца, он пнул меня, как собаку. Плюнул на меня. Оставил меня там с разбитой губой, скривившегося от боли.

Я не знаю, почему моя мама не может понять. Это то, чего он хочет.

— Она виделась с ним?

Бо так долго не отвечает, что я думаю, он и не собирается этого делать. Он смахивает неопрятный слой почвы в горшках, растирает сухие коричневые листья растения между большим и указательным пальцами.

— Пока я был в Калифорнии, продавал урожай.

— Она сказала тебе?

Выражение его лица мрачнеет.

— Думаешь, я бы, бл*дь, позволил ей жить здесь, если бы она мне сказала? Я услышал это от одного знакомого парня. Она говорит, что это чушь собачья.

— Ты ей не веришь.

— Я еще не принял решения. Но ты знаешь, что произойдет, если я узнаю, что она встречается с ним за моей спиной.

*Бл*дь. Да.*

Я знаю, что произойдет.

Он выпшвырнет ее на улицу, и это будет заслужено.

И Фрэнки тоже. Бо не собирается воспитывать девятилетнего ребенка, который ему не принадлежит. Не без моей мамы в его постели.

Он поворачивается ко мне. Подходит ближе, кладет руку мне на плечо.

— Я бы хотел, чтобы все было не так, — говорит он.

Я не могу смотреть на него. Я смотрю на звезды и докуриваю сигарету.

Это груз прошлого, подвешенный над нашими головами на потертой веревке.

Это женщина, держащая в руке нож, один порез, который может все для меня испортить. Погубить Фрэнки. Погубить Бо. Погубить ее.

Это так, и я ничего не могу с этим поделать.

Фрэнки бросается на спинку дивана, ее предплечье прижимается к моему горлу.

— Тебе действительно нужно ехать?

Я откидываю голову назад и хватаю ее за талию, чтобы перевернуть к себе на колени.

В воздухе она кажется такой легкой, ее кости тонкие, как у птицы. Я щекочу ее, пока она не начинает визжать.

— Прекрати, Уэст! Клянусь Богом, прекрати, прекрати, пожалуйста! Уэст!

Я сдаюсь, и она отползает от меня.

Мама и Бо оба на работе. Этим утром здесь только Фрэнки, я и автобус, на который мне нужно успеть, если я собираюсь вернуться в Патнем.

Я уезжаю, но не думаю, что буду отсутствовать долго.

С той ночи в теплице с Бо я слышу, как тикают часы. Стрелки летают по циферблату, как в каком-нибудь фильме, размываясь, смешиваясь, пока время не станет тонким, как папиросная бумага.

Глаза моей матери никогда ни на чем не задерживаются надолго. Движения нервные, ответы уклончивы.

Через несколько недель или месяцев, если мне повезет, мне позвонят, и я брошу все и полечу домой. И правда в том, что мне вообще не нужно ехать в Патнем.

Мне никогда не нужно было этого делать.

Уезжая в колледж, я сказал себе, что делаю это для Фрэнки и мамы, но я мог бы лучше заботиться о них, если бы остался здесь. Поступил бы в общественный колледж. Присматривал за Фрэнки, не пускал моего отца в тот трейлер.

Я поехал в Патнем, потому что мне этого хотелось.

Я хотел знать, кем бы я мог быть, если бы не был привязан к этому месту. Чего я мог бы добиться самостоятельно.

«Все, что угодно», — сказала бы мне Кэролайн. «— Ты можешь сделать все, что угодно».

Она в это верит.

Кэролайн никогда не могла понять, насколько эгоистичной может быть подобная мысль. Как я эгоистичен из-за того, что уехал и собираюсь уехать снова, когда знаю, как здесь обстоят дела.

Фрэнки улыбается мне, тяжело дыша, ее ключицы выглядывают из выреза рубашки, нижняя губа потрескалась, зубы немного великоваты для ее лица.

У нее черные круги под глазами, длинные серьги свисают почти до плеч.

Ей девять лет.

Ей нужен кто-то, кто установит границы, отправит ее в постель, скажет, чтобы она повесила трубку и умылась.

Ей нужно, чтобы я заставлял ее делать домашнюю работу и управлять мамой, которая может сойти за порядочного родителя только в том случае, если рядом есть кто-то, кто заставит ее работать над этим.

Она нуждается во мне.

Во мне вспыхивает негодование, темное и ядовитое.

Хотел бы я знать, как ее вернуть. Если бы я знал, как перестать беспокоиться стать таким же, как мой отец, тогда я мог бы поехать в Патнем и остаться там. Отправлять Фрэнки лишь открытку на ее день рождения.

Я мог бы превратить себя в Уэста для Кэролайн, с широкими горизонтами и бесконечными возможностями.

— Я буду скучать по тебе, — говорит моя сестра.

Сжав кулаки, я вынужден закрыть глаза.

Я бы не оставил тебя здесь, если бы мог.

Я бы хотел забрать ее. Я хотел.

Но я открываю глаза, открываю рот и говорю ей:

— Я тоже буду скучать по тебе. Я буду дома через несколько месяцев. Тогда я отвезу тебя куда-нибудь. Может быть, в Портленде.

— В самом деле? А как насчет Сан-Франциско? Кейша говорит, что там водятся морские львы, и там есть магазин, где продаются все виды шоколада. Вот куда мы должны поехать.

— Да, я думаю, мы могли бы поехать в Сан-Франциско. Может быть, по дороге отправимся в поход. Посмотрим на секвойи.

— В поход? Ни за что. Кемпинг-отстой.

— Когда ты была в походе?

— Я знаю об этом! Ты спишь в палатке и не принимаешь душ, а на твою голову падают пауки. Нет, спасибо.

Я тоже никогда не был в походе. Но кто возьмет ее, если не я?

— Мы могли бы развести костер. Сделать сморсы. Мы нашли бы место, где можно остановиться и принять душ.

— Костер — это хорошо, — говорит она. — И душ. И тебе пришлось бы убить всех пауков.

— Я могу с этим справиться.

Со всем, с чем нужно справиться — с пауками, кошмарами, домашними заданиями, отцами, — я справлюсь.

Какой у меня есть выбор?

Я встаю.

— Обними меня на прощание.

Она встает и обнимает меня.

Я целую ее в макушку. У нее мягкие волосы. Пахнут ванилью, и вся обида во мне уходит, смывается, как будто ее никогда и не было.

Мы вместе идем по подъездной дорожке. Она болтает о Сан-Франциско.

Она наблюдает за мной с дороги. Машет всякий раз, когда я оборачиваюсь.

Она принадлежит мне. Я ничего не могу с этим поделать.

До города пять километров, но мне везет, и я ловлю попутку с одним из соседей Бо за рулем.

Я смотрю в пассажирское окно на пейзаж, белый и желтый, бежевый и коричневый, на открытое и безгранично голубое небо.

Это не похоже на Айову. Это похоже на меня. Эти цвета, из которых я сделан, грязь этого места в моих костях, ил вокруг моего сердца.

Я не могу продолжать быть двумя людьми. Часы идут, мое время почти истекло, и я не позволю себе водить Кэролайн за нос, не позволю ей думать, что я какой-то другой парень, какая-то версия себя из Айовы, когда это не так. Я не могу быть таким.

Я принадлежу Фрэнки.

Я не могу быть с Фрэнки и с Кэролайн. Я бы хотел, но нет смысла желать.

Каждый раз, когда я целовал Кэролайн, я притягивал ее все глубже. Все глубже и глубже, пока я не вернулся домой, взяв ее образ с собой.

«— *Которая симпатичная*», — сказал я матери.

Я сидел на диване Бо в темноте и сказал Кэролайн: «— *Я хочу быть внутри тебя. Я хочу, чтобы ты была здесь.*»

Но я притворился. Нет такого мира, в котором были бы Фрэнки, моя мама и Кэролайн, и все они принадлежали бы мне.

Я все испортил. Вот к чему все это сводится. Отвратительный гребаный беспорядок. Кэролайн во мне, и теперь я должен вырезать ее.

ЯНВАРЬ

Кэролайн

Зимние каникулы тянулись бесконечно. Я спала допоздна и прохаживалась по дому в тапочках. Весь остальной мир работал, работал продуктивно, но мне нечего было делать.

Я сыграла шесть миллионов раз в «Сапера», так что... да, я даже не знаю. Очевидно, что есть игры и получше. Я не могу заставить себя посвятить себя чему-то, что включало бы более одного уровня или какую-то сложную стратегию.

Быть дома было невыносимо. Рождество на Карибах вымотало меня. Приходилось так много улыбаться. Говорить о своих занятиях, друзьях, интересах и никогда не упоминать Уэста или пекарню, Нейта или фотографии, ничего из этого.

Хранить секреты — это утомительно. Когда вся твоя жизнь превращается в тайну, что тогда?

Я рассказала отцу о регби. Ему не нравилась мысль о том, что я буду заниматься этим видом спорта

— Тебе надо играть в гольф, — сказал он.

— Папа, я ненавижу гольф.

— Что плохого в гольфе?

Гольф навел меня на мысль о Уэсте. Он работающий на поле для гольфа, вручающий кому-нибудь клюшку номер девять. Он водящий гольф-кар и носящий что-то вроде униформы — накрахмаленную рубашку поло, шорты цвета хаки.

Я углубилась в Гугл-карты, ища поля для гольфа в Орегоне, пытаюсь угадать, на каком из них работал он.

Пришли мои оценки. Две пятерки, две пятерки с минусом. Папа повесил их на холодильник.

Он спросил, собираюсь ли я встретиться с Нейтом, и когда я напомнила ему, что мы расстались, он сказал: «— Может быть, лучше не сжигать этот мост».

Очевидно, что я не позвонила Нейту, чтобы встретиться. Вместо этого я вздремнула четыре часа.

На Новый год папа пригласил меня на ужин и устроил грандиозное событие, позволив выпить бокал шампанского. На следующее утро он дал мне свою кредитную карточку, чтобы я купила себе «что-нибудь вкусненькое». Потому что у меня были хорошие оценки. Потому что он так гордился мной.

Когда я показала ему кашемировый свитер, купленный в торговом центре, точь-в-точь такого же оттенка, как глаза Уэста, он поцеловал меня в висок, погладил по плечу и оставил в комнате смотреть плохие фильмы.

Ночью, когда папа уже давно уснул, я лежала в свете телевизора и ждала звонка Уэста.

Я задремала.

Но когда зазвонил телефон, я проснулась. Что заставило меня рассмеяться. Я жаждала. Тосковала.

Я вспыхнула, впиваясь зубами в большой палец и прошептала слова, которые, как мне

казалось, никогда не будут принадлежать мне.

— Хочу тебя. Нуждаюсь в тебе. Внутри меня. Боже, Уэст.

Он говорил мне то, что хотел, чтобы я сказала. Грязные вещи, которые почему-то не были грязными с ним, они были просто правдой. Они были настоящими. Он говорил мне, а я говорила ему. Все, что он хотел.

Но были слова, которые я не произносила.

Я скучаю по тебе.

Я люблю тебя.

Должно быть, я думала, что у меня будет время для этого позже. После каникул, когда я снова увижу его, мы будем другими. Мы будем близки — так же близки, как и по телефону. Мы были бы настоящими.

Я еще не усвоила, что когда вся твоя жизнь — обман, реальность — это не то, что происходит с тобой.

Когда вы окружаете себя ложью, все реальные вещи начинают ломаться.

Я возвращаюсь в Патнем всего на час, прежде чем отправиться в квартиру Уэста.

Ничего не могу с собой поделаться. Мне нужно его увидеть.

Вчера вечером я хотела встретить его в аэропорту, но он оставил машину в Де-Мойне и возвращался поздно. Поэтому я проследила за его полетом и увидела, когда он приземлился, в двадцати минутах езды от меня, в Анкине. Я представила себе, как он едет в Патнем один в темноте.

Этим утром я пообещала отцу, что останусь на обед после того, как мы с сестрой ходим в свадебный магазин за платьем. Жанель безжалостно допрашивала меня о парнях, желая знать, закончила ли я с Нейтом.

— Тебе стоит подумать об отношениях с новым парнем, — повторила она по меньшей мере шесть раз. — Нехорошо сосредотачиваться только на учебе.

Папа же сказал, что я не должна ни во что ввязываться.

Все это время я думала о Уэсте в часе езды отсюда. Почти так близко, что можно было дотронуться.

Мне хочется перепрыгнуть через две ступеньки пожарной лестницы за раз, но я останавливаю себя. Они обледенели. Я стучу в дверь, задыхаясь, сердце колотится. Я представляла себе этот момент неделями. Все каникулы прошли в ожидании этого воссоединения, этого поцелуя. Уэст прижимает меня к стене. Вдавливая в меня свой вес, свои бедра. Я пробегаю руками по его рукам и спине. Теряюсь в нем так же уверенно, как весь месяц терялась в собственной голове.

Но когда он открывает дверь, все оказывается совсем не так, как я себе представляла.

Его лицо ничего не выражает. Такое же пустое, как небо, такое же серое и холодное.

Я жду, что он поймет, что это я, чтобы смягчиться, но он просто говорит:

— Привет, — и тогда я понимаю, что он узнал меня. И это мой прием.

Он не отступает в сторону, чтобы впустить меня. Он одет для работы в ресторане — черные брюки, белая рубашка на пуговицах, начищенные до блеска черные туфли. Такой красивый, что немного страшно.

— Привет. Ты вернулся.

У меня есть непреодолимое желание проверить дверь, убедиться, что я нахожусь в нужной квартире. В правильном измерении.

— Я вернулся.

— Хорошо долетел?

Ах. Мы уже должны были целоваться.

Он отворачивается и достает из шкафа пальто.

— Все было прекрасно. Мне нужно идти на работу.

— В четверг?

— Я взял смену.

— Можно я пройду с тобой?

Он пожимает плечами, как будто для него это ничего не значит.

Я сбита с толку. Только вчера вечером он сказал, что хочет войти в меня, трахнуть жестко, пока мы оба не будем дрожать от удовольствия, а потом он хотел сделать это снова, медленно, потно, дрожа, и смотря, как я кончу.

Он так и сказал. Я ничего не выдумывала.

Когда он проходит мимо, от него пахнет шерстью и мятой, и он даже не смотрит мне в лицо.

Я спускаюсь за ним по ступенькам.

Он надел шапку, которую я никогда раньше не видела, в черно-темно-серую полоску. Я смотрю на то место, где она встречается с его затылком. Мои пальцы чешутся дотронуться до него там.

Его настроение удерживает меня от этого. Его настроение — это реальная вещь, разделяющая пространство между нами.

«Уходи», — говорит его настроение, и это напоминает мне о других случаях, когда он был таким. Несколько недель назад.

Я почти забыла. Все правила, которые были между нами, думаю, они были приостановлены из-за каникул. Наш разговор о прикосновениях, о желании, о грязных мыслях, которыми мы обменивались, заставил меня забыть.

Не знаю точно, каковы сейчас правила, но знаю, что какими бы они ни были, они полностью действуют.

— Что случилось?

— Ничего.

— Неужели? Ты кажешься каким-то отстраненным.

Он поворачивается ко мне, глубоко засунув руки в карманы. На мгновение все его лицо искажается.

— Наверное, мне не очень хочется разговаривать.

Но тебе хотелось поговорить прошлой ночью.

Ты довел меня до двух оргазмов, прежде чем мы закончили разговор по телефону.

Я слышала, как ты кончил.

Что, черт возьми, с тобой не так?

Наверное, мне следует выбрать одну из этих вещей и сказать ее. Но я только что провела месяц дома, не говоря ни слова из того, что действительно чувствовала. Уэст был единственным человеком, которому я открылась, но даже с ним я подвергала себя цензуре.

У меня образовался комок в горле.

Мы подходим к перекрестку. Куча обледеневшего снега доходит мне до пояса, но в ней есть прорезь, и мы проходим через нее. Ресторан находится в полквартале справа.

На улице темнеет, хотя еще только четыре часа. Мир кажется тусклым и угрожающим. Мимо проезжает машина, и хруст ее шин звучит как угроза.

Холодно. Так холодно.

— А что ты будешь делать потом?

— Я работаю допоздна.

Он не говорит, когда будет дома. И меня не приглашает.

Эта штука, которую он делает со своим лицом — это трюк. То, что он умеет делать в совершенстве. Это сводит меня с ума, потому что я не умею так прятаться, и я не сделала ничего, чтобы заслужить его отступление.

Это заставляет меня вспомнить тот день в библиотеке, когда я попыталась дать ему пощечину.

Таким, каким он был в тот день. И я. Мы оба были там в тот день, сердитые, напряженные, импульсивные, настоящие. В то время как этот... этот Уэст ведет себя как мудака.

— Какое у тебя расписание занятий в этом семестре?

Еще одно пожатие плечами.

— Мне надо проверить. Я его не запомнил.

В этой фразе слышится легкая насмешка.

Я не запомнил его наизусть, в отличие от тебя.

Уэст никогда раньше не насмехался надо мной.

Он дразнил меня, бросал мне вызов, соблазнял меня, но он никогда не насмехался надо мной.

Что-то здесь действительно не так.

Я собираю все свое мужество и хватаю его за рукав пальто, заставляя остановиться прямо посреди тротуара.

— С тобой что-то случилось? Вчера вечером или на обратном пути?

Это рискованно, но у него должно быть оправдание. Объяснение. Должно быть.

— Я же сказал, ничего не случилось.

— Тогда почему ты так себя ведешь?

— Как?

Я нажимаю на его бицепсы кончиками пальцев, глядя на его пустое лицо.

— Вот так.

Он закатывает глаза. Он смотрит на небо, как будто я ему надоедаю. Какая-то случайная, беспокойная девчонка.

— Мне кажется, у тебя неправильное представление о нас.

— Что это значит?

— Появление в моей квартире. У нас такого не будет.

У нас такого не будет.

Вот к чему он клонит. Такова его цель.

— Ты отталкиваешь меня.

Он по-прежнему не смотрит на меня, и поначалу я думаю, что это способ для него притвориться, что я становлюсь предсказуемо плаксивой, женская театральность в полном действии, за исключением того, что его глаза блестят. Его кадык дергается, когда он сглатывает.

Его голос хриплый, когда он говорит мне:

— Просто я буду занят. — Он откашливается и продолжает: — В этом семестре у меня восемнадцать зачетов плюс дополнительная смена в пекарне, и я не думаю...

— Кем ты себя возомнил?

— Что?

— Ты тот самый человек, с которым я разговаривала по телефону прошлой ночью? И позапрошлой, и поза позапрошлой ночью, и много дней до этого, когда дом был пуст, а Фрэнки в школе? Это был ты или какой-то другой парень, который говорил так же, как ты?

— Ты же знаешь, что это был я.

— Так что ты хочешь этим сказать?

Он скрещивает руки на груди. Совершенно не в силах смотреть на меня.

— Я говорю, что хочу отказаться от этой затеи.

— Этой затеи.

— Нас.

— Ты бросаешь меня?

— Мы никогда и не встречались.

Слова падают на землю между нами, и я смотрю на то место, где они приземляются, прямо перед его ногами. Замерзшая серая слякоть. Уэст стоит, напрягшись, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, дверь ресторана в паре метров от него светится, как маяк.

Он все спланировал. Он был готов к этому.

И он все еще делает действительно ужасную работу, притворяясь, что ему наплевать.

Мы никогда и не встречались.

Мы не друзья.

Менее сорока восьми часов назад он сказал мне, что хочет ласкать языком мой клитор до тех пор, пока мои бедра не задрожат. Не знаю, что изменилось. Что-то. Он не удосужился сказать мне об этом.

Потому что, в конце концов, когда он вообще утруждает себя тем, чтобы что-то мне рассказать?

Я должна злиться, но я так удивлена и так чертовски разочарована. Думала, что сейчас окажусь в его постели. Думала, что мы будем улыбаться, обнаженные, надевая презерватив, чтобы я наконец-то почувствовала его внутри себя.

Вместо этого он так далеко, что я даже не могу найти его в его собственном лице.

— Верно, — медленно говорю я, глядя на эти пять жалких слов на земле. — Мы никогда и не встречались.

Он бросает взгляд на ресторан позади себя.

— Мне пора идти.

Я должна позволить ему.

Должна сказать ему, чтобы он пошел к черту.

Но мне нужно что-то, какая-то нить, за которую можно ухватиться, какая-то идея, что будет дальше. Поэтому я спрашиваю:

— Мы увидимся? В пекарне, или ты придешь в субботу на регбийную вечеринку, или...

— Уверен, что еще увидимся.

— Ага. Отлично. Это просто чертовски здорово, Уэст.

Его брови нахмурились, как будто я немного его достала.

Может быть, это потому, что слезы оставляют горячие дорожки на моем лице, скапливаясь под челюстью.

Может поэтому.

— Отличной смены, — говорю я ему. — Еще увидимся. Хорошо, что мы не друзья, иначе, возможно, я бы скучала по тебе. Или что-то большее, чем друзья, хорошо, что мы не встречались, иначе меня бы сейчас выпотрошили. Только, знаешь ли, это не так. Мы встречались. Очевидно. Это настолько очевидно, что я не знаю, почему я не получила записку об этом. Может быть, все дело в сексе по телефону, затуманившем мой глупый женский мозг. Или, черт возьми, может быть, это были все те часы, которые мы провели вместе в пекарне, общаясь, или то время, когда я спала в твоей постели и плакала у тебя на коленях на полу в ванной. Я просто запуталась в том, кто мы такие. Я не получила записку.

— Кэролайн...

Я делаю шаг назад, теряю равновесие, оступаю и падаю на спину. Боль вызывает еще больше слез. Когда Уэст протягивает мне руку, я отталкиваю ее.

— Нет. Я в порядке. Приятного вечера.

Я неуклюже поднимаюсь, и, если его глаза наконец-то оттаяли, если выражение его лица наполнено таким же страданием, как и у меня, черт возьми, я не собираюсь позволять этому иметь значение.

Я собираюсь уйти от него, прежде чем все это настигнет меня.

Я быстро иду, а потом начинаю бежать трусцой, потому что боюсь, что, если позволю себе почувствовать все, что есть во мне прямо сейчас, мне придется смириться с тем, что он специально разбивает мне сердце, и он, черт возьми, не скажет мне почему.

О регбийной вечеринке ходят легенды.

На самом деле, она делится на три раунда. Сразу после ужина в «Ролинз лаундж» начинается предварительная вечеринка, назначенная только для команды. В девять в «Миннехан» начинается вечеринка для всего кампуса, которая всегда забита телами, потому что регбийная команда устраивает первую большую вечеринку после зимних каникул, играет лучшую музыку и там никогда не кончается пиво.

В промежутке между двумя раундами, — вот почему это легендарно, — конкурс «минетов».

В прошлом году я его пропустила. Наверное, я училась. Но на этот раз нет никаких сомнений, что я пойду. Я помогла Куинн с планированием, появилась, чтобы украсить «Миннехан» вырезанными из бумаги свирепыми женщинами, играющими в регби, и такой огромной фреской на стене, которая, по-моему, должна была быть изображением схватки в натуральную величину, но в итоге выглядела как гигантская лесбийская оргия, сплошные языки и руки. На самом деле нам просто повезло, что никто из колледжа не обращает внимания на украшения, поэтому вау.

Вау.

Куинн говорит, что собирается сохранить ее и повесить в своей комнате в общежитии после вечеринки.

Я приготовила соус с сыром и сальсой и чипсы, но никто не голоден. Они хотят пить. Куинн принесла одиннадцать литров фруктового пунша и три бутылки водки. Мы смешиваем напитки прямо в красных пластиковых стаканчиках. От моего у меня болит живот, с водкой всегда так, но я потягиваю его, стоя в сторонке и наблюдая, как танцуют остальные.

Я не хочу слишком много пить. Боюсь, что сделаю какую-нибудь глупость, например, появлюсь у двери Уэста и накричу на него.

Например, скажу ему, что, хотя я знаю, что у него нет времени на вечеринки, и он хочет отказаться от этой затеи. Я бы хотела, чтобы он был со мной сегодня вечером.

Чтобы я могла его ударить.

А потом, наверное, поцеловать.

Я бы с удовольствием выпила шесть шотов подряд, но это было бы глупо. И вот я здесь, медленно и осторожно потягиваю свой одинокий стаканчик пунша, как хорошая маленькая девочка, и когда Куинн пытается уговорить меня присоединиться к ней в танце, я просто улыбаюсь и говорю:

— Нет, спасибо, я просто постою и посмотрю.

Я буду смотреть, как Бриджит и Кришна смеются вместе в другом конце комнаты, мои друзья, которым официально не положено быть здесь, за исключением того, что они помогли нам с Куинн все устроить, и на самом деле это никого не волнует. Буду смотреть, как Куинн колышется, притворяясь медузой, потому что это ее назначенная тема танца. Буду следить за дверью, даже если он не придет. Я буду стоять здесь и смотреть, как моя жизнь проходит мимо меня, потому что я хорошая дочь, организатор вечеринок, трусливая трусиха, которая следует правилам. И судя по тому, как идут дела, это все, чем я когда-либо буду.

Мы покидаем разгромленную гостиную, надеваем куртки и шапки, наматываем шарфы и, спотыкаясь, выходим в пасмурную ночь. Температура выше нуля, снег густой и слякотный. Мы тащимся к полю для регби вдоль железнодорожных путей к месту за «Миннехан», которое мы с Куинн старательно расчистили ранее. Двенадцать метров свободной от снега дорожки, сверкающей параллельными линиями.

Вокруг уже толпятся люди, в основном друзья игроков, подружки, бойфренды. Когда мы достаем бутылки из рюкзаков и одноразовые стаканчики, чтобы выстроить их вдоль путей, толпа растет. У меня есть матерчатый конверт, полный денег. Я должна быть на контроле налички, но, когда Куинн опускается на колени рядом с рельсами и говорит:

— Давайте, девочки. Постройте их!

Я больше не хочу этого делать. Не хочу только наблюдать.

Я нахожу в толпе голову Кришны и подзываю его к себе.

— Ты отвечаешь за наличку, — говорю я, вкладывая ему в руку конверт.

— Только если ты сделаешь это бесплатно.

— Ладно. Ты можешь быть моим первым. — Я ловлю взгляд Куинн. — Я хочу участвовать в этом деле.

— Мило! У нас есть еще одна вагина-а-а!

Мысль о том, что я девственница по части «минетов», явно смешна, но здесь надо мной никто не насмехается.

Она освобождает место рядом с собой, достает мне рюмку и ставит передо мной.

— Хорошо! — кричит она, и толпа начинает собираться вокруг нас. — Вы все знаете, как это работает! За десять баксов вы получаете два «минета» — один для себя, другой для потрясающей, надирающей задницу регбистки. Вы платите девушке, она позволяет засунуть десятку ей под рубашку, и все это очень извращенно. Мы все начинаем по свистку. Напиток стоит на рельсах, и вы должны выпить его без помощи рук за одну попытку. Если вы подавитесь или выплюнете, как неудачник, идите в конец очереди. Если ваша регбистка подавится или выплюнет, вы можете получить свои деньги обратно. Если вы оба плотаете,

как большие детки, вы можете заплатить еще десять и пойти снова, если хотите. Вы все знаете Кришну?

Глаза обращены к Кришне. Головы кивают.

— Правильно. Все знают Кришну. Если вам нужен еще шанс, поговорите с Кришем. А еще я назначаю его засранцем-рефери. Предполагается, что это весело, собирать деньги на регби. И да, шоты называются «минетом». Да, это всегда так неприлично. Но если вы переступите черту от веселья и игр к облапыванию, обзывательствам или любой другой форме мелкого придурка, Криш даст вам пинка, и дюжина взбешенных регбисток поддержит его. Это безопасное место. Для каждой из них. Поняли?

Снова кивки и одобрительные возгласы. Толпа счастлива, мы счастливы. Мы не единственные, кто устроил предварительную вечеринку.

— Хорошо! Давайте сделаем это! Где мой свисток?

Каким-то образом у Бриджит есть свисток. Первый ряд платит свои деньги и опускается на колени.

— Руки за спину! — кричит Бриджит.

Я засовываю пальцы в задние карманы, чтобы не поддаться искушению.

Кришна подмигивает мне.

— Высосите их без остатка, девочки! — наставляет Бриджит и дует в свисток.

Я опускаю голову. Мне неудобно опускать ее на уровень рельсов, и мне приходится широко раскрыть челюсть, чтобы обхватить ртом рюмку. Достаточно широко, чтобы вызвать боль. Когда я сажусь, что-то мелькает в моем периферийном зрении, камера, или фонарик, или просто мерцающий свет.

Я вижу себя со стороны. Голова запрокинута назад. Глаза закрыты.

Шот скользит мне в горло — Бейлис, Калуа, взбитые сливки. Жгучий и холодный одновременно, чужой и тревожный. Я подавляю рвотный рефлекс. Мои глаза наполняются слезами. Невозможно не вспомнить руки в моих волосах, тянущие слишком сильно. Член Нейта, засунутый мне в горло глубже, чем я хотела бы, и то же самое ощущение прямо на грани рвотного позыва.

Это не смешно. Совсем не смешно.

Но когда я сглатываю и поднимаю голову, никто не держит меня. Справа от меня Куинн. Слева Бриджит со свистком, улыбается. Кришна напротив меня со взбитыми сливками на груди своего черного пиджака, хрипящий от смеха.

— Это чертовски мерзко, — говорит он.

— Ты проиграл! — насмехается Куинн. — В конец очереди.

Это самое странное, потому что я не пьяна, не травмирована и не сумасшедшая.

Я не тупая киска, не шлюха, не фригидна, не разочарование.

Я всего лишь девушка, которая выпила шот с железнодорожных путей, давая пять своим друзьям, наслаждаясь теплом, распространяющимся по горлу и животу.

Это глупо. Но со мной все в порядке. На самом деле я даже счастлива.

Следующая пара шотов — это парни, которых я не знаю. Я глотаю второй, но давлюсь третьим, и этот парень отмахивается от денег, когда я пытаюсь их вернуть. Я позволяю ему купить еще один раунд, хотя он и не должен этого делать. Он давится и размазывает беловато-желтую жидкость по всему подбородку, что достаточно отвратительно, чтобы мы оба расхохотались.

— Я Аарон, — говорит он, протягивая мне руку.

Я пожимаю ее. Она липкая.

— Кэролайн.

Он улыбается.

— Знаю.

Я решаю, что он имеет в виду именно то, что сказал. Он просто знает мое имя. Без намек на что-либо похуже.

— Может быть, увидимся на вечеринке позже, — говорит он мне, когда встает.

Может быть, так и будет.

После него бедра, которые опускаются передо мной, принадлежат Скотту.

Скотт, которого я встретила на игре в регби.

— Привет, — говорит он.

— Привет.

— Рад видеть тебя здесь.

Я смеюсь над этим. На самом деле я даже фыркаю. У меня было... ох-ох. Несколько напитков. *Пять. Или шесть?* Они не очень большие. Куинн научила нас готовить их с большим количеством взбитых сливок и не так много опьяняющего вещества, потому что несколько лет назад одна из регбисток попала в больницу с алкогольным отравлением. Мы должны время от времени сменяться, но я все еще в порядке. Более чем в порядке.

— Ты думал, что не увидишь меня?

— Эм ... — его глаза скользят к моим. — На этот вопрос есть правильный ответ?

— Платите, люди! — кричит Бриджит. Скотт протягивает руку, из пальцев торчит десятидолларовая купюра.

— И куда же мне это положить?

У меня из кармана торчат деньги, а двадцатка, прилепленная к шее, тычется мне в ухо. Я смотрю в небо, изображая раздражение.

— Куда хочешь, большой мальчик.

Мы оба смеемся.

Он кладет ее мне в карман.

Он тоже сегодня пьет?

Интересно, почему он здесь?

А если он пришел, думая, что увидит меня? Если он с нетерпением ждал этого?

Один из игроков ставит передо мной шот, а другой перед Скоттом.

Бриджит дует в свисток.

— ПЕЙТЕ!

Я широко раскрываю челюсть. Опускаю голову, засасываю мой шот, опрокидываю его назад. Мои глаза больше не щиплет. Мои губы липкие и сладкие, руки холодные от долгого пребывания за спиной без движения. Скотт тоже опрокидывает свой и достает из бумажника еще десятку.

— Я могу сделать это снова? — спрашивает он.

— Можешь.

— О, это большая честь для меня.

Я лучезарно улыбаюсь ему.

— Это определенно привилегия. И это ради благого дела.

На этот раз он прячет деньги в мою куртку. Она застегнута на молнию до моего шарфа, так что, когда он обхватывает пальцами воротник, всего на секунду, он касается совершенно

невинного кусочка ключицы примерно в двенадцати сантиметрах к северу от моей груди. Да и то через пару слоев одежды.

Но наши глаза встречаются, и я знаю, что он сделал, и он тоже.

Свист.

— ПЕЙТЕ!

Этот шот идет не так хорошо. Я начинаю задыхаться, и мне на секунду приходится ухватиться за рельсы, втягивая воздух через нос. Боковым зрением я замечаю какое-то беспокойство. Движение. Всплеск агрессии.

— Не твоя очередь, чувак, — слышу я голос Кришны.

— Я иду еще раз. — Скотт.

— Мне все равно.

Я знаю этот голос. Поднимаю глаза и вижу Уэста, стоящего на одном колене напротив меня.

Должно быть, он протиснулся в начало очереди. Ворвался прямо сюда и вытеснил Скотта, что совершенно недопустимо. Если бы это сделал кто-то другой, Кришна вышвырнул бы его вон, но это Уэст, а они друзья.

Уэст есть Уэст, и у него есть что сказать. Бог знает, что.

Его челюсть сжата. Между его бровями пролегла морщинка, рот стал жестким.

Интересно, как долго он наблюдает и какое, по его мнению, право имеет здесь находиться?

Мускул на его челюсти напрягается, зубы скрипят.

— Ты здесь, ради «минета»?

— Нет.

Я скрещиваю руки на груди и надуваю губы.

— Ну, «минет» — это то, что нам предлагают. Ты участвуешь или нет?

Кто-то проскальзывает по рельсам в пространство перед ним.

— Плати! — кричит Бриджит.

Уэст хмурится, открывает бумажник, достает банкноту.

Он протягивает ее мне.

— Ты должен засунуть ее куда-то сам.

— Я этого не сделаю.

— Все так делают.

Он колеблется, и я думаю, что он не будет этого делать. Он, кажется, обеспокоен всем этим, не уверен.

Я тоже не уверена, но хочу сказать ему, что иногда просто нужно доверять тому, что чувствуешь. Вы должны верить, что счастливые вещи могут сделать вас счастливыми, а неправильные вещи лишь кажутся неправильными.

Я хочу сказать ему, что сегодня вечером он должен доверять мне, что я знаю, чего хочу, вместо того чтобы решать за меня.

Он не отвечает за меня. И никогда не отвечал.

Мы никогда и не встречались. Мы не друзья.

И я не проводила каждый час с ним с тех пор, как в последний раз видела его две ночи назад, чувствуя себя разбитой, разъяренной, преданной.

Позади него ждет Скотт. Обнадеживающий Скотт. Хороший, обычный, возможный Скотт. Парень, которого я могла бы отвезти домой, чтобы познакомить с отцом. Должно

быть, он проделал весь этот путь от Картера сегодня ради меня.

Жаль, что Скотт не тот, кто мне нужен.

Я протягиваю руку, хватаю Уэста за запястье и прижимаю его руку к своей груди.

— Это хорошее место.

Наши глаза встречаются. Он засовывает купюру мне под рубашку, в декольте, его длинные пальцы набивают ее, как взрывчатку.

Я не была так близко к нему с самых каникул. Только во сне. Только в моей постели в темноте, вспоминая звук его голоса в моем ухе, жар его тела, скольжение его языка.

Раздается свисток.

— ПЕЙТЕ!

Не сводя глаз с Уэста, я наклоняюсь, чтобы выпить шот. Он не пьет свой. Он просто наблюдает за мной. Смотрит, как я глотаю.

Когда я открываю глаза, он все еще смотрит на меня.

Может быть, это потому, что я пьяна, но я так не думаю. Думаю, это потому, что я устала делать то, чего от меня все ждут. Устала бояться того, что может случиться.

Это уже случилось.

Поэтому я протягиваю руку через рельсы, наклоняюсь, подняв задницу в воздух, поднимаю его шот и с закрытыми глазами опрокидываю его.

Потом смотрю ему прямо в глаза и облизываю губы, медленно и соблазнительно.

И это все, что нужно.

Уэст протягивает руку, вцепляется в мою куртку и притягивает меня к себе. Мы встречаемся посередине.

Это самый непристойный поцелуй в моей жизни. Глубокий и твердый, горячий, липко-сладкий, грязный.

Оказывается, Уэсту даже не нужны слова, чтобы выразить то, ради чего он пришел сюда.

«Моя», — говорят его губы. — «Моя, моя, моя».

Но это не так. Я сама по себе. И я хватаю его за волосы, тяну, царапаю шею, наказывая за то, что он этого не понял. Наказываю его за то, что он мучил меня.

Это продолжается, и я смутно слышу, как кто-то кричит. Может быть, это были несколько человек. Мне все равно. Мои руки сжимаются. Он произносит мое имя. Поцелуи спускаются с моей шеи к горлу. Он переводит дыхание, прижимаясь лбом к моему.

А потом он встает, оставляя меня в холоде. Одну.

Он бросает свирепый взгляд на Скотта и уходит.

Только тогда я понимаю, в какой глубокой, праведной, раскаленной ярости я нахожусь.

Я в безопасности, и пьяна, и устала от мужчин, пишущих свои претензии на моем теле.

«Шлюха», — написал Нейт, и я ему поверила.

«Моя», — подписал Уэст, и я позволила ему, растаяла, отдала ему свою капитуляцию и свой язык, но теперь я злюсь. С меня хватит его дерьма. Достаточно.

Куинн у моего бедра, шлепает меня по заднице, поднимает мою руку и кружит меня. Две девушки обнимаются, целуются с языком у меня на глазах. Бриджит танцует с Кришной с пивом в руке.

Есть причина, по которой вечеринки в стиле регби популярны не только из-за «минетов», но и во многом связано с кучей рубашек на сцене у ди-джея. На нас спортивные бюстгалтеры, кружевные бюстгалтеры, сотни обнаженной плоти девушек, которые

слишком толстые и слишком тощие, и в самый раз, и никто из нас не заботится об этом. Мы здесь для того, чтобы танцевать. Мы здесь друг для друга.

Есть линейный танец. Но я не знаю шагов. Они просты, но я все время забываю о них. Врезаюсь в людей, слишком далеко закручиваюсь на повороте и теряю равновесие, но снова нахожу его. Когда я падаю, руки тянутся, чтобы обхватить меня и поднять. Тела прижимаются ко мне, обнимающее сестринство толкающихся бедер и поднятых рук, солнцезащитных очков и утиного лица, купающегося в свете диско-шара.

Я не так уж плоха, но не очень хороша. Просто живая. Просто здесь, танцую.

Я люблю всех. Все любят меня. Мы вместе — жара и пот, молодые и красивые, сексуальные. Ни одна из этих женщин не причинит мне вреда.

Я пью, и я пьяна. Я танцую и дышу, двигаюсь, живу.

Мы находимся посреди танцпола, в центре всего, и мне кажется, что я замечаю его на краю комнаты.

Ботинки и скрещенные ноги, прислоненные к стене. Прикрытые глаза. Наблюдающие.

Мне кажется, что я вижу штаны с китами на них. Ухмыляющаяся улыбка, которая знает слишком много. Ямочка, которая заставляла меня думать, что я в безопасности, хотя никогда не была в безопасности, независимо от того, насколько милы его родители или насколько хороши его манеры.

Но я злюсь, танцую, и мне все равно.

Нахрен их.

Нахрен их обоих.

— Я не хочу его видеть.

— Ш-ш-ш!

— Что?

Я обо что-то спотыкаюсь, Куинн берет меня за локоть и помогает подняться. Мы в квартире Уэста. Я все еще пьяна, но достаточно трезва, чтобы понять, что это плохая идея.

— Тебе не обязательно его видеть, — говорит Кришна. — Он спит. Держи свой рот закрытым, и все будет хорошо.

Куинн включает телевизор, и стена звука взрывается и сбивает меня с ног.

— Ого, — говорю я с пола.

— Черт! — она начинает хихикать.

Она и Кришна борются за пульт дистанционного управления. Я думаю, не уйти ли мне, но Бриджит помогает мне встать и сует мне в руку бутылку холодной воды, так что я пью ее вместо этого, закрываю глаза, смакуя каждый леденящий, утоляющий, удивительный глоток.

Звук стихает до полной тишины. Квартира пахнет как квартира Уэста, и она полна воспоминаний, которые мне сейчас не нужны, за исключением, конечно, того, что я всегда хочу их, и я всегда хочу его, и я ничего не могу с этим поделать.

По крайней мере, вода успокаивает горло. Моим чувствам придется подождать до какой-нибудь другой ночи.

Я открываю глаза, потому что теряю равновесие, что гораздо более очевидно теперь, когда мы не на вечеринке. Бриджит стоит прямо перед моим лицом, заправляя волосы за ухо, и мне приходится протянуть руку и прислониться к шкафу, чтобы ее пахнувшая пивом забота снова не сбила меня с ног.

— Зачем ты привела меня сюда? — мой вопрос должен быть шепотом, но звучит как всхлип. — Я не хочу его видеть.

— Знаю, милая. Знаю. Мы не знали, что еще с тобой делать. Мы должны отрезвить тебя. Ты вела себя слишком громко для общежития.

Она ведет меня к дивану, где уже сидят Куинн и Кришна. Когда я тоже сажусь, Бриджит кладет мою голову себе на колени и пальцами распутывает волосы. Прохладный воздух касается моей шеи. Фильм глупый, что-то с машинами и оружием. Как раз, когда мои глаза начинают тяжелеть, появляется еда, три огромных контейнера начос из пиццерии. Я опускаюсь на пол, втискиваясь между диваном и опорой журнального столика из шлакоблоков. Я запикиваю в рот чипсы, соль и сыр.

— Это о-о-очень хорошо.

— Не забывай жевать, — говорит Кришна. — Ты же знаешь, что все это всплывет позже.

— Ни за что, — говорит Куинн.

— Ты это серьезно?

Кришна и Куинн все еще мирно спорят о том, какова вероятность того, что меня вырвет до утра, когда входная дверь распаивается. Уэст несколько долгих секунд смотрит на нас с тупым удивлением, а потом Кришна говорит:

— Бл*.

— Хорошее приветствие. — Он наклоняется, чтобы снять заснеженные ботинки, и исчезает из виду. Я лежу на полу, вся в крошках чипсов и, наверное, вся вымазана сыром.

Он меня не видел. Да и мне все равно.

— Чувак, я думал, ты спишь в своей комнате, — говорит Кришна.

— Не сплю.

— Да, насколько я вижу. Ты был в баре?

Раздается глухой удар.

— Да. — Затем несколько секунд тишины и громкий треск. — Вот дерьмо.

— Ты пьян.

— Да.

Кришна поворачивается и смотрит на Куинн широко раскрытыми глазами. Она делает руками прогоняющее движение, означающее: «Уведи его в спальню». Кришна встает с начос в руке, и это неверный шаг, потому что Уэст нацеливается на контейнер и говорит:

— Ребята, у вас есть еда? — и идет к дивану.

Потом он видит меня и останавливается.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Я не хочу говорить, — отвечаю я ему.

— Ага. Держу пари. Послушай... — он обрывает себя. Смотрит на Бриджит, Куинн и Кришну. — Вы, ребята, наверное, должны отвалить на некоторое время.

— Сейчас три часа ночи, — говорит Куинн.

— И зима, — уточняет Бриджит.

Кришна скрещивает руки на груди.

— Сегодня мы несем за нее ответственность.

— Я несу ответственность, — говорит Уэст.

— Ты пьян.

— Ну и что?

— Ты даже не можешь снять обувь, не упав. Я не доверю тебе Кэролайн.

— Алло. Я здесь. Жива и здорова. Вполне способна сама принимать решения.

— Я забираю ее, — говорит Уэст.

— Я не оставлю ее, — настаивает Кришна.

— Ладно. Останься. Но мы пойдем в спальню.

— Может быть, я не хочу...

А потом я оказываюсь вниз головой, плечо Уэста сильно давит мне в живот, и я должна сосредоточиться, потому что мои глаза покалывает, и я боюсь, что меня сейчас вырвет на него.

Он поднял меня. Поднял меня с пола и перекинул через плечо.

Вот мудака.

Когда он опускает меня, я натыкаюсь на стену. Он закрывает дверь и запирает ее.

Ему не жить.

— Ты неандерталец. Ты гребаный пещерный человек. Как ты смеешь? Как ты смеешь?

Он стоит у стола, вытаскивает бумажник и кладет его в ящик. Снимает пальто. Расстегивает молнию на толстовке. Он открывает ящик стола, достает связку презервативов и кладет один в карман.

— А это для чего?

— Не беспокойся об этом.

— Не беспокоиться? Почему бы тебе не перестать вести себя как пещерный человек, который может просто поцеловать меня, когда он хочет, перекинуть меня через плечо, унести в свою комнату и достать презерватив, как будто это когда-нибудь случится, который может просто заниматься сексом по телефону со мной, а потом, когда он уже все сделал, он хочет выйти из этого и бросить меня? Как насчет...

— Кэролайн. — Он садится на кровать. Его голос медленный и успокаивающий. — Нам есть, о чем поговорить. Не могла бы ты помолчать пять минут без визга?

— Я не визжу!

Но это выходит довольно визгливо.

Я поворачиваюсь лицом к стене и закрываю лицо руками, потому что смотреть на него слишком больно.

Мне нужно злиться, потому что если я перестану злиться, то все, что останется — это разочарование и желание, а я больше не могу себе этого позволить. Они стоят слишком дорого. Они слишком долго отнимали у меня много сил.

Пружины его кровати скрипят. Даже это кажется пронзительным, звук, который я помню, когда была в его постели, его руки на мне, его рот. Мои глаза наполняются слезами, и я так разочарована собой.

— Кэролайн.

Теперь его голос раздается прямо у меня за спиной. Я уже слышала это, мое имя тихое и интимное, прямо перед тем, как он кончал. Это больше, чем я могу вынести, то, как мое сердце колотится, мое тело реагирует, даже когда я пытаюсь найти свой гнев и отогнать слезы.

— Не надо.

Но он не слушает. Он кладет одну руку на стену, а другую мне на поясницу. Он наклоняется, его рот у моего уха, тепло его тела позади меня достаточно близко, чтобы чувствовать, достаточно близко, чтобы заставить меня тосковать, достаточно близко, чтобы

притянуть меня обратно, если я позволю, если сломаюсь, если ослабею.

— Пожалуйста, — говорит он.

Раздается стук в дверь.

— Ты в порядке, Кэролайн?

Это голос Куинн. Могу представить ее, Кришну и Бриджит, выстроившихся там в очередь. Беспokoившихся обо мне.

Я думаю о сегодняшней вечеринке, о танцах, о том чувстве, что меня окружают люди, которые любят меня.

Я не слабачка. Я немного пьяна, с каждой секундой становлюсь все более трезвой, но я сильна.

Я делаю глубокий вдох и нахожу в себе силы.

Затем убираю руки от лица и поворачиваюсь лицом к Уэсту.

— Я в порядке, — кричу я достаточно громко, чтобы меня услышали. — У него есть десять минут.

— Ты уверена? — спрашивает Кришна.

— Идите посмотрите свой гребаный фильм, — говорит Уэст.

Через мгновение громкость телевизора увеличивается.

А потом мы просто смотрим друг на друга, Уэст и я. Его лицо было таким совершенно неидеальным. Этот широкий, умный рот, который может заставить меня чувствовать себя наэлектризованной, заставить меня чувствовать, что я тону, заставить меня чувствовать, что я могу жить за счет него и только за счет него.

Его рот — ложь.

Я разбираю его на части, по кусочку за раз. Подбородок, скулы, нос, брови. Эти глаза. Его зрачки расширились, светлые ободки вокруг них, темные круги внутри.

Это просто лицо. Лицо Уэста.

Его дыхание — просто дыхание, пахнущее алкоголем.

Он мужчина, стоящий передо мной. Это не та проблема, которую я должна решить. Не обязательство, не потребность, не любовь. Может быть, даже не дружба.

Я почти могу заставить себя поверить в это.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

Он открывает рот. Его глаза сужаются. Он кладет руку на затылок, опускает голову, выдыхает.

— Ага, — говорю я, потому что сейчас это легко понять. Я не уверена, то ли это ложная мудрость всех этих «минетов» и пива, то ли потому, что я была так зла, но я чувствую, что все притворство было сорвано, вся уютная ложь, за которой я пряталась, сгорела на танцполе. Я чувствую себя мудрой, и есть вещи, которые я знаю, чего раньше не знала.

Вот правда: *Уэст не знает, чего он хочет.*

— В этом вся твоя проблема, не так ли?

В прошлом месяце он произнес эту речь в моей комнате и сказал мне:

«— Я хотел тебя с той минуты, как увидел. Я хочу тебя прямо сейчас, а ты едва можешь меня выносить. Я едва выношу себя сам, так что не понимаю, почему ты терпишь мое дерьмо, но даже сейчас, когда я ненавижу себя, а ты злишься на меня, я все еще хочу повалить тебя на кровать, снять с тебя рубашку и войти в тебя. Проникнуть в тебя глубоко, а потом еще глубже, пока я не окажусь так глубоко, что уже не буду знать, кто я, а кто ты». — Он сказал это, но еще не решил, что делать. Он боится. Он все еще рисует

вокруг нас карандашные линии.

Я могла бы сказать ему, что уже слишком поздно. Уже давно было слишком поздно, может быть, с самого начала.

Вместо этого я говорю ему:

— Мне надоело ждать, пока ты во всем разберешься.

Он поднимает глаза. Они были наполнены чем-то, каким-то протестом, какой-то мольбой.

— Мне надоело, что ты ведешь себя так, будто я просто собираюсь стать тем, кем ты хочешь меня видеть. Может быть, так оно и было до сих пор. Наверное, я делала все, что ты говорил, следовала твоим правилам. Но я покончила с этим. Это не игра, и ты за нее не отвечаешь. И думаю...

— Кэр...

— Нет. Я говорю сейчас. Ты можешь подождать, черт возьми. Я была терпелива с тобой, но мое терпение лопнуло, Уэст. Ты не можешь ворваться в очередь на регби и поцеловать меня перед всеми, когда ты бросил меня, когда ты уже несколько месяцев отказываешься признать, что у нас есть что-то даже для наших друзей, а потом уйти, как будто ты сказал свое слово, и все. Ты не можешь поднять меня, перекинуть через плечо и затащить в свою комнату, как будто я не имею права голоса. И положить презерватив в карман, потому что... что? Если тебе захочется трахнуть меня позже? Мне подготовиться? Ты не должен этого делать. Ты хотел быть друзьями? Мы были друзьями. Ты хотел быть приятелями по траху, ты знаешь, я была готова к этому! Наверное, я бы слишком привязалась, разбила себе сердце, если быть честной, но что с того? Я была бы не первой девушкой в истории мира, которая позволила бы этому случиться с ней. Но ты тот, кто сказал дать тебе знать, когда я буду готова встречаться с другими парнями, и ты тот, кто бросил меня после каникул, как будто все, что мы говорили или делали по телефону, не имело значения, так что не притворяйся, что ты вообще имеешь право изображать из себя ревнивого парня, когда ты не мой гребаный парень.

Теперь я тыкаю его в грудь, и, возможно, плачу, но мы не будем рассматривать это слишком внимательно, потому что мне нужно это сделать. Это такое облегчение — выплеснуть все наружу, обвинить его, наброситься на него с этими словами, которые я слишком долго держала в себе.

— Мне очень жаль, — говорит он.

— Ты должен сожалеть. Ты вел себя со мной как придурок, и я просто принимала это. Я позволяла тебе. Но больше не позволю. Если хочешь быть со мной, решайся.

Он обхватывает мое лицо ладонями. Я ничего не слышу из-за шума крови в ушах, бешено колотящегося сердца и ярости. Не знаю, что со мной не так. Я сказала свое слово и должна уйти, но он поймал меня в ловушку, не сводя с меня глаз, и я не хочу быть где-то еще.

Все, что я сказала, правда, но я все еще хочу быть здесь.

— Ты трус. — Мой голос хриплый. Низкий. В шоке, потому что я только сейчас это поняла.

— Знаю.

— Лжец.

— Знаю.

— Ты играешь со мной.

Он качает головой.

— Нет. Я не... не хотел этого делать. Я просто не могу.

— Что не можешь?

Еще один толчок, и наши носы сталкиваются и скользят друг мимо друга. Он не целует меня. Он прижимается ко мне и трется своей щекой о мою. Царапает щетиной мой подбородок. «Ты мне нужна». Вот что он пытается мне сказать. «Я хочу тебя».

Он мне тоже нужен. И я тоже его хочу. Но с его стороны нечестно давать мне это и ничего больше. Этого недостаточно.

— Не могу, — повторяет он.

— Я даже не понимаю, о чем ты говоришь. — Я больше не звучу так резко. У меня нежный голос. Я чувствую себя нежной, потому что, Боже, я забочусь о нем, хотя это неправильно и глупо. Ему больно, и мне не все равно. — Не могу понять, потому что ты мне ничего не рассказываешь.

— Знаю. Мне очень жаль.

Теперь я отталкиваю его руки и хватаю его за голову, как он схватил мою. Я хочу, чтобы он меня увидел. Хочу, чтобы он услышал, понял. Я погружаю пальцы в его волосы, удерживаю его, заставляя выслушать меня.

— Ты мог бы мне рассказать, — говорю я. — Нет ничего такого, чего бы ты не мог мне рассказать. Боже, что угодно — ты же знаешь, что я на твоей стороне. И если бы ты просто рассказал мне... — я замолкаю, думая, на что это было бы похоже.

Я должна молчать, но во мне слишком много алкоголя, слишком много открытости, чтобы не сказать всего этого.

Я смотрю ему в глаза.

— Если бы ты просто рассказал мне, мы могли бы забраться в кровать под одеяло. Мы могли бы снять с себя все и действительно быть вместе. Глубоко, а потом еще глубже, как ты и говорил. Ты же знаешь, как это было бы, Уэст. Мы оба знаем.

— Невероятно, — говорит он.

Я опускаю большой палец вниз, провожу им по дуге его брови.

— Ага. Невероятно.

Я обнимаю его, прижимаю к себе, кладу голову ему на шею, потому что думаю, что ему это нужно. Я почти уверена, что я единственный человек в Айове, который когда-либо обнимал его, а в Орегоне, кто знает? Может быть, никто не обнимает его, кроме меня.

Я крепко обнимаю его, и он дрожит. На самом деле дрожит.

Мне его жаль. Это что-то новенькое. Думаю, это первый раз с тех пор, как я встретила его, когда я не чувствовала, что Уэст обладает всей властью, держит в руках все карты. Впервые в жизни я поверила, что он, может быть, еще больше облажался, чем я.

Я целую его в челюсть, еще раз поглаживаю его спину, она широкая, теплая и сильная, и правда в том, что я ничего не могу с собой поделать. И никогда не могла.

Но после всего этого я отпускаю его. Делаю шаг назад. А после встречаюсь с ним взглядом и поднимаю подбородок.

— Либо глубже, либо ничего, — отвечаю я. — Так что решайся.

На этот раз я та, кто уходит.

ФЕВРАЛЬ

Уэст

Январь закончился. Наступил февраль.

Я бросил продавать травку и избавился от своей заначки. Без Кэролайн пекарня была мертва. Я усердно работал, занимался, пока поднимался хлеб, слушал жужжание флуоресцентных ламп.

Это было скучно. Скучно и жалко.

Прошло три недели, с тех пор как я видел Кэролайн, и все равно она была вплетена в мою жизнь. Мои воспоминания, мои мечты, мои мысли. Оказывается, нельзя вырезать кого-то из своего сердца, просто захотев этого.

Я не хотел причинять ей боль. Не хотел передавать ей власть, чтобы уничтожить меня. Не хотел трахнуть ее и уйти, как будто это ничего не значит, как будто она ничего не значит.

Я просто хотел быть с ней. Все время. Во всех отношениях. Даже несмотря на то, что я в любой момент могу уехать, и даже несмотря на то, что я не заслуживал ее.

«Глубже или ничего» — вот что она сказала, прежде чем уйти из моей квартиры и из моей жизни.

Я был слишком напуган, чтобы выбрать. Слишком напуган, чтобы последовать за ней на улицу, сказать ей то, что она хотела услышать, упасть на колени и умолять, если придется.

Я был слишком поглощен всеми этими вопросами, на которые у меня не было ответов.

Что, если ты пойдешь за любовью всей своей жизни, и она разрушит тебя?

А что, если ты этого не сделаешь и поймешь, что уже разрушен?

А что, если нет правильного выбора? Только ты, девушка, которую ты любишь, и твой страх. Тикающие часы, мать, которой ты не можешь доверять, сестра, которая нуждается в тебе, отец, полный решимости испортить все хорошее, что тебе удалось заполучить в свои руки.

Я уклонялся от более глубокого, но никогда не задумывался об альтернативе.

Глубже или ничего.

Мой выбор должен быть сделан.

Что за придурок ничего не выбирает?

Дым наполняет мои легкие, и это было так давно, что накрывает без промедления.

Кайф — это уродство. Это усиливает мое плохое настроение, настолько, что я чувствую, как мои губы кривятся, а уголки рта опускаются вниз. Мои ноздри раздуваются.

Я делаю еще одну глубокую затяжку.

Я стою на веранде в задней части ресторана, чтобы выкурить сигарету в разгар праздничной суеты по случаю Дня Святого Валентина. Здесь холодно, звуки кухни приглушены изоляцией и деревянным сайдингом.

Чаевые сегодня хороши. Я должен был бы довольствоваться работой, но я вылезаю из своей гребаной кожи.

Я не видел Кэролайн двадцать два дня.

В окне, на фоне темноты снаружи, мое отражение смотрит на меня, злобное и ожесточенное.

Я похож на своего отца.

Я в том возрасте, в каком он был в моем первом воспоминании о нем. Он купил мне велосипед с тренировочными колесами и Человеком-пауком на сиденье. Я думал, что он чертовски потрясающий. Я имею в виду моего отца. Не Паука, хотя Паук тоже был великолепен.

Мои папа и мама всегда целовались, везде держались за руки. Когда он приходил в себя, мне не разрешалось ложиться в мамину постель по ночам. Они издавали там какие-то звуки, так что мне приходилось зажмуриваться и отгонять свои мысли прочь. Я лежал на диване под старым зеленым нейлоновым спальным мешком, потирал атласную подкладку под подбородком и думал о том, как будет здорово, когда они поженятся. Когда у меня будет два родителя.

Дети с двумя родителями жили в доме с двором. Я знал это, потому что наблюдал за детьми в школе, у которых было то, что я хотел, и главное, что у них было — это папы и мамы. Папы с работой и обручальными кольцами, которые приходили на школьные концерты с видеокамерами и махали руками.

В паре метров от меня, по другую сторону стены, изголовье кровати выбивало свой ритм. Голоса моих родителей сливались воедино, низкие и настойчивые, полные боли.

Я решил, что очень скоро заведу собаку вместе с котенком, которого папа ни с того ни с сего принес домой неделю назад.

Очень скоро все будет идеально.

Но это длилось недолго. Это никогда не длилось долго. Он спорил с моей мамой, и ей не удалось его успокоить. Он продолжал твердить о том, сколько она потратила на какую-то рубашку, которую купила. Ссора переросла в тираду о ее нытье, о ее нужде, о том, каким бесполезным гребаным бременем мы оба были.

Пьяный, он сел за руль, выехал задним ходом на дорогу, раскидывая гравий, и так резко рванул машину вперед, что переехал котенка.

Тут он остановился. Я бросился на колени рядом с машиной. Он вышел, и мы оба посмотрели на представшую картину.

Бедный гребаный котенок. Я не мог оторвать от него глаз. Моя мама стояла у двери, плача, как будто это она была той, кого он сбил, а я смотрел, как котенок пытается дышать с раздавленной грудью.

Я думал, что мы едины. Мне показалось, что он смотрит на котенка так же, как и я, пытаюсь дышать за него, пропитанный раскаянием, смятением и отчаянной, рушащейся надеждой на его спасение.

Я продолжал думать об этом. Вплоть до тех пор, пока он не оттащил его и не пнул ногой.

Тот даже не был мертв, но он пнул его достаточно сильно, чтобы тот подлетел по низкой дуге в нескольких сантиметрах над землей. Он упал в щель в соседской решетке, останавливаясь за ней, слишком далеко под трейлером, чтобы я мог дотянуться.

Он там сгниет. Хотя тогда я этого еще не знал.

«— Перестань плакать», — сказал он. «— Это просто гребаный кот».

Когда он сел в машину, захлопнул дверцу и уехал, я не испытывал к нему ненависти. Я винил во всем маму, в ссоре, в его гневе, в котенке.

Я не испытывал к нему ненависти, но впервые понял, что мы с ним не одно и то же.

Он из тех людей, которые готовы пнуть котенка.

А я — нет.

Моя мама, похоже, этого не понимала.

Сегодня утром она прислала мне сообщение: **С Днем Святого Валентина, любви всей моей жизни!**

Я крепко сжал телефон. Либо так, либо швырнуть его через всю комнату.

Любовь всей ее жизни.

Когда она с моим отцом, она его так называет. Уайатт Левитт, любовь всей ее жизни. Ее милый мужчина. Ее странник.

«— Нет ничего лучше страсти», — сказала она мне как-то. «— Тебе не понять, Уэсти, ты слишком молод, но страсть — это то, для чего мы созданы. Без нее...» — Она пожала плечами и подняла глаза к потолку, подыскивая нужные слова. «— Без нее мы просто животные».

Это о мужчине, который ударил ее. Мужчине, который разбил мне губу, когда я пытался защитить ее, потому что он хлестал ее, обзывал, бил, а она плакала и умоляла его не делать этого, не причинять ей такой боли.

Любовь всей ее жизни.

И я чертовски похож на него.

Хостес Джессика, просовывает голову в дверь.

— Шестнадцатый попросил счет, восьмой сложил меню на краю стола, а на двенадцатом я приняла за тебя заказ на десерт. Если ты не вернешься, я велю Шейле уволить тебя.

— Иду.

Я открываю наружную дверь, бросаю недокуренную сигарету на бетонную ступеньку и растираю ее ботинком.

Джессика ждет, пока не видит, что я двигаюсь, и направляется к выходу.

Я беру чек на шестнадцатый столик, принимаю заказ на восьмом, доставляю десерт на двенадцатый. Затем я проверяю другие столы. Все это время слова матери сверлят во мне дыру.

Любовь всей моей жизни.

Я посвятил почти десять лет тому, чтобы стать тем человеком, которым должен был быть мой отец, но которым он не является. Мужчиной, который поставит семью на первое место, несмотря ни на что. Будет держать их в безопасности, сытыми и счастливыми.

Я никогда не хотел быть ее любовью. Ее вид любви делает тебя слабым. Он затягивает тебя под воду.

Но сегодня, больше, чем в любую из последних двадцати двух ночей, которые я провел без Кэролайн, я не могу отделаться от мысли, что есть не один способ утонуть.

Другой официант проходит мимо меня и говорит:

— Джессика только что отдала тебе шестой.

— Спасибо.

Когда я беру кувшин с водой, то обнаруживаю свою преподавательницу экономики за столом. Пухленькая женщина, она однажды взяла с собой на учебу четверых детей и пакет пончиков с сахарной пудрой и отпустила их в городок. Сегодня она с мужем, красиво одета. Она немного хвастается мной.

— Один из моих лучших студентов в прошлом семестре, — представляет она меня и говорит, что надеется увидеть меня на своем семинаре в следующем году.

Я принимаю их заказ и желаю им счастливого Дня Святого Валентина.

Она мне нравится, поэтому я делаю усилие, чтобы разжать губы, когда говорю это.

Вернувшись на кухню, я собираю заказ и беру закуски для другого стола, на четыре персоны. Я протискиваюсь через кухонную дверь с тарелками в каждой руке, еще две балансируют на моих предплечьях, вспоминая об ужине с другой женщиной, достаточно взрослой, чтобы быть моей матерью.

Два года назад, в День Святого Валентина, я впервые переступил порог дома Томлинсонов. Миссис Томлинсон приготовила ужин при свечах в столовой, и она сказала, что заплатит мне двести баксов, если я пару часов поиграю в официанта.

Я подал еду и встал в углу, где она велела мне стоять, наблюдая, как они едят — этот человек, который взял меня под свое крыло, и женщина, на которой он женился. Его любовь.

Человек, на которого я так сильно хотел быть похож, потому что у него было все, что я хотел. Уважение, деньги, безопасность, мастерство.

Миссис Ти была одета в черное платье с низким вырезом спереди, ее сиськи наполовину свисали, бриллианты ниспадали из ушей, декольте, сверкали на пальцах. Она ворковала с мужем, рассказывая о дне их свадьбы.

— Самый счастливый день в моей жизни, — сказала она.

На следующей неделе я трахнул ее в его постели. Она хотела, чтобы я взял ее сзади. Я забрался на нее сверху и трахал ее до тех пор, пока она не сжала простыни, не выгнула спину и не кончила с кошачьим воем.

Я помню, как держал ее за бедра, толкаясь в нее. Бессмысленный поршневой кусок мяса.

Не лучше животного.

Любовь моей матери — это катастрофа, но я чувствовал себя лучше, когда встретил Кэролайн.

Я приехал в Патнем, думая, что любовь — это слабость, а секс — инструмент. Возможно, я был прав. Думаю, что при той жизни, которая у меня была, я должен был бы быть каким-то тупицей, чтобы хотя бы немного не бояться того, что я чувствую к Кэролайн.

Я беспокоился, что глубже — это подводное течение, которое отнимет у меня контроль и оставит меня таким же беспомощным и обманутым, как моя мама. Я думал, что если позволю этому случиться, если позволю себе отвлечься на Кэролайн, нарушу правила, скажу: *«К черту здравый смысл»*, то не смогу уважать себя, потому что буду ничем не лучше своего отца. Не умнее моей мамы.

Но вот я здесь, протягиваю бифштексы, салаты и пирожные с киноа одной паре за другой, улыбаюсь и веду себя очаровательно, хотя я чертовски ненавижу это, ненавижу все это, ненавижу все, когда я не с Кэролайн, и все время думаю: *что же нужно для того, чтобы я решился? Удар молотком по голове? Неоновая гребанная вывеска?*

Я люблю Кэролайн. Я хочу ее. Хочу все, что она мне даст, и это не прекратится. Это никогда не прекратится.

И я не мой отец.

Я выгляжу так же, как он, но я не он. Я знаю это уже давно.

Может быть, мне нужно вбить себе в голову, что я также и не моя мать.

Я не влюблен в женщину, которая меня не заслуживает. Я не бросаюсь на страсть,

словно это наркотик и мне нужна доза, не умоляю ее принять меня, застрелить, уничтожить, если понадобится.

Я ждал больше года, чтобы хотя бы поцеловать Кэролайн, и до этого у меня было достаточно времени, чтобы узнать, что она собой представляет.

Она хорошая. Она умная. Она чертовски свирепая.

Честно говоря, я рад, что она меня отчитала. Я вел себя как последний придурок, и она указала мне на это. Женщина, в которую я влюблен, достаточно сильна, чтобы настаивать на том, чтобы я обращался с ней так, как она того заслуживает.

А я — слабак. Я ничего не рассказывал ей о себе, о своей жизни, о своей семье, потому что боялся, что она использует это против меня. Разберет меня на части. Разрушит.

Но зачем ей это делать? Она не мой отец. Не мой враг.

Она Кэролайн.

Три недели без нее научили меня тому, что я должен был понять за восемнадцать месяцев, прошедших с тех пор, как встретил ее, — что она потрясающая. Что я влюблен в нее. Что эта страсть кажется фантастической, но любовь к Кэролайн не сбросила меня с обрыва.

Я все еще остаюсь собой. Не как мой отец. Не как моя мать.

Если мне позвонят из дома, я поеду, потому что так надо. Это не обсуждается.

Я не знаю, что произойдет до этого, ни с Кэролайн, ни со мной, ни с кем бы то ни было. Возможно, мне придется уехать завтра. Я могу умереть при ограблении круглосуточного магазина. Мы все можем умереть от гребаного птичьего гриппа.

Но сегодня День Святого Валентина.

Если утром наступит конец света, я сделаю все возможное, чтобы он закончился с Кэролайн в моей постели, ее волосами на моей подушке, моими руками на ее заднице.

И я имею в виду это самым романтичным образом.

Я стою у ее двери с дюжиной дешевых роз с заправки в руке. От меня пахнет потом и паром от посудомоечной машины, а она в пижаме, ее глаза прищурены от яркого света коридора.

Я разбудил ее. И разбудил Бриджит.

Если я буду стоять здесь достаточно долго, то, наверное, перебуду половину этажа, но мне плевать на это.

— Что ты хочешь знать?

— Что? — ее голос хриплый от сна.

— Скажи мне, что ты хочешь знать. Задай мне вопрос, и я отвечу на него. Я — открытая книга.

Ее волосы растрепались на макушке. Я хочу разглядить их, поцеловать ее, заключить в объятия.

Слишком рано. Слишком рано, даже если это сработает. А если этого не произойдет... Даже не могу думать об этом.

— Ты открытая книга, — повторяет она. Должно быть, она просыпается, потому что вкладывает в свои слова некоторый скептицизм.

— Все, что ты захочешь узнать.

— Давай начнем с того, почему ты здесь... Который час?

— Одиннадцать тридцать пять.

— В одиннадцать тридцать пять вечера в День Святого Валентина, — и тут она закатывает глаза, глядя на букет в моей руке, — когда ты почти месяц не звонишь мне, не пишешь и не подаешь ни малейшего знака, что помнишь, что я жива.

— Двадцать два дня.

— Ты считал?

— Если хочешь, я могу сказать, сколько часов.

— Потому что...

— Потому что, когда дело касается тебя, я полный идиот. Больше, чем ты думаешь.

Это почти заставляет ее улыбнуться. Я вижу, как дергаются ее губы. Она решает не допускать этого, но подергивание губ — хороший знак, так что я продолжаю.

— Послушай, я не хотел тебя будить. Я бы пришел раньше, но я был в ресторане, и там была одна пара, которая пришла прямо перед десятью и осталась на чертову вечность, так что это было самое ближайшее, когда я смог прийти. Наверное, мне следовало прийти завтра, но...

... но я больше не мог этого выносить.

... но мне нужно было увидеть тебя.

... но как только я принял решение, мне не хотелось ждать даже на четыре секунды дольше, чем нужно.

— Я принес тебе розы. — Я протягиваю ей их, единственный подарок, который я ей когда-либо дарил, кроваво-красные и, надеюсь, не такие дрянные, чтобы они ей понравились.

— Вижу.

Я жду, что она скажет что-нибудь еще, объяснит, что мне делать. Она трет лицо руками, я сотни раз видел, как она делает это в пекарне, чтобы проснуться.

— Ладно, — говорит она. — Хорошо, Мистер-Внезапно-Я-Открытая-Книга. Откуда ты родом?

— Из Орегона.

— Какой город, тупица.

— Ил.

— Ты из местечка под названием Ил?

— Да.

— Где это?

— Это недалеко от Кус-Бей, который находится на берегу океана. Кус хорошенький, к ним приезжают туристы. Ил находится дальше вглубь материка. Это что-то вроде... дыры. В нем нет ничего особенного.

— У тебя есть родители или ты продукт спонтанного зарождения?

Она дразнится, но не совсем. Моя семья — больное место между нами, и она лезет прямо в него.

— У всех есть родители, Кэр.

— Не забудь, — говорит Бриджит откуда-то из темноты, — ты в любой момент можешь захлопнуть дверь, прищемив ему ногу.

Я подумываю о том, чтобы отдернуть ногу, но рискую.

— У меня есть мама. Моего отца... нет рядом. Большую часть времени. Что гораздс

лучше для всех участников. Он... плохие новости.

Она встречается со мной взглядом, легкая морщинка залегла между ее бровями. Теперь она полностью проснулась, и вот как она выглядит в классе. Слушает достаточно внимательно, чтобы слышать все, что я не говорю в промежутках о том, кто я есть.

— Как ее зовут?

— Мою маму? Мишель.

— Она замужем за твоим отцом?

— Нет.

— Так она Левитт или...

— Это фамилия моего отца.

— Есть еще братья и сестры?

— Только Фрэнки. Я рассказывал тебе о ней.

— Нет, это не так.

Вполне справедливо.

— Я расскажу.

Она наклоняет голову, размышляя.

— Какой твой любимый цвет?

— Зеленый.

— Лучшее место, где ты когда-либо был в отпуске.

— Мы никуда не ездили. Наверное, в Калифорнии.

— Лучший подарок в твоей жизни.

— Книга, которую ты мне подарила.

Ее глаза слегка расширяются.

— Это всего лишь книга. О хлебе.

— Мне понравилась.

— А какие подарки ты обычно получаешь?

— Одежда. Вещи, которые мне нужны. Дерьмо, которое моя мама считала забавным, но таковым не являлось. На Рождество Бо подарил мне бутылку виски.

— Кто такой Бо?

— Мамин парень. Они с Фрэнки живут с ним.

— Почему ты бросил меня после каникул?

Я не ожидал такого вопроса. Мой взгляд скользит в темноту за ее плечом.

— Как ты думаешь... Если я пообещаю рассказать тебе все, что ты захочешь, ты вернешься ко мне?

Она отвечает не сразу. Вместо этого она вырывает цветы у меня из рук, отклеивает прозрачный пластик и папиросную бумагу и изучает их.

— Если это всего лишь дешевая попытка потрахаться в День Святого Валентина, то ничего не выйдет.

— Дело не в этом.

После долгой паузы она поднимает глаза.

Я сотни раз видел ее лицо. Осторожное и полное надежды, смелое и свирепое, счастливое и плачущее. Я видел ее мягкой и открытой, когда ее рот был тщательно зацелован. Но такой я видел ее только один раз: в тот первый вечер, когда я подошел к ее машине и пригласил ее в пекарню.

Испуганной. Она боится того, что должно произойти.

Но она все равно этого хочет.

— Тогда в чем? — спрашивает она.

Хотел бы я придумать что-нибудь идеальное, чтобы сказать. Жаль, что у меня нет слов, которые бы охватили нас с ней, восемнадцать месяцев наблюдения и ожидания, ночи, когда я лежал без сна, ночи, которые мы провели вместе, смешивая тесто и заставляя друг друга смеяться. Все мои сны о ней. Каждый раз, когда я слышал ее голос или получал сообщение, которое заставляло меня улыбаться или качать головой. Каждый вечер я прижимал телефон к уху и говорил все, что мог придумать, чтобы заставить ее вздохнуть, стонать и разваливаться на части.

Несмотря на все то, насколько я ее знаю, я все еще не знаю, как заставить ее понять, как я могу стоять здесь, совершенно не уверенный в том, что я делаю, куда мы направляемся, что это такое, и как я все еще могу быть так уверен, что это то, чему я принадлежу.

Она — то, чего я хочу. Больше, чем мои планы, больше, чем я хочу быть умным, больше, чем я хочу следовать правилам — я хочу быть с ней.

Мне это нужно. Я должен. Я хочу.

Не могу больше тратить время на то, чтобы выяснить, что же это такое. Не тогда, когда я сомневаюсь, сколько у нас его осталось, чтобы тратить впустую.

— Я хочу быть твоим парнем, — выпаливаю я.

И тут же жалею, что не придумал другого выражения: *«Я хочу быть твоим парнем»* — хуже, чем отстой. Ребячество. Слова свинцово оседают у меня в животе.

Я никогда не говорил их раньше.

Кэролайн смотрит прямо на меня, ее большие карие глаза полны интереса и... сочувствия, может быть.

К черту все это, ей меня жалко.

Слишком поздно. Ты ждал слишком долго.

Но губы у нее мягкие, как и голос, когда она говорит:

— Подожди секунду.

Я жду в дверях, держа в руке крючок Кэролайн, привязанный к леске. Просто жду, куда она меня поймает.

Звенят ключи. Она возвращается со своей курткой и ключами, свисающими с ее пальцев. Ее ботинки стоят у двери. Она засовывает в них ноги.

— Не жди меня, Бридж, — говорит она и проходит через дверь, закрывая ее за собой, покачивая ручку, чтобы убедиться, что та заперта.

Она поедет со мной.

Она оборачивается, ее лицо близко к моему, ее тело близко, цветы прижимаются к моему пальто, шурша.

— Я поведу машину?

Я просто смотрю на нее. Понятия не имею, что я сказал, чтобы мне так повезло.

Может быть, она — дар. Вселенная расплачивается со мной за то, что мой отец был таким безнадежным говнюком.

Я приму этот дар.

— Уэст?

— Это... это «да»?

Ее плечи поднимаются и опускаются.

— Я когда-нибудь говорила тебе «нет»?

— Однажды ты это сделала.

Она улыбается — ее улыбка похожа на розовое и оранжевое свечение на горизонте, когда я выхожу из пекарни и удивляюсь утру.

Я был в неведении. Был одинок, целеустремлен в погоне за жизнью, которая казалась мне достаточной, пока она не вошла в нее, и не показала, что это было не так.

Глубже или ничего.

Мой новый девиз.

— Я не говорила тебе «нет», — говорит она. — Я сказала тебе принять решение. И смотри! — она машет цветами перед моим лицом. — Это сработало. И теперь за мной ухаживают.

— Ты этого хотела, да? — я улыбаюсь. — Старое доброе ухаживание?

— Может быть, это то, чего я хотела.

— Я буду ухаживать за тобой, пока ты не сможешь ходить, милая.

— Обещания, обещания.

Она закрывает глаза, когда я целую ее, но я держу свои открытыми.

Я хочу видеть, как встает солнце.

Мы поднимаемся по пожарной лестнице, оставляем обувь у двери, проходим через общую зону в мою спальню. Я вешаю пальто на стул и ложусь на кровать, вытянув ноги и прислонившись спиной к стене.

Она на мгновение задумывается, затем делает то же самое.

Мы лежим бок о бок на моей кровати, и я все жду, что что-то пойдет не так, но все, что я чувствую — это облегчение, если облегчение похоже на то, что ты идешь, ничего не волоча за собой, после того как ты буксировал трейлер страданий большую часть своей жизни.

Я слегка поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее.

Ее волосы все еще растрепаны. Во внутреннем уголке одного глаза у нее грязь, а на нижней губе эллиптическая подушечка, как бывает, когда губы слишком сухие из-за погоды или из-за того, что ты их кусаешь.

Что она и делает, пока я наблюдаю.

Я хочу поглотить ее.

Но почти уверен, что еще не время.

— Ты должна сказать мне, что я должен сделать сейчас, — говорю я. — То есть ты хочешь поговорить, но я не уверен... Я в этом полное дерьмо.

Оказывается, это еще одно облегчение. Быть дерьмом в этом деле и просто иметь возможность, так сказать.

— Это что значит? Дерьмо с девушками? — она улыбается.

— Да, тебе бы хотелось, чтобы я это признал.

— Я была бы очень рада услышать, как ты говоришь, что ты дерьмо с девушками, да.

— Раньше у тебя не было претензий к моим способностям.

— Но это было что-то вроде тренировочной среды. Домашнее задание по поцелуям.

— Хочешь сказать, что я, возможно, из тех людей, которые не могут справиться с этим в реальных условиях.

Она поворачивается ко мне и прислоняется плечом к стене.

— Я хочу сказать, что у меня такое чувство, будто у тебя никогда раньше не было девушки.

— Это правда, — говорю я. — У меня были девушки, но я никогда...

Я думаю, как бы это сказать, и начинаю завязывать себя в узлы, прежде чем вспоминаю, что это только мы с Кэролайн. У меня есть больше, чем одна попытка, чтобы все исправить, если с первого раза что-то пойдет не так.

— Ты первая девушка, о которой я так заботился.

Я подумал, что признаться в этом Кэролайн, все равно что взять частичку себя и вручить ей.

Так оно и есть.

И в тоже время — это не так.

Это больше похоже на... как будто есть все эти вещи, которые я упаковал в себя, защита от того, чего я боюсь. Камни и грязь, куски арматуры и хлам, которые я нашел на обочине дороги. И то, что я даю ей — это не я, а оторванный кусок этого барьера, о котором я привык думать, как о себе.

Мне это не нужно. Не для того, чтобы уберечь меня от нее.

Она улыбается, глядя на свои руки, лежащие на кровати. Всего в сантиметре от моих рук. Она тянет свои пальцы, пока они не перекрывают кончики моих.

— Знаешь, какое волшебное слово ты сказал у меня в комнате?

— Нет, какое?

— Парень. — Она смотрит мне в лицо, потом снова опускает глаза. — Поэтому я и поехала с тобой. Потому что ты сказал это.

— Мне следовало сказать это давным-давно.

И именно это я имею в виду. Жаль, что я не мог сделать этого раньше. Лучше бы я не тратил впустую каждую ночь, которую мог бы провести с ней.

— Друг. Парень. Ты заслужила и того, и другого.

Она протягивает руку, чтобы коснуться моего лица. Ее пальцы скользят по моему лбу, мимо виска, по скуле, а потом она проводит костяшками пальцев по моему рту.

— Ты действительно мне что-нибудь расскажешь?

— Да. — Это слово — шепот, движение моих губ на ее коже.

— Если бы я спросила, почему ты так расстроился, когда я отдала тебе эти деньги на Рождество...

Черт возьми. Умею выбрать женщину, которая вцепится в горло.

— Да. Если бы ты меня спросила.

Она садится и смотрит на меня.

— А если я спрошу, почему ты подошел к моей машине в тот вечер в пекарне?

Я киваю и переворачиваю ее руку. Целую ее ладонь. Наверное, это банально, но я так чертовски счастлив, что она здесь.

— Сколько... партнеров у тебя было.

Я целую ее запястье.

— Да.

— Как ты ко мне относишься.

— Да.

Но я думаю, что, может быть, она уже знает это. Думаю, что это там, во мне, когда я смотрю на нее, когда она смотрит на меня. Если бы этого там не было, мы бы так долго не

продержались. Мы бы не подвергали друг друга такому испытанию, когда было бы проще просто не делать этого.

Она мне нравится, я люблю ее, и я хочу ее.

Если она спросит, я ей скажу.

Но сейчас, потому что я хочу этого, а она смотрит на мои губы, я целую ее в шею. Нащупываю ее пульс, останавливаюсь, облизываю его, представляя прилив крови и жара к ее горлу. Лелею себя надеждой, что ее сердце бьется быстрее из-за меня.

Я все время думаю, что она остановит меня, но она этого не делает, поэтому я целую ее под подбородком, за ухом. Я целую ее веки, нос, скулы, подбородок. Кладу руку на основание ее позвоночника, прижимаюсь, чтобы она приподняла бедра, и опускаю ее на кровать.

Я целую ее в губы.

Она на вкус как все, чего я так жаждал.

Я продолжаю целовать ее, и она продолжает мне это позволять. Ее руки обвиваются вокруг моей спины и скользят вниз по позвоночнику. Я нависаю над ней, бедра сосредоточены над ее бедрами, твердое напротив мягкого. Я не планировал этого, но ее губы формируют приветствие, которого я ждал всю свою жизнь, ее руки — якорь, в котором я нуждаюсь, ее тело — мой дом.

Мы вместе, Кэролайн и я. Даже если я делаю это неправильно, совершенно чертовски неправильно, это не имеет значения.

Мы правильны.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сказал.

Должно же что-то быть. Я не могу просто поцеловать ее. Ничто в моей жизни не бывает таким простым.

Она отталкивает меня и садится. Я следую за ней, думая, что она сейчас начнет предъявлять требования. Настаивать на ответах на все вопросы минутной давности, которые... ладно, некоторые из них не очень хороши. В частности, ответ на первый вопрос может означать, что она никогда больше не захочет меня целовать, и разве это не значит, что я должен ей что-то сказать?

Так ли это? Я не уверен.

Кэролайн хватается подол футболки, стягивает ее через голову и бросает на пол.

На ней нет лифчика.

Черт, это нечестно.

У меня уже есть проблемы с этикой этой ситуации. Я не могу думать о правильном и неправильном, пока сиськи Кэролайн выставлены напоказ, ее соски сморщены в прохладном воздухе, а руки распахнуты в приглашении.

— Я должен... Мы должны. Ты же знаешь. Говорить. Если ты захочешь?

— Я не против. Но на тебе слишком много одежды.

Она расстегивает мою рубашку, начиная снизу, в то время как я держусь за ее талию и тарашусь на нее, как будто никогда раньше не видел голую женщину. Просто в Кэролайн есть что-то другое. Так было всегда.

Она убирает пальцы с моих пуговиц и щелкает ими прямо у меня перед глазами.

— Здесь, наверху.

Я моргаю и качаю головой, разрушая чары.

— Извини.

— А я-то думала, ты скучаешь по мне.

Я целую ее в лоб.

— Так и есть.

Она расстегивает последнюю пуговицу и говорит:

— Снимай.

— Ты уверена?

Она встает на колени, так что становится выше меня. Кладет руки мне на плечи и смотрит прямо в глаза.

— Все, что мне нужно было услышать, это то, что ты мне расскажешь. Что ты мне доверяешь.

— Я всегда тебе доверял.

— Нет. Ты не можешь держать все при себе и при этом называть это доверием. Снимай рубашку.

Я пожимаю плечами, снимая ее, но не уверен по поводу футболки. Я отработал длинную смену, и мне приходилось торопиться.

— От меня воняет.

Она поднимает глаза к потолку и хватает меня за подол, так что я поднимаю руки над головой и позволяю ей стянуть с меня футболку. Когда я открываю глаза, ее сиськи оказываются перед моим лицом, и я не вижу, чтобы у меня был выбор. Я должен прикоснуться к ним.

Боже, они такие чертовски мягкие.

Я держу их, проверяя вес в руках. Я не забыл вкус, давление соска на мое небо. Когда она стонет, я опрокидываю ее и падаю на нее сверху, преследуя без всякого изящества, плана или сдержанности.

Сосать и лизать, держать и сжимать, тереться о ее бедро, между ног, о тазовую кость, как глупый ребенок.

Именно так я себя и чувствую. Молодой, глупый и удачливый.

Она так же нетерпелива, хватает меня руками за волосы, за задницу, за бедра, гладит по спине. И все же я делаю еще одну слабую попытку заговорить с ней.

— Послушай, насчет вопросов...

Она проводит тыльной стороной ладони вверх и вниз по моему члену, и у меня отвисает челюсть. Мой мозг отключается. Все напряжение в моем теле занято тем, что уносит меня туда, где ее рука работает надо мной.

— Позже, — говорит она.

Позже работает на меня.

Она толкает меня на спину и седлает, сосредоточившись на моем стояке, потираясь взад-вперед и покачивая сиськами перед моим лицом.

Я самый счастливый парень на свете.

Я сосу ее сиськи, а она скачет на мне верхом. Ее кожа такая бледная, один сосок набухает и темнеет, когда я кручу его между пальцами. Ее глаза закрыты, горло покрыто розовыми пятнами, ее тело поднимается и опускается в медленном, ровном ритме, который я едва могу вынести. Прошло слишком много времени с тех пор, как я это делал. Первые несколько дней после того, как она вышла из моей комнаты, я кипел от неуместного негодования. Я дрочил, как будто планировал сделать из этого профессию. Но через некоторое время я потерял интерес, пал духом.

У меня не было практики последнее время.

Это еще один способ сказать, что у меня выносливость четырнадцатилетнего подростка.

Я хватаю ее за бедра и держу неподвижно. Она хнычет и раскачивается.

— Не надо. Малышка. Серьезно.

— Мне так хорошо.

— Знаю. Слишком хорошо. Если ты будешь продолжать в том же духе, я конч...

Она тянет меня за запястья, пока я не отпускаю ее и кладет их себе на грудь.

— Продолжай.

— Ты хочешь, чтобы я кончил в штаны?

Ее глаза закрываются. Когда я трогаю пальцами ее соски, она втягивает воздух, как будто я делаю ей больно, и это очень, очень хорошо. Затем она давит на меня еще сильнее.

— Кэр, я серьезно.

— Я тоже, — говорит она.

— Это будет грязно.

— Тебе все равно придется постирать эти штаны.

— Да, но все же.

— Я приведу тебя в порядок. Своим языком.

На этом разговор окончен. Вся верхняя часть моего тела покрывается гусиной кожей — верный признак того, что у меня остались считанные секунды. Я завожу руку ей за спину, притягиваю ее вниз, засовываю язык ей в рот, и целую ее, пока мои пальцы на ногах не сгибаются, и мне не приходится запрокинуть голову и закрыть глаза, головка моего члена невыносимо чувствительна, покалывание, трепещущее, сжимающее напряжение движется вверх из меня, горячее и скользкое, когда она замедляется, целуя мою шею, касаясь губами моих ключиц.

Я стону.

Господи.

Я кладу руку ей на затылок, и она хихикает, уткнувшись в ложбинку между моим плечом и шеей.

— Это был интересный звук.

— Заткнись.

— Как будто ты умираешь.

— Клянусь Богом.

— Это прозвучало, как будто тебе было не слишком приятно.

— Это было приятно. Никогда в этом не сомневайся.

Она дрожит у меня на груди, мои руки крепко обнимают ее.

— Мы продолжим через минуту. — Я говорю так, словно нахожусь под водой. — Тогда посмотрим, кто будет смеяться.

Это снова выводит ее из себя, и я наблюдаю за ней, улыбаясь, потому что мы смешны.

Смешные и счастливые.

Я и Кэролайн.

После того, как я перевожу дыхание, до меня начинает доходить, что я придурок.

В буквальном смысле. Я просто позволяю головке моего члена командовать всем.

Я поглаживаю рукой спину Кэролайн. Она напряжена, ее мышцы подергиваются и напрягаются.

— Насколько ты была близка?

Она издает легкий смешок.

— Хм, близка?

На ее месте я бы рассердился. Сначала она предъявляет мне ультиматум, а я игнорирую ее три недели, потом я бужу ее, уговариваю вернуться в свою квартиру и даже не дарю оргазм?

— Я отстой.

Она опирается на мою грудь и улыбается.

— Не знаю, мне даже понравилось, насколько бесполезным ты стал в конце.

— Держу пари.

— Нет, серьезно. Ты всегда такой властный. Ты заставлял меня кончать миллион раз, а я только... — она смущается и отводит взгляд.

— Мне нравится заставлять тебя кончать.

Кэролайн отодвигается в сторону и застенчиво улыбается мне. Она проводит рукой по моей груди, вниз по животу.

— Мне тоже нравится заставлять тебя кончать. Даже сильно.

— Ты, кажется, удивлена.

— Мне это не всегда нравилось. Раньше.

Я так и предполагал.

— Это было не... не так уж плохо. Это просто не было...

— Вот так.

— Ага.

Ее пальцы находят пуговицу на моих джинсах.

— Итак, минуту назад я сказала, что... э-э... приведу тебя в порядок.

— Тебе не нужно.

— Но, если я хочу.

— Если хочешь, вперед. — Я хватаю ее за подбородок, приподнимаю лицо, чтобы видеть глаза. — Но, если ты не хочешь, сегодня вечером, или если ты все еще не будешь хотеть на следующей неделе или через месяц, все по-прежнему будет прекрасно. Я имею в виду, я знаю, что ты любишь списки, расписания и все такое дерьмо, но нет такого списка вещей, которые мы должны сделать, или какого-то расписания, по которому мы должны это сделать. Там, где мы сейчас... Это хорошо.

Я смеюсь над собой.

Хорошо.

— Ладно, это чертовски круто, — исправляюсь я.

Она утыкается носом мне в шею и целует меня там. Не то, что я когда-либо думал, что хочу, чтобы девушка делала, но Кэролайн может делать это всю ночь напролет, если захочет. Это очень мило.

— Спасибо, — говорит она.

— Не благодари меня. Мы уже установили, что я козел.

Ее рука сжимается вокруг меня.

— Это не так. Ты молодец. Я имею в виду, что ты в некотором роде мудака. Но в основном хороший парень.

Она замолкает на минуту, и я думаю о том, как правильно я себя чувствую с ней, и что у меня никогда не было этого ни с кем другим. Никогда не подпускал девушку так близко.

Я рад, что для нее все так же. Знаю, что это делает меня придурком, потому что это

означает, что все, что случилось с ней и Нейтом, должно было быть немного дерьмовым, чтобы она пришла ко мне и подумала, что у нас есть что-то другое, вообще что-то особенное.

Но я все равно рад.

Я хочу, чтобы все с Кэролайн было особенным.

Через некоторое время ее рука начинает блуждать по моему животу, она расстегивает мои джинсы. Я приподнимаю бедра, чтобы помочь ей снять их. Она просовывает подушечку пальца под пояс моих трусов и проводит им по моему животу, отчего у меня перехватывает дыхание.

Я мог бы кончить снова. Скоро.

— Сними это, — говорю я, хватая ее пижамные штаны.

Она делает это, пока я снимаю трусы. Она немного стесняется и не снимает трусиков. Они фиолетовые, с темно-фиолетовым кружевом наверху.

— Мило, — говорю я ей.

Это заставляет ее улыбнуться. Она бросает нервный взгляд на мою промежность и начинает маневрировать там, но я хватаю ее подмышки и поднимаю обратно, чтобы поцеловать. Она прижимается ко мне, кожа к коже, нас разделяет только крошечный кусочек трусиков. Я целую ее медленно и лениво, зная, как мне повезло, и желая впитаться в нее надолго.

Когда она, наконец, отрывает свой рот, я снова тверд, и она извивается, прижимаясь ко мне.

Она начинает спускаться поцелуями вниз по моей груди.

— Позволь мне заставить тебя кончить, — говорю я.

— Я обещала тебе.

— Ты не обязана, — напоминаю я ей.

— Тс-с. — Она не торопится спускаться туда, и то, как она это делает... *Господи*. Все эти застенчивые взгляды, почему-то я подумал, что она не знает, что делает, но к тому времени, когда она проводит языком по моему члену, одним быстрым движением вокруг головки, я уже наполовину мертв.

— Дразнишься, — выдыхаю я.

Она усмехается. Высовывает свой острый розовый язычок и вылизывает меня дочиста.

Я сжимаю руки в кулаки, чтобы не зарыться ей в волосы. Мы с Кэролайн много развлекались, но сегодня все по-другому, и я не хочу все испортить. Травмировать ее или что-то в этом роде. Она может делать со мной все, что захочет, но я не собираюсь давить на нее.

Хотя это чертовски трудно. Чтобы не шевелиться. Чтобы не показать ей, чего именно я хочу от нее. Она обхватывает пальцами основание моего члена, и там есть место, где она может надавить, но не делает этого. Она лижет и сосет кончик, где я так чувствителен и щелкает прямо по тому месту под головкой, которое сводит меня с ума.

Я отказываюсь от одеяла и провожу руками по ее плечам, вверх по шее, в волосы. Не цепляюсь за нее, хотя для этого требуется колоссальное усилие. Просто прикасаюсь к ней.

Она обхватывает мои яйца, но ее пальцы такие нежные, а рот такой... вежливый. Это очень мило.

Это хорошо.

Она поднимает голову. Ползет вверх, пока не оказывается в паре сантиметров от моего лица.

— Эй.

— Что?

— Ты меня не инструктируешь. Скажи мне, чего ты хочешь.

— Ты отлично справляешься.

Я рывком вскакиваю с кровати, прежде чем понимаю, почему. Она ущипнула меня за сосок, покрутила его. Не в милом смысле.

— Какого хрена? Это больно!

— Скажи мне, чего ты хочешь.

Ее глаза полны решимости, рот сжат в тонкую линию. Она выглядит так, как будто классная Кэролайн, уверенная в себе, злилась на меня за то, что я не дал ей закончить.

Люблю ее такой.

— Отсоси мне, — говорю я. — Жестко.

Она улыбается этой маленькой улыбкой. Полностью довольная собой.

— Спасибо. — Она снова опускает голову. — А теперь продолжай говорить со мной, или я поеду домой, и ты останешься совсем один со своей правой рукой. Или это левая рука, раз ты левша?

Я не думаю, что должен отвечать на этот вопрос. Не тогда, когда она ползет по моему телу, задрав задницу в воздух. Я хочу, чтобы мои руки были на этой заднице. Хочу заставить ее повернуться, киской к моему лицу, капающей на меня, пока она отсасывает мне.

Я наговорил ей такого дерьма по телефону, когда зашел слишком далеко, чтобы остановиться, чувствуя себя в безопасности, потому что был в паре тысяч километров от нее. Но совсем другое, думать о том, чтобы сказать ей это в лицо. Ей это нравится или она просто терпит? Где такие девушки, как Кэролайн, проводят черту?

Когда она обхватывает меня рукой, я наклоняюсь и показываю, где туго натянуть кожу.

— Здесь.

Она берет верх. Затем она снова облизывает меня, щелкая языком по головке, всасывая меня в рот. Сосет изо всех сил.

— Господи Иисусе, мать твою.

Она вытаскивает меня изо рта достаточно надолго, чтобы сказать:

— Так-то лучше.

Нет таких девушек, как Кэролайн. Только Кэролайн.

Ее более чем достаточно.

Она сосет меня, лижет, толкается языком в то место, которое я ей показываю. Когда на этот раз она тянется к моим яйцам, я показываю ей, где погладить их сзади, где надавить.

О, черт, она быстро учится.

— Повернись, — говорю я, но не уверен, что она меня понимает. Не уверен, что смогу произнести слова, которые на самом деле звучат как английские. — Кэролайн. Я... можешь ты...гхм.

— А? — поддразнивает она.

Я сажусь, хватаю ее подмышки и поднимаю вверх. Ее губы блестящие и влажные, и я целую ее, проникаю в нее языком, просовываю руку в трусики, а пальцы в ее гладкость. Она скользкая, промокшая насквозь.

Черт возьми.

Она стонет мне в рот.

— Уэст.

— Повернись, — говорю я ей.

— Что?

— Повернись. Подними свои бедра сюда, — я притягиваю ее к своему лицу, — и к моему рту вниз.

— Это... Может, займемся сексом прямо сейчас?

На секунду я остолбенел. Когда мне удастся собрать несколько клеток мозга воедино, я говорю:

— Ты хочешь заняться сексом.

Ее щеки уже были розовыми, но теперь они покраснели. Что очень забавно. Я имею в виду, что мои пальцы внутри нее, она сидит верхом на моей руке, все еще двигаясь в этом мягком движении вверх-вниз, даже когда мы разговариваем, волосы распущены, чертовски красивая, и теперь она будет стесняться меня?

— А что сейчас происходит, по-твоему? — спрашиваю я.

— Знаю. Я имею в виду, да, я слышала лекцию Куинн «секс-не-обязательно-должен-включать-член». Но я имела в виду, ну, ты знаешь, мы собираемся заняться сексом? Сексом с пенисом во влагалище? Сексом?

Я поднимаю бровь.

— Сексом с пенисом во влагалище?

— Заткнись.

— Нет, я имею в виду, это романтично. Это, наверное, самое романтичное предложение, которое я когда-либо слышал.

Она смеется.

— Заткнись.

Я шевелю пальцами и толкаю ее на спину, заглядывая ей в глаза.

— Кэр, я *с удовольствием* займусь с тобой «сексом пенис во влагалище».

Она шлепает меня по руке, а потом я целую ее, а потом... *Проклятье*. Это похоже на то, что мы играли вокруг да около, а теперь это не так. Вообще. Поцелуй становится интенсивным, быстрым, ее руки повсюду, хватают меня, располагают мои бедра там, где она хочет, чтобы я прижимался к ней. Ее трусики мешают мне, и с меня хватит. Я стягиваю их вниз, снимая с ее лодыжек, раздвигаю ее колени и лизу между ног, пока она не издает тихие, беспомощные звуки, которые я чертовски люблю.

— Уэст, — говорит она.

Да. Знаю.

Она хочет, чтобы я вошел в нее, и если я не доберусь туда в ближайшие тридцать секунд, то миру придет конец.

— Подожди. Не двигайся. Ни на сантиметр.

Я встаю, хватаю со стола презерватив, разрываю его и раскатываю, не сводя глаз с Кэролайн, лежащей на моей кровати, с раздвинутыми ногами, влажной и готовой, с ее телом, ее ртом, ее улыбкой, ее глазами.

— Я начинаю мерзнуть.

— Да, да.

Затем я снова оказываюсь над ней, мой член скользит по ее теплой, мягкой киске, наши рты встречаются, ее руки обнимают меня.

— Ты уверена?

— Я уверена.

Я протягиваю руку. Ища правильное место, правильный угол.

Я утопаю в ней. Сантиметр за сантиметром. Медленно, потому что я не хочу причинять ей боль, потому что прошло много времени для нас обоих, потому что я не хочу опозориться и кончить, не успев даже начать.

Медленно, потому что я хочу видеть ее лицо, и, черт возьми, это романтично. Она особенная.

Это Кэрролайн.

Когда я полностью вхожу, ее колени широко раздвигаются, а глаза смотрят прямо на меня, я целую ее. Я просто лежу там, не двигаясь, потому что так долго хотел быть здесь, с ней, но не думал, что когда-нибудь смогу.

Это пытка. Самая худшая пытка в моей жизни.

Это то, что чувствуется как глубже.

Вот что такое секс, если ты делаешь это с правильным человеком.

Если ты влюблен.

Это невероятно.

Я обхватываю ее лицо ладонями, убираю волосы со лба.

— Ты в порядке?

Я думал, что это не может быть лучше, но это происходит, когда она улыбается. И когда она двигается, испытующе покачивая бедрами в меня, а потом отстраняется.

Господи Иисусе.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза.

— У меня все отлично.

— Хорошо.

Я еще не готов двигаться. Мне говорили, что я обладаю удивительной выносливостью, но теперь очевидно, что это верно только тогда, когда мне на все наплевать. С Кэрролайн мне придется много работать, чтобы не стать королем преждевременных эякуляций.

— Уэст?

Она снова раскачивается.

— Хм?

— Ты собираешься трахнуть меня или как?

— Я когда-нибудь говорил тебе, что мне не нравятся властные женщины?

Она скользит подо мной, затем толкается вверх. Ее рот открывается в мягком «О». Потом она улыбается и смотрит на меня, как будто я такой умник.

Она делает это снова.

— Но я тебе...о.... нравлюсь... Боже мой!

Какой бы крошечный кусочек контроля я ни держал, я теряю его и начинаю двигаться, а она вместе со мной. Я сосу ее сиськи, целую в шею, за ухом, везде, где ей нравится. Вгоняю в нее член, смакуя каждый удар, тугое сжатие ее влагалища, то, как она стонет, скольжение наших тел, запах секса, который лучше любых духов, вкус пота на ее горле.

— Ты сможешь кончить вот так? — спрашиваю я.

— Я... не знаю.

Я кладу руку ей под задницу, приподнимая ее вверх. Она пищит.

— Лучше?

— О, ничего себе. — Через несколько секунд она говорит: — Жестче.

Музыка для моих ушей.

Я ускоряюсь, позволяю ей почувствовать больше моей потребности, больше моей жадности, и она принимает это. Она этого хочет. Она обхватывает меня ногами, впивается в меня пятками при каждом ударе, приподнимается и говорит:

— Уэст, да... Ох... Боже.

Я не думал, что она будет такой, такой открытой, такой громкой, но она такая, и мне это нравится.

— Так сработает?

Впрочем, мне не нужно спрашивать. Она вскидывает голову, пятками откидывается на кровать, становится беспокойной и отчаянной.

— Пожалуйста, — говорит она. — Пожалуйста.

Она всегда умоляет меня, когда собирается кончить. Мне это тоже нравится. Мне нравится сводить ее с ума так, что она теряет гордость и просто умоляет.

— Такая чертовски сексуальная.

А потом мы движемся быстро и безумно, и у меня нет никакого способа описать это так, чтобы это чего-то стоило. Я толкаюсь в нее до тех пор, пока глубже уже некуда, пока я уже не добрался туда, и нет ни ее, ни меня, только мы, наши тела, наш жар, это собирающееся удовольствие, раскаленное добела и опасное, слишком опасное, но мне все равно. Я не могу думать.

Я могу двигаться только вместе с Кэролайн, глубже, глубже, к центру чего-то большего, чем мы оба.

Она напрягается. Я стону. Она хватается меня. Я целую ее.

Она стонет, и ее голос срывается, прекрасный надтреснутый звук. Мои яйца сжимаются, радость обжигает меня, ее глаза закрываются, а мое сердце открывается, когда я смотрю, как она загорается от удовольствия.

МАРТ

Кэролайн

У нас было пять недель.

Я дразнила Уэста за то, что он считал дни нашей разлуки, хотя я провела их, таскаясь, сомневаясь в себе, разбитая от тоски по нему. Но когда мы были вместе, последние две недели февраля, первые три недели марта, нам было так хорошо, что каждый день казался годовщиной. Каждый день казался особенным, достойным того, чтобы запечатать его в альбоме для вырезок, запечатать в янтаре, спрятать подальше.

Вечера в пекарне. Душ в квартире, перекус на тихой кухне, попытка не разбудить Кришну, смех сквозь прикрывавшую руку. По утрам в постели Уэста, руки и губы, медленный, прекрасный ритм его тела, покачивающегося в моем.

То, как он двигается, всегда сводило меня с ума, но нет ничего лучше того, как он двигается внутри меня. Ничего.

Не знала, что это может быть так. Так грязно и так хорошо. Так великолепно и совершенно.

В течение пяти недель мы все время были вместе. Я вернулась к своему вампирскому расписанию, дремала днем, просыпалась посреди ночи и встречалась с ним в пекарне в его смену. Я училась в библиотеке, когда он там работал, устраивалась в кабинке на четвертом этаже и в тишине ждала, пока он соберет тележку с журналами, которые нужно было разложить на полках. Я запускала пальцы в его волосы, а он падал на колени под моим стулом, я прикусывала большой палец, чтобы не закричать, кончала на его пальцы и язык, скандально, запретно и счастливо.

Он целовал меня в столовой. Я брала его за руку, когда мы шли через двор. Мы мчались друг за другом по железнодорожным путям, каждый на одном из рельсов, балансируя с вытянутыми руками, толкая друг друга в руки, чтобы посмотреть, кто дольше продержится, кто упадет, кто победит.

Это были лучшие недели. В самый разгар февраля, в ледяной холод, у меня был Уэст, и мы были прекрасны и ярки, друзья и любовники, все время смеялись. Смеялись до тех пор, пока у меня не начинали болеть щеки и живот, и мне приходилось просить его прекратить, потому что это было так хорошо, что было больно.

Я любила его.

Я не говорила ему, но это было очевидно. Очевидно для меня, очевидно для Уэста.

Это было очевидно любому, кто обращал на это внимание.

Уэст сидит на краю матраса, склонившись над телефоном. Мне не нужно было вставать еще час, но я все равно встала. У Уэста были идеи.

Или, ладно, у пениса Уэста были идеи. Я проснулась от того, что его рот на моей шее, его рука тяжелая и горячая на моем животе, а его эрекция прижимается к моей заднице.

— Доброе утро? — спросила я. Потому что не была так уж уверена. Что это было добро, или что это было даже утро.

— М-м-м.

Это было почти все, что потребовалось, чтобы убедить меня. У него есть эта манера

гудеть себе под нос, этот низкий, восхитительный звук, который вибрирует прямо в мой клитор. Это так сексуально. Это так похоже на Уэста. Одно — м-м-м, и я в деле.

Я имею в виду, на что жаловаться, когда ты с парнем, который великолепен и мил и который будит тебя медленным, неумолимым нажатием пальцев на твои трусики, раздвигая твои складки, скользя по твоему клитору и внутри тебя?

Не на что.

Он заставил меня тяжело дышать, перевернул меня, подложил подушку под мой живот и вошел в меня сзади, держа руку на моем клиторе, целуя мою шею, мои плечи, пока я не кончила так сильно, что увидела звезды.

После того, как он рухнул на меня, как гигантский слизняк, он принял душ, так что теперь от него пахнет мылом, мокрыми волосами и Уэстом. Я все еще уютно устроена и сексуально расслаблена, а он насвистывает, потирает мою голую ногу, просматривая кучу сообщений.

— Кто тебе писал?

— Фрэнкс.

— О чем пишет?

— Она добралась до маминого телефона и прислала мне целую кучу селфи.

— Дай взглянуть.

Я наполовину заползаю к нему на колени, и он показывает мне.

— Она такая милая.

Она очень похожа на него, Уэст с круглыми щеками и острым подбородком, накрашенными глазами и блестящей футболкой. Она любит делать селфи. За последние три недели я повидала их, наверное, штук тридцать, потому что Уэст был так откровенен, как и обещал. Он рассказал мне все о Фрэнки, о своей маме и Бо, о своем отце.

Мне кажется, он что-то еще скрывает. Что-то о сексе, о деньгах, которые я бросила ему на колени. Но я знаю достаточно. Мне не нужно знать абсолютно все, чтобы понять, что движет Уэстом.

Иногда я думаю о том, что дала мне жизнь по сравнению с тем, что она дала ему, о том, как усердно он работает, и я так злюсь. Однако он не любит говорить о справедливости и несправедливости или заикливаться на разрыве между тем, как мы выросли.

Сейчас же он говорит:

— У нее все это дерьмо на глазах.

— Это называется макияж глаз. — я смотрю на телефон. — Вообще-то, это хороший смоки айс. Я никогда не смогу заставить свою подводку для глаз выглядеть так потрясающе.

— Ты не красишься так.

— Не каждый день, но иногда, если будет вечеринка или что-то в этом роде.

Он хмурится, глядя на фотографии.

— Она слишком молода.

— Она просто пробует. В ее возрасте я была такой же. Спешащая надеть лифчик, накраситься помадой и всем прочим.

— Да, но я сомневаюсь, что в Анкине на тебя кто-то охотился. С Фрэнкс все по-другому. Она должна быть умной, иначе какой-нибудь бесполезный придурок заставит ее залететь еще до того, как она станет достаточно взрослой, чтобы понять, чего хочет.

Я смотрю, как он набирает текст.

Ты и без этого достаточно хорошенькая.

— Трогательно.

— Я ее брат, а не парень.

Хотя, по-моему, он больше похож на ее отца. Самое близкое, что у нее есть.

Уэст встает, потягивается и бросает телефон на стол.

— Можешь передать мне мой? — спрашиваю я. — Мне нужно узнать, пойдет ли Бридж завтракать перед уроком.

Он так и делает, затем натягивает джинсы и футболку. Я смотрю, как его голая грудь и живот исчезают из виду, и мне, как всегда, грустно видеть, как они уходят.

Уэст улыбается, когда я смотрю на его лицо.

— Что?

— Ты. Ты выглядишь так, будто готова к еще одному раунду.

Я провожу пальцем по экрану телефона.

— Я едва проснулась к первому раунду.

— О, я так не думаю. К концу ты довольно хорошо проснулась. Думал, мне придется накрыть твою голову подушкой, чтобы ты не разбудила Криша.

— Ты, наверное, случайно задушил бы меня, ты был так занят своим делом.

— Занят своим делом? — он звучит оскорбленно. Обожаю его раздражать.

— Знаешь, — я смотрю на свой телефон и машу ему рукой, — мужское дело. Толчок, толчок, пыхтение. Клянусь, иногда я не понимаю, почему это терплю.

Я едва замечаю его приближение, как он хватается за лодыжку и тянет вниз по кровати. Я путаюсь в одеяле, мечусь и смеюсь, когда он забирается на меня и обхватывает руками мою голову.

— Толчок, толчок, пыхтение? За это я должен отшлепать тебя по заднице.

— Хотела бы я посмотреть, как ты попробуешь.

Его глаза сверкают.

— Я бы тоже. Но я опаздываю на занятия. — Он наклоняет голову и целует меня. — Ты придишь в библиотеку позже?

— Да, но после обеда у меня групповой проект, так что я буду внизу.

— Поднимайся после.

Он имеет в виду четвертый этаж. Наш этаж.

Клянусь, нас поймают, и тогда его уволят.

Он говорит, что это того стоит.

— Конечно.

Еще один поцелуй, с языком, удар о мое бедро, намек и обещание, а потом он уходит. Он взваливает сумку на плечи, пока я перехожу от сообщений к пропущенным звонкам.

У меня их целая куча. Прошлой ночью у меня был выключен звонок, телефон глубоко лежал в сумке, и я этого не слышала.

Все они от моего отца.

— Увидимся позже, детка.

Один вчера в девять вечера. Один в девять тридцать. Один в десять. Десять пятнадцать. Одиннадцать тридцать. Сегодня в шесть утра.

Мой желудок опускается, как камень.

— Что нужно сделать парню, чтобы заставить свою женщину попроситься?

Я поднимаю глаза. Уэст стоит в дверях, опираясь рукой о косяк.

— Мой отец звонил шесть раз прошлой ночью.

— Это... это звучит чересчур.

— Ага.

Плохие новости, киска, — шепчут интернет-придурки.

Я почти забыла о них. Я позволила себе забыть. Позволила себе притвориться.

Не готовая слушать папину голосовую почту, я переключаюсь на электронную почту. Пятьдесят новых сообщений. Я прокручиваю список, вижу странные адреса электронной почты и угрожающие темы.

Вижу имя моего отца.

Позвони мне, срочное дело.

Письмо от моей сестры Жанель.

МНЕ НУЖНО С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

Я не нажимаю ни на один из них.

Я открываю веб-браузер и набираю свое имя.

Кэролайн Пьясеки. Расширенный поиск. Ограничение на последние двадцать четыре часа.

Так много ссылок. Все худшие сайты. Все те же фотографии, снова и снова.

Этого не должно было случиться, но это так.

Уэст стоит позади меня, положив руки мне на плечи. Телефон скрыт от глаз падающими волосами, и мне жаль, что у меня нет чего-то лучшего, чтобы спрятаться. Какого-то места, какого-то мира, куда я могла бы взять его, где все еще не было разрушено.

— Это плохо, — говорит он.

Это не вопрос. Он это чувствует. Он знает.

— Ага. Это плохо.

Но после этого становится только хуже.

Я вхожу в кабинет отца, готовая к бою.

Уэст остается в машине, припаркованной в конце подъездной дорожки. Я чувствую себя дерьмово из-за этого, но он сказал, что я могу сражаться только в одной битве за раз, и он прав. Вероятно, день, когда я снова познакомлю Уэста с моим отцом и признаюсь, что он мой парень, — это не день сексуальных фотографий.

И все же. Просто зная, что Уэст где-то там, ждет. Зная, что он на моей стороне. Это помогает.

Сегодня утром мы оба прогуляли занятия. Он взял отгул в библиотеке. Не думаю, что он прогуливал занятия за весь год, и он определенно никогда не пропускал работу, так что я ценю этот жест. К тому же он мне нужен. Он не очень хорошо разбирается в компьютерах, но хорошо ладит со мной. Он сидел рядом со мной часами, пока я вытаскивала свои электронные таблицы, искала в Google, пока у меня не зачесались глаза, разглагольствовала и бредила, раскрывая слой за слоем нападение Нейта.

На этот раз все еще хуже. Намного хуже, чем раньше.

Фотографии повсюду, вывешенные на всех развратных сайтах вместе с моим именем, моим университетом, да, да. Я уже давно утратила способность находить это шокирующим.

Что шокирует, так это все остальное.

Ненавистные посты на моей стене Facebook. Личные заметки к моей учебной

электронной почте от незнакомцев, которые хотят изнасиловать меня, трахнуть меня, ударить меня по киске. Мой Твиттер-аккаунт рассылает спам-сообщения со ссылками на мою вульву. И каким-то образом, Боже, со всеми моими профессорами, должно быть, связались, потому что я получила озабоченное электронное письмо от трех из них и телефонное сообщение из управления по делам студентов с просьбой назначить собеседование как можно скорее.

За шесть часов я прошла через боль и гнев, отвращение и страх, смирение и ярость. Я — сорокапятикилограммовый мешок бьющихся чувств. Мне грустно. Я злюсь. Я просто развалина.

Но Уэст со мной.

И не только Уэст, после восьми часов Бриджит появилась с Куинн. Они позвонили Кришне, который подключил свой ноутбук, мой и Куинн к временной сети на кофейном столике в гостиной. Через час он вместе с Куинн и Бриджит руководил поисково-регистрационной операцией. Они делают скриншоты всего, обращаются за помощью к другу-гику из класса Кришны, который обладает сумасшедшими компьютерными навыками, просматривают справочник для студентов, чтобы выяснить, какие правила нарушает Нейт и что с этим можно сделать.

Я развалина, но они все на моей стороне, и это помогает. Так сильно помогает.

Друг Кришны, тот, кто понял, с чего все началось. На одном из тех немодерируемых сайтов, где братство любит тусоваться и быть придурками вместе, есть нить обо мне. Ссылка на фотографии, стандартная жалоба на то, какая я фригидная, злая шлюха, а потом призыв к оружию: **Что мы можем сделать, чтобы преподать этой сучке урок?**

Десятки из них взяли за оружие. Пока я была в пекарне с Уэстом, спала в его объятиях, занималась с ним сексом, все это время на меня нападали. Чужими руками. Без всякой причины.

Если бы это случилось со мной семь месяцев назад, я бы рухнула под тяжестью всего этого. Зная, что моим профессорам присылали эти ссылки, что моя сестра, мои тети и, возможно, даже мои бабушка и дедушка засыпаны спамом на Facebook с голыми фотографиями — это отстой. Это больно. Мне хочется плакать, если я зацикливаюсь на этом, если я слишком много думаю о том, что это значит для моего будущего, что это говорит о форме остальной части моей жизни.

Но это также делает меня свирепой.

Я готова сражаться. В руках у меня стопка распечаток, на плече сумка с ноутбуком. У меня есть Уэст в конце подъездной дорожки.

Передо мной в темно-бордовом кожаном кресле у окна сидит отец, на бедре у него лежит раскрытый ноутбук, очки сдвинуты на густые седые волосы, что портит его во всем остальном достойный вид. Я изучаю его знакомое лицо, густые брови, этот нос картошкой, унаследованный Жанель, но не мной, его подбородок более широкий, чем я помнила. Он набирает вес. Слишком много чизбургеров.

Он позвал меня домой, и я приехала.

Мои ладони вспотели, когда я сажусь на другое кресло в углу. Оно глубокое и высокое, и мои ноги едва достают до пола. Все мои воспоминания о наказании в детстве начинаются здесь, с беспомощной тяжести моих болтающихся ног. Я знаю количество латунных шпилек, крепящих обивку к подлокотникам его кресла. Девять вокруг арки. Еще по двенадцать с каждой стороны. Я изучила каждую морщинку на коже и запомнила геометрические арки и

завитушки на его абстрактном офисном ковре, чтобы не смотреть ему в глаза.

Сегодня я сижу с прямой спиной, сложив влажные ладони на коленях. Я собрала волосы в конский хвост и надела джинсы и свитер, который он купил на Рождество, бледно-синезеленый кашемир цвета глаз Уэста. Мои доспехи.

Я тихо сижу и жду, потому что Жанель, та, кто подлизывается к нему, а Элисон, та, кто плачет. Я — дочь, которая приходит к нему, вооруженная контраргументами, умной защитой, хитрыми маневрами.

Я — дочь, которая сражается.

Вот уже несколько месяцев я слишком напугана, чтобы сражаться. Я пытаюсь жить в пузыре, который Нейт лопнул еще в августе. Я не хотела в это верить. Я сказала себе, что смогу это исправить. Накинуть туда несколько пластырей, закрасить трещины, отвести глаза и притвориться, что все в порядке.

Все не в порядке.

Пузырь хорошо и по-настоящему трахнут.

Но за пределами пузыря я нашла вечеринки регбистов и новых друзей, которым наплевать на мои глупые сексуальные фотографии. За пределами пузыря, бывают ночи в пекарне, секс по телефону, и длинный дневной сон в середине дня, с моей рукой, обившейся вокруг парня, который пахнет свежим хлебом и мылом, и кто заставляет меня чувствовать, что я имею значение, и нет разницы, как я выгляжу, что сделала, что было сделано со мной.

Мир не изменился. Там полно мужчин, которые ненавидят женщин. Он набит под завязку придурками, которые нападут на незнакомку только потому, что она женщина, а они недалекие обезьяны с комплексом неполноценности.

Мир не изменился, но я изменилась.

За пределами пузыря — жизнь. Уэст.

Мне здесь нравится. Я остаюсь.

Папа нажимает на что-то, закрывает крышку ноутбука и смотрит на меня.

— Кэрлайн, — говорит он.

Только мое имя.

Просто мое имя, потому что начинает с опознания обвиняемого.

— Вчера вечером мне позвонила твоя тетя Маргарет. Она увидела кое-что неприятное на твоей странице в Facebook и хотела знать, знаю ли я об этом.

Его глаза — мои глаза, темно-карие и полные сочувствия. Его манеры разумны. Его дикция ясна и размеренна. Он не кричит в офисе. Он судит. Мы приходим к нему, как преступники, и он спокойно и разумно выносит нам приговор.

— Когда я сказал ей, что не знаю, о чем она говорит, она прислала мне ссылку, и я проверил ее сам. Ссылка привела меня на сайт, где... — Он прочищает горло, первый признак того, что все это его беспокоит. — ...где я нашел несколько твоих фотографий без одежды. Сексуальный компромат. Хотя невозможно было однозначно идентифицировать каждую из фотографий как тебя, были определенные...

Он на секунду отводит от меня взгляд.

Это не твоя вина. Ты этого не делала. Нейт это сделал.

Папа снова откашливается.

— Нет никаких сомнений в том, что по крайней мере одна, если не больше, из откровенно сексуальных фотографий — твоя. Я перешел по второй ссылке на почти то же самое, и могу только предположить, что дополнительные ссылки были также на эти

фотографии.

Наступает долгая пауза, и я думаю, должна ли я что-то сказать. Но что я могу сказать?

Да, это я.

Это я делаю Нейту минет.

Это мое влагалище, моя рука между ног, поглаживающая клитор.

Да, это я с членом Нейта. Мое лицо с его спермой на нем.

ДА.

Это твоя малышка. Твоя гордость и радость.

Я сижу молча. Знала, что это будет трудно, но это труднее, чем я ожидала. Я думала о его осуждении, боялась его отвращения, но никогда не думала о его горе.

Горе у него на лице, в глазах.

Эти фотографии заставляют его грустить, грустить из-за меня, и это невыносимо.

— Итак. — Он складывает руки на животе поверх потрепанного бежевого кардигана, который носит дома поверх оксфордских рубашек. — Расскажи мне, как это случилось.

Я делаю глубокий вдох и представляю, как веревка, привязанная к моей макушке, вытягивает меня прямо и высоко. Упражнение, которое дал нам наш школьный руководитель хора, но которое пригодились всякий раз, когда мне нужно быть совершенно уравновешенной, совершенно собранной.

— Нейт сделал снимки. Когда мы еще встречались. И он... они появились в интернете сразу после того, как мы расстались.

Морщины вокруг его рта углубляются.

— Я правильно помню, что вы расстались с Нейтом незадолго до возвращения на учебу в августе?

— Да. Он впервые их обнаружил в августе.

— Ты знаешь, что это он их выложил.

— Нет. Я предполагаю, что это был он, но не могу этого доказать. Они были анонимно отправлены на сайты. Он все отрицал.

— Кэролайн. — Отец смотрит прямо на меня, слегка наклоняясь. — Сейчас март.

— Да.

— Расскажи мне, что произошло между августом и мартом.

— Я предприняла систематические усилия, чтобы удалить фотографии из интернета. Я настроила автоматический поиск, отправила электронное письмо с уведомлением о прекращении...

Отец издает нетерпеливый звук. Он не одобряет доморожденных юристов.

— ... это все, что я могла придумать, чтобы отключить их. А потом, когда это не сработало, я наняла службу, которая помогла мне очистить свою репутацию. В интернете, я имею в виду. Они ищут тебя, стирают фотографии, пытаются протолкнуть законные результаты на страницы поиска...

И я уже несколько недель ничего о них не слышала. Отчеты, которые они мне присылали, были запоздалыми, отрывочными и неполными.

Вполне возможно, что они мошенники или просто дерьмо в том, что они делают.

Вполне возможно, что я выбросила полторы тысячи долларов денег Уэста на несбыточную мечту.

Сколько часов его усилий, я потратила впустую, чтобы жизнь была справедливой?

В списке моих сожалений этот кредит стоит на самом верху.

— Но эта последняя атака была предпринята с онлайн-доски объявлений, — продолжаю я. — Предположительно Нейтом. Вместе с ним в ней участвовал и ряд других людей. Я не знаю, кто они такие. Что я знаю точно, так это то, что фотографии распространились так далеко и широко, что, вероятно, напрасно пытаться их удалить. В данный момент я хотела бы сосредоточить свою энергию на...

— Напрасно? Ты хоть представляешь, что с тобой будет, если ты не уберешь фотографии?

— Да, у меня есть идея по этому поводу.

— У тебя будут проблемы с поступлением в юридическую школу. Получить рекомендации будет сложно, но даже при условии, что ты сможешь подать хорошее резюме, приемные комиссии ищут в интернете. Заявки на стажировку, стипендии, заявки на работу. Нет никаких шансов получить стипендию Родса Маршалла. Удаление фотографий из сети должно стать твоим главным приоритетом. Ты должна была привлечь меня с самого начала, Кэролайн. Столько вреда уже нанесено.

Столько вреда уже нанесено.

Но чему? Кому?

— Я не повреждена.

— Я не это имел в виду.

— А кажется, что так оно и есть. Ты говоришь об этом, о моем будущем так, словно я испачкалась в белой, чистой вещи. Как если бы ты отправил меня играть в белом платье, и сетуешь почему я не была с ним осторожнее?

Он хмурится.

— Я не в белом платье, папа. И я не делала этих снимков. Я не выкладывала их. Я не говорила всего этого о себе. Нейт это сделал.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Ладно. Кто-то это сделал. Важно то, что этим кем-то была не я.

Он хмыкает и смотрит в окно на наш двор. Наш дом находится в самой красивой части Анкина, с большим тенистым участком и акром газона, который мне приходилось стричь в старших классах, если я хотела, чтобы мне позволили выйти на улицу в выходные. Сегодня пасмурно, на земле все еще лежит пятнистый снег, до весны еще несколько недель.

Это больше не мой двор.

Это не мой дом.

Я не ребенок.

— Ты сообщила об этом инциденте в университете? — спрашивает он. — Или в полицию?

— Нет. Но я намерена это сделать.

— Ты говоришь, что, по-твоему, Нейт выложил эти фотографии в первую очередь потому, что был расстроен. Есть ли у него какие-то причины продолжать расстраиваться из-за тебя? Что-то, что спровоцировало это второе нападение?

Конечно, это Уэст. Уэст и я, вместе. На публике, в кампусе, так явно влюбленная пара, так явно влюбленные друг в друга.

Что Нейт сказал мне в тот вечер на вечеринке, когда не дал мне выйти из комнаты?

Что он беспокоится обо мне. Что мы друзья и всегда будем друзьями.

Чего он хотел той ночью, когда пришел в квартиру Уэста с Джошем и предложил купить травку? Заявить на меня какие-то права? Доказать, что он лучше того парня, с

которым я закончила?

— Мне кажется, он все еще испытывает ко мне чувства.

— Понимаю.

Потом папа замолкает, и мне приходится терпеть тиканье дедушкиных часов и ждать его приговора.

— Мне нужно поговорить с Диком, — говорит он. — Возможно, у него есть некоторое представление о том, как лучше всего действовать в подобных случаях.

Дик Шаффер — друг моего отца, прокурор.

— Я изучала этот вопрос, — говорю я. — А сегодня днем у меня встреча с отделом по делам студентов, где я собираюсь спросить о возможных подходах. Нет ничего противозаконного в том, чтобы делиться сексуальными фотографиями в интернете, при условии, что это фотографии взрослого человека и они принадлежат тому, кто ими делится, что они не украдены и их не принуждали. А это, я думаю, означает, что полиция почти ничего не может сделать. Но если мы обвиним Нейта в нарушении технологической политики...

Взгляд отца становится острее.

— Обвиним его?

— Да, потому что сообщение, которое он сделал вчера вечером, если он пользовался кампусной сетью, было нарушением технической политики кампуса, и я думаю, что если дело дойдет до слушания...

Папа резко встает и переносит ноутбук на стол, где оставляет его, серебристый и сияющий. Он заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате, погруженный в собственные мысли.

Я потеряла нить своих рассуждений. Во всяком случае, не думаю, что он меня вообще слушал.

Не знаю, что еще сказать, чтобы он меня выслушал.

— Ты помнишь, — спрашивает он, — что я сказал тебе, когда тебе исполнилось пятнадцать и я разрешил тебе завести собственный аккаунт в Facebook?

— Да.

Он тычет в меня пальцем.

— Повтори это.

— Ты велел мне быть осторожной, потому что интернет — это публичный форум, и ничто из того, что я делаю или говорю в интернете, никогда не исчезнет.

— А я говорил тебе, что для тебя особенно важно быть осторожной, не так ли? Потому что ты хочешь стать адвокатом. Ты хочешь быть лидером.

Я хотела.

До сих пор хочу.

— Это поведение лидера, Кэролайн?

От этого вопроса у меня на секунду кружится голова. Это посылает поток огня через меня, горячий прилив какого-то чувства, которое я не могу сразу определить.

До моего второго курса в Патнеме я никогда не понимала, что весь твой мир может вращаться вокруг нескольких слов.

Один вопрос от моего отца: «— Это поведение лидера?»

И ответ приходит из глубины меня. Из этого места под моими легкими, из этой разорванной открытой раны, которую резали, пинали и избивали. Той части меня, которая

отказывалась, и все еще отказывается сдаваться.

*Да, это поведение лидера, бл*дь.*

Если я чему-то и научилась в детстве, когда корпела над биографиями мировых лидеров, так это тому, что люди, которые меняют мир к лучшему, преуспевают несмотря на то, что с ними случилось, а благодаря этому. Быть лидером — это не только делать то, что одобрит твой отец. Дело не в том, чтобы быть хорошей, умной, красивой и удачливой. Ты не можешь управлять изнутри пузыря.

Ты должен жить, чтобы руководить, а последние несколько месяцев я была жива. Я влюбилась в парня, с которым отец запретил мне разговаривать. Черт возьми, не парень, а мужчина, умный мужчина, который много работает и никогда не прогуливает занятия, кроме тех случаев, когда ему приходится это делать, потому что у меня кризис.

Торговец наркотиками. Драчун. Уэст — это и то, и другое.

Но он также сын, старший брат, щедрый любовник и добрый, удивительный парень.

В этом году я выясняла, кто я такая. Я учусь тому, чего хочу, и это то же самое, чего я всегда хотела, только другая я.

Лидеры живут, растут и учатся. Они натываются на драконов, обжигаются ими, закаляют свои мечи в огне и сражаются с ними.

Вот что я хочу сделать. Вот кем я хочу быть. Не той девушкой, съездившейся в кабинете отца.

Я хочу быть жесткой.

Поэтому я тоже встаю. Прохожу на середину его ковра, скрещиваю руки, чтобы соответствовать ему, поднимаю брови, опускаю уголки рта и спрашиваю:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что прости?

— Ты сказал: «Разве это поведение лидера?» Что ты имеешь в виду? Ты спрашиваешь меня, занимаются ли лидеры сексом по обоюдному согласию со своими долгосрочными моногамными партнерами? ДА. Они так и делают. Ты спрашиваешь, предают ли когда-нибудь лидеров? ДА. Все время. Вопрос в том...

— Вопрос в суждении, — перебивает он. — Есть причина, по которой ты никогда не видела скандала с сексуальными фотографиями, связанного с президентом Соединенных Штатов, Кэролайн, и это потому, что...

— Это потому, что у Моника Левински не было айфона, папа. Ты что, издеваешься надо мной? Ты знаешь, сколько сенаторов было поймано на том, что они посылали фотографии своих пенисов сотрудницам?

— Достаточно того, что тебе следовало бы знать лучше.

Это застает меня врасплох. У меня перехватывает дыхание.

Я должна была догадаться.

Конечно, я должна была это сделать. Отношения с Нейтом никогда не складывались удачно, и я должна была понять, что он мне нравится не по тем причинам, что я слишком много работаю ради его уважения, что он не заботится обо мне должным образом. Думаю, что это всегда было чувство, что я, возможно, никогда не буду достаточно хороша для него, что он выбрал меня, но я была слишком наивной, и мне нужно было проявить себя, чтобы заставить его соизволить быть со мной.

В конце концов я все поняла. Я порвала с ним, потому что это не сработало, потому что в Патнеме у меня было больше уверенности в том, что я могу найти кого-то лучше. Кого-то

вроде Уэста.

Я просто не сразу это поняла.

Будь осторожна с тем, что выкладываешь в интернет. Я слышала это сто раз. Будь осторожна в том, что ты делаешь в наш цифровой век. Не позволяй сделать из себя жертву, потому что если ты это сделаешь, то это твоя вина. Твоя ошибка.

Я знала, что фотографии — плохая идея. Я держала рот на члене Нейта, когда он поднял телефон в воздух и сделал первый снимок, и это не было сексуально. Это не казалось ни рискованным, ни умным, это просто была общая для нас тайна. Это было неправильно.

Я решила дать ему то, что он хотел, чтобы он был добр ко мне. Чтобы он одобрил меня, вел себя так, будто любит и гордится мной.

Он сделал этот снимок. Он кончил мне в рот.

После этого он хотел сделать снимки тела. Один, два, три, четыре. Мое декольте липкое, мои чувства притуплены, моя челюсть болит, я сделала то, о чем он меня просил.

Мне было восемнадцать лет, и я думала, что люблю его. Я должна была знать лучше, но не знала.

И я не заслуживаю, чтобы меня за это ругали. Судили за это.

Я не заслуживаю того, чтобы моя жизнь была разрушена.

— Я доверяла ему.

— Тебе не следовало этого делать. Как ты думаешь, профессор Дональдсон сможет написать тебе рекомендательное письмо для поступления на юридический факультет сейчас, когда у него в голове эти фотографии? Как ты думаешь, он сможет подтвердить твой интеллект, твой драйв, когда увидит это?

— Скорее всего, нет.

— Как ты думаешь, сможешь пройти стажировку этим летом? Сможешь подать заявку на стипендию с этим в твоём послужном списке?

— Я знаю, папа, это неприятно, но...

— Это не конфуз. Смушение не причём. Это черная метка. С таким же успехом ты могла бы совершить преступление, Кэрлайн, и все потому, что не использовала свою голову.

— Это Нейт выложил фотографии.

— Но именно ты позволила ему сделать их.

— Я доверяла ему.

Он издает звук отвращения. Отводит от меня взгляд. Вытирает рот рукой.

— Тебе не следовало этого делать, — говорит он во второй раз. И он смотрит на меня скорее печально, чем сердито. — Я думал, у тебя больше здравого смысла. Я разочарован в тебе. Мне... Мне противны эти фотографии, и я разочарован.

Что-то внутри меня ломается, когда я слышу это от него.

Это больно.

Но я думаю, что то, что он разбивает, это не мое сердце. Это какой-то последний хрупкий фрагмент пузыря. Это та часть меня, которая все еще была папиной дочкой, живущей надеждой, что если бы я была идеальной, то он любил бы меня больше всех. Любил бы меня больше всего на свете. Любил бы меня всегда. И его любовь сделала бы меня могущественной.

Мне больно слышать, что я вызвала у него отвращение. Больно сознавать, что с этого момента он никогда не будет любить меня так же, как раньше, если вообще найдет способ

любить меня.

Но мне не нужна его любовь, чтобы быть сильной.

Я и так сильна.

— Мне жаль, что ты разочарован, — говорю я ему. — Но я человек. Мне девятнадцать. Иногда я совершаю ошибки. И думаю... знаешь, может быть, мне следовало сказать тебе сразу. Может быть, это усложняет тебе задачу, потому что у меня было семь месяцев, чтобы подумать о том, что означают эти фотографии, а у тебя было около семи часов.

Я подхожу ближе и кладу руку ему на плечо.

Если он слегка вздрагивает, если мое сердце сжимается, я игнорирую это.

Я не отвратительна. Я его дочь.

— Но, папа? Вот что они значат для меня. Это акт ненависти. Они мстят мне, за кого-то, с кем я никогда не обращалась плохо. Они не заслужены. И даже если они были заслужены, что это значит? Что если кто-то фотографирует меня голой, то я плохой человек, поэтому они получают право называть меня шлюхой в интернете? Ты пытаешься сказать мне, что только потому, что я не помешала Нейту меня сфотографировать, я заслужила все, что со мной случится, навсегда? Я заслужила эту атаку, потому что сама напросилась на нее? Ты слышишь, как это безобразно?

— Я никогда не говорил, что ты напросилась. — Его голос звучит по-другому, сдавленно и тревожно.

— Ага. Ты это сделал.

Мой отец всегда говорил мне, что первый шаг к достижению того, чего я хочу в жизни, это знать, чего я хочу. Ты выясняешь это, а потом идешь за этим.

Поэтому я заставляю его посмотреть на меня. Я заставляю его услышать меня.

— Ты это сделал.

Теперь это моя сила, и ему это не должно нравиться.

Я собираюсь использовать это, нравится ему это или нет.

Я собираюсь продолжать использовать это до тех пор, пока люди не начнут слушать.

Заметив меня, Уэст встает.

Он ждал в приемной по делам студентов, развалившись напротив ассистентки в розовом кресле с высокой спинкой, слишком маленьком и слишком суетливым для него.

Я была на собрании больше часа, но он сидит точно на том же месте, где я его оставила. Единственное отличие в том, что его волосы превратились в полный беспорядок, на который я тупо смотрю мгновение, пока не понимаю, что это от его пальцев.

Сколько раз ему нужно было провести рукой по волосам, чтобы они стали похожи на весеннее пропаханное поле?

— И как все прошло?

Когда я подхожу ближе, он касается моего локтя и кладет руку мне на талию. С легким нажимом он ведет меня через дверь в коридор.

Студенческий отдел занимает часть подвального этажа студенческого центра. Здесь внизу ярко-белый лабиринт, и я всегда в нем теряюсь, но я почти уверена, что мы пришли с другого конца, откуда меня ведет Уэст.

— Хорошо, я думаю. Я рассказала им кучу вещей, и они задали несколько вопросов.

Затем я отдала им все свои распечатки. Они должны поговорить с Нейтом, а там посмотрим.

Лицо Уэста мрачнеет.

— И это все? «Посмотрим»?

Он был таким с тех пор, как мы уехали от моего отца. Взвинченный, расстроенный, немного саркастичный. Думаю, он, должно быть, питал иллюзию, что только потому, что я права, все встанут на мою сторону. Как будто так устроен мир.

Со своей стороны, я перестала думать, что мне что-то отдадут без боя.

— Ну, да. Ты что, думал, они привяжут его к спине лошади и пустят вскачь по кампусу?

Он не находит шутку смешной. Я поднимаю руку и чувствую глубокую тревожную линию между его бровями.

— Эй. Что такое?

— Ничего. Ты голодна? Тебе надо что-нибудь съесть. Отдохнуть немного. Я хочу, чтобы ты поспала, пока я буду работать в пекарне.

Я останавливаюсь.

— Уэст.

— Что?

— В чем дело? — спросила я.

Потому что с ним происходит нечто большее, чем можно объяснить разочарованием в том, как прошла моя встреча. От него исходит энергия, сгущающаяся грозовая туча, темная и опасная. Я чувствую это, когда стою рядом, и это напоминает мне о том дне, когда я нашла его в библиотеке после того, как он ударил Нейта, физическое насилие, вибрирующие атомы, примитивные химические вещества.

— Ничего. Я в порядке.

Я крепко хватаю его за плечи, притягиваю ближе, поднимаюсь на цыпочки и целую. Он просто стоит там, как деревянный чурбан, и когда я спускаюсь, он нацепляет улыбку, которая так не похожа на улыбку, что мне хочется стереть ее с его лица.

— Да, ты в порядке, — говорю я. — Это был такой классный поцелуй, что я сейчас сорву с себя трусики и займусь тобой прямо в коридоре.

Никакой улыбки. В нем совсем не было юмора. Он тянет меня за руку.

— Давай выбираться отсюда.

— Нет, пока ты не поговоришь со мной.

— Не здесь.

— Почему? Вокруг никого нет.

Его взгляд скользит мимо моего плеча в другой конец коридора.

— Черт, — бормочет он.

Оборачиваясь, я понимаю, почему он ругается, единственная вероятная причина, по которой он так напряжен. Вид Нейта, стоящего там, где несколько секунд назад никого не было, скорее подтверждение, чем удивление.

— Ты знал, что он придет?

Уэст не отвечает. Может быть, он что-то подслушал, может быть, секретарша сказала ему, но почему-то он знал.

— Все в порядке, Уэст. Я имею в виду, это мило, что ты так беспокоишься, но я бы пересеклась с ним рано или поздно, я просто...

Один взгляд говорит мне, что он меня не слушает.

Один взгляд в его глаза говорит мне, что попытка Уэста вытащить меня из здания не

была моей защитой. По крайней мере, не так, как я предполагаю.

Он покраснел. Взгляд сосредоточенный, убийственный.

— Не смей, — говорю я ему. — Даже не думай об этом.

— Тебе нужно уйти, — говорит он.

Нейт заметил нас. Он примерно в девяти метрах от меня, достаточно близко, чтобы я увидела, как он замирает.

Думаю, если бы я была ближе, то увидела бы страх в его глазах.

— Тебя исключат.

Моя рука лежит на скачущем сердце Уэста. Я даже не уверена, что он меня слышит, а мне уже надоело, что меня сегодня не слышат. Мой отец, декан факультета, куратор резидентуры, присутствовавший на собрании, никто из них по-настоящему не слушал. А теперь и Уэст.

— Уходи отсюда, Кэролайн.

Он протискивается мимо меня, уверенно двигаясь по коридору к своей жертве, и я уверена... уверена, что Уэст не собирается просто ударить Нейта. Нет, он будет бить его до тех пор, пока кто-нибудь не оттащит его. Он собирается положить Нейта в больницу. Может быть, даже убить его.

Наверное, я должна волноваться за Уэста или даже за Нейта, но это не так. Выяснение того, что должно произойти, меня не пугает. Это выводит меня из себя.

Уэст уже помочился именно на это дерево. Дважды.

Я хватаю его сзади за футболку и дергаю. Ткань рвется. Уэст оборачивается.

— Это мой бой, — говорю я ему. — Мой. Не твой.

— Уходи отсюда, если не хочешь этого видеть.

— Ты себя слышишь? Это не боевик. Прекрати это.

— Отпусти мою футболку.

— Это ничему не поможет, Уэст. Ты просто попадешь в беду, может быть, попадешь в тюрьму, и тогда ты не будешь со мной, и мне все равно придется с этим разбираться. Это не поможет.

Он пытается убрать мою руку со своей футболки, но я крепко держусь. Поэтому он просто снимает ее. Прямо там, в подвале студенческого центра, он снимает футболку и идет по коридору к Нейту.

Я бросаю сумку и бегу.

Никогда не была очень хороша в регби, но кое-чему научилась еще до окончания сезона. Я сталкиваюсь с тыльной стороной его бедер, обхватываю руками его колени и... скольжу вниз к лодыжкам. Но я упорна и не отпускаю его. Если он хочет драться с Нейтом, ему придется тащить меня за собой. Я буду цепляться за него, как маленькая обезьянка. Это будет не достойно, но мне все равно.

— Кэролайн, ради Бога.

— Я тебя не отпущу.

Уперев руки в бока, он смотрит на Нейта, который ухмыляется. Он действительно заслуживает того, чтобы его ударили по носу.

Но ни здесь, ни сейчас. Я ясно выразила свои чувства по поводу насилия, когда меня вырвало в туалете Уэста. Мне это не нравится. Я не хочу этого. Я не прошу об этом.

— Отпусти меня, — говорит Уэст. — Это касается только меня и его.

— Нет, это не так.

— Он натравил на меня полицию.

— И это был один шаг в более длительной войне, а война обо мне, и я говорю «нет». Никаких драк. Я ненавижу это. Это ничего не исправит. Это просто дает тебе повод выпустить пар, что, в любом случае, нечестно. Я имею в виду, что у меня тоже есть пар, но я не бью людей. — Я смотрю на Уэста, обнимаю его за лодыжки, умоляя. — Я понимаю, что ты расстроен, ладно? Понимаю. Ты в бешенстве. Ты хочешь все исправить для меня. Но ты не можешь исправить это. Все, что ты можешь сделать, — это сделать еще хуже.

Я вижу момент, когда до него доходит. Может быть, не столько то, что я говорю, сколько тот факт, что я практически лежу на полу, запутавшись в его ногах. Он ничего не добьется таким образом.

Нейт тоже это видит. Он входит в отдел по делам студентов, даже не взглянув на меня.

Дыхание вырывается из Уэста громким, разочарованным вздохом.

Через несколько секунд, когда я начинаю чувствовать себя глупо, я имею в виду, как это случилось, что я оказалась обернутой вокруг ног мужчины без футболки за такой короткий промежуток времени? Он протягивает мне руку.

— Иди сюда.

Его ладонь горячая и сильная. Когда я встаю на ноги, он обхватывает мое лицо ладонями.

— Ты моя. Он причинил тебе боль. Я хочу причинить ему боль в ответ.

— Знаю.

— Это единственное, что я могу для тебя сделать.

— Но это не так. Это не то, что мне нужно от тебя. Ты должен верить, что я могу это сделать. Это моя борьба.

— Мне кажется, что я тоже сражаюсь.

Я утыкаюсь лицом в его ладонь. Целую его туда, где я чувствую пульс на его руке.

— Это потому, что мы команда. — Я улыбаюсь ему в лицо. — Но я — лидер.

Он фыркает.

— Ты не лидер.

— Я лидер. Видел бы ты меня на той встрече. Я надрала задницу.

— Держу пари, что да.

— Уэст? — я поднимаю на него глаза. Теперь выражение его лица стало более непринужденным, в глазах появилась мягкость, которую я вложила туда. — Мне нужно, чтобы ты верил в меня. Даже если бывают моменты, когда никто другой этого не делает, мне нужно, чтобы ты был единственным человеком в моей жизни, который верит, что я могу надрать задницу, которую нужно надрать.

— Конечно, можешь. Но это не...

— А потом, — перебиваю я, потому что это очень важно. — А потом, хотя я знаю, что это труднее и это не то, чего ты хочешь, мне нужно, чтобы ты позволил мне это сделать.

Он смотрит мимо меня на дверь, где больше нет Нейта.

— Уэст, посмотри на меня.

Он смотрит.

— Будет еще какой-нибудь шанс. Когда-нибудь, когда меня не будет рядом, чтобы избить Нейта. Я прошу тебя пообещать мне, что ты не воспользуешься им.

— Кэр.

— Пожалуйста. — я дотрагиваюсь до его скулы. Глажу его шею. Он чувствуетеся таким

опасным, прямо на краю пропасти, и мне нужно оттащить его назад, потому что я знаю, что это решение, прямо сейчас, является одной из тех точек опоры. Решающий момент.

Я не смогу быть с ним, если он не позволит мне сражаться самостоятельно.

Он накрывает мою руку своей и прижимает ее к изгибу между шеей и плечом.

Я люблю его глаза. Мне нравится, как он смотрит на меня, что он видит во мне, кто мы вместе.

— Ненавижу, когда я ничего не могу для тебя сделать, — говорит он.

— Ты делаешь для меня все проще тем, что ты есть. — Я целую его. — Обещай мне.

Его дыхание у моих губ, вздох и капитуляция.

— Обещаю.

— Спасибо, — я глажу его по шее и снова целую. Он такой теплый, возбужденный.

Когда его язык раздвигает мои губы, я слабею. Поцелуй быстро становится серьезным.

Моя спина врезается в стену, его рука ловит меня под коленом.

— Поехали домой, — говорю я.

Мы даже не успеваем добраться до парковки, как он прижимает меня к дереву, его рука оказывается на моем затылке, защищая меня от шершавой коры.

Затем, обжигающий жар и блуждающие руки. Я мокрая, уже была мокрой в коридоре, еще более мокрая, когда я толкнула дверь, а он нащупал мою задницу свободной рукой самым глубоким, самым грязным способом.

— Домой, — выдыхаю я.

— Ага.

— Ты поведешь машину.

— Ключи.

Я выуживаю их из сумочки, хотя не знаю, как. Уэст не помогает. Его руки на мне отвлекают.

— Вот.

Мне приходится размахивать ими перед его лицом, чтобы привлечь его внимание.

Вернувшись в квартиру, Кришна и Бриджит уже ждут нас.

— Как все прошло?

— Ты надрала ему задницу?

Уэст даже не дает мне сказать. Он толкает меня перед собой, говорит:

— Дайте нам минутку, — и захлопывает дверь в свою спальню перед их удивленными лицами.

— Это было грубо.

Он слишком занят расстегиванием моих штанов, чтобы ответить.

Несколько быстрых рывков, толчок на кровать, презерватив, взятый со стола, и он на мне, раздвигает мои колени, проверяет меня пальцами. Когда он чувствует, какая я мокрая, он издает звук «м-м-м», который сводит меня с ума.

— Поторопись, — говорю я ему.

Это длится недолго, но, о, Боже, это потрясающе. Один уверенный толчок, и он заполняет меня, наши языки танцуют, пряжка его ремня звенит, когда он входит в меня жестко и глубоко. Мы не разговариваем. Я не уверена, что мы даже дышим. Он должен претендовать на меня, и я тоже должна претендовать на него, на его недостатки, и на его гнев, и на его глупую мужскую защитную чушь, на его обещание, и на его тело, и на то, какой он есть, разочаровывающий и несовершенный, великолепный и горячий, жестокий,

умный и настоящий.

Он втягивает мой сосок в рот, облизывает его языком так, как он знает, сводит меня с ума, кладет руку под меня и наклоняется, чтобы создать трение там, где мне это нужно. Это не займет много времени. Я уже близко. Так близко, и он кажется больше, тверже и глубже, чем когда-либо, прерывисто дыша мне в шею.

— Ну же, детка, — говорит он, и это звучит как всхлип, но я никогда не чувствовала себя так хорошо.

Крепче и сильнее я впиваюсь в его плечи, когда начинаю кончать, нуждаясь в том, чтобы держаться за него, держать его здесь, прямо здесь, так близко. Он стонет, прижимается своим лбом к моему, целует меня в висок, когда я поворачиваю голову, входит в меня, держа мои руки. Наши пальцы переплетены, его хватка настолько крепка, что боль в суставах, первое, что я чувствую, когда способна чувствовать что-либо, кроме блаженства.

Я шевелю пальцами, и он отпускает меня.

— Ни хрена себе.

Он усмехается.

— Это было... ни хрена себе.

Он целует меня в нос, все еще улыбаясь, и качает головой.

— Серьезно. Это все, что у меня есть. Я уверена, что есть и другие слова, но...

Уэст начинает смеяться, его живот прижимается к моему.

— Никогда не говори, что пещерный человек тебя не заводит.

— Но это так!

Он продолжает смеяться, и я щипаю его.

— Когда ты в последний раз ударил Нейта, меня стошнило!

— А в тот раз в библиотеке...

— Даже не упоминай об этом.

— После того, как я его разукрасил. Ты была разгоряченной для меня.

— Я не была!

— В тот день ты позволила бы мне сделать с тобой все, что угодно.

— Нет, я бы не стала.

— Ты бы так и сделала. Я должен был поцеловать тебя. Пропустить все те месяцы, которые мы провели, обманывая себя. Только не говори, что ты об этом не думала.

— Не думала.

— Верно, потому что ты такая хорошая девочка.

Я обхватываю руками его голову, притягиваю к себе и целую.

— Ладно, может быть, я и думала об этом. Но только потому, что тебе так явно нужен был выход всему этому безудержному тестостерону.

— Ты бы вызвалась стать моей отдушиной?

— Твоим вместилищем. Потому что я даритель.

— Я только что довел тебя до оргазма, от которого у тебя скосились глаза.

— Согласна. Дарение имеет свои преимущества.

Он снова начинает смеяться, и я крепко обнимаю его, наслаждаясь тем, как его тело прижимается к моему.

Наслаждаюсь любовью к нему.

Когда мы выходим, то сталкиваемся в дверном проеме спальни, рука Уэста лежит на моем бедре, на его лице красуется ухмылка, которую я не вижу, но чувствую всем телом.

Счастливые.

Я думаю, это удивительно, что мы можем найти так много счастья в такое время. Я имею в виду, да, это все секс. Но в действительности дело не в сексе. Это то, что скрывается под сексом. Это то, как он заставляет меня чувствовать, как я заставляю его чувствовать. Эта золотая нить чего-то прекрасного всегда была между нами, даже когда я заглядывала в его машину и старалась не слишком пристально смотреть на голый кусочек плоского живота. Даже когда мы спорили в библиотеке, не прикасались друг к другу в пекарне, целовались на железнодорожных путях.

Даже когда я сказала ему принять решение и ушла от него, эта нить была там, сияющая возможность под ней.

Однако я чувствую себя немного неловко из-за Кришны и Бриджит. Которые сидят на диване и смотрят телевизор как-то... напряженно.

Бриджит сидит прямо, как шоппол, ее шея розовеет. Кришна положил руку поверх подушек, всем телом повернулся к ней, даже одно колено приподнял, и у меня создалось впечатление поспешности, как будто он просто отодвинулся от нее, хотя я бы это заметила, если бы он это сделал.

Если бы он был на полметра ближе к Бриджит, держа ее за руку, наклоняясь над ней, прижимаясь к ней, а затем поспешно отодвинулся туда, где он сейчас, когда я открыла дверь спальни, я бы никогда не пропустила этого.

Вот только я думаю, что, может быть, так оно и было, потому что, когда Кришна оборачивается, это жесткое, блестящее что-то в его глазах напоминает мне лошадь, которая вот-вот встанет на дыбы.

Я никогда не видела, чтобы лошадь вот-вот вставала на дыбы, но именно об этом я и думаю.

— Что вы смотрите? — спрашивает Уэст.

Это справедливый вопрос. Потому что они смотрят *«Мой Маленький Пони»*. Пристранно низкой громкости. Типа, еле слышно.

Бриджит ковыряется в своих спортивных штанах.

Кришна смотрит повсюду, и ни на что.

Не думаю, что когда-либо видела их вдвоем в одной комнате, но не разговаривающими. Они оба болтуны с олимпийскими медалями. Разговоры — это практически их религия.

Я определенно никогда не видела их такими неуклюжими.

Я также не знала, чтобы Бриджит может не ответить на прямой вопрос.

Это момент, когда я хотела бы заползти в пещеру на некоторое время, чтобы я могла сидеть со своим унижением, потому что, конечно, это наша вина, моя и Уэста, с нашим хлопаньем дверью и нашими, вероятно, громкими сексуальными шумами через тонкие стены, а Бриджит и Кришна слушали здесь Бог знает сколько времени.

Насколько мы ужасны?

Совершенно ужасны. Я не очень хороший друг. Они здесь, чтобы поддержать меня после встречи с администрацией, и я позволяю им услышать наши секс игры.

Думаю, о том, как лучше всего замять все это дело, извиниться? Но как можно извиниться за сексуальные шумы? Я бы умерла, но Уэст переводит разговор в совершенно другое русло.

— Это одна из ситуаций, когда вы выключаете телевизор и заменяете его другим саундтреком? Как при просмотре *«Волшебника страны Оз»* во время прослушивания

«Темной стороны Луны», только с «Моим маленьким пони», Кэролайн и мной, трахающимися?

Я бью его по руке.

— Уэст!

Кришна начинает смеяться.

Бриджит закрывает лицо руками и зарывается головой в диванную подушку. Кажется, она говорит что-то о Сумеречной искорке, но ее трудно расслышать, когда ее рот прижат к коже.

— Чувак, — говорит Кришна. — Это было эпично.

— Верно. — Уэст улыбается так, как может улыбаться только парень, 70 процентов эго, 30 процентов размахивающего членом. — Я должен получить медаль.

— Ребята, вам нужна линейка? — спрашиваю я. — Ну, для измерения пенисов?

Кришна издает пренебрежительный звук.

— Он бы победил.

Из глубины диванных подушек Бриджит издает звук, похожий на крик, скрещенный с писком.

— Хочешь мороженого? — спрашиваю я. Потому что это все, что я могу предложить. У меня нет одной из тех лазерных пушек, которые могут стереть воспоминания одним ярким белым импульсом света.

— Да, — говорит она. — Но только если у тебя есть крендельки с арахисовым маслом посередине и шоколадом снаружи.

— Чабби Хабби.

— Да. Или, наверное, я бы взяла мятную шоколадную стружку. Но не ту ужасную гадость, которую ты ела раньше с фруктами, потому что ты знаешь, как я отношусь к фруктам в моем мороженом.

— Почему бы тебе не пойти со мной и не посмотреть?

Она встает. Я ожидаю, что она перелезет через Кришну, чья нога частично загоразивает путь между кофейным столиком и кухней, но вместо этого она идет длинным путем и не смотрит на него.

— Сумеречная искорка, да? — говорит Уэст Кришне: — Это то, из-за чего вы двое такие горячие и обеспокоенные?

— Нет, это та фотография, которую прислала мне твоя мама в трусиках.

— Ах, да? Это было так же хорошо, как видео, которое я получил от твоей бабушки на прошлой неделе?

— Чувак. Оставь мою бабушку.

— То же самое сказала твоя сестра, когда пришла ее очередь.

— О Боже, — выдыхает Бриджит. — Сделай так, чтобы это прекратилось.

Моя голова уже в морозилке. Я достаю ее, чтобы крикнуть:

— Успокойтесь, ребята!

Я стараюсь говорить раздраженно, но это трудно сделать, когда ты улыбаешься так сильно, что у тебя болят щеки.

Неделя после секса дня фотографий — это безумие.

Приближаются весенние каникулы. У нас с Уэстом есть промежуточные семестровые работы и проекты. Я терплю еще одну встречу со студенческим отделом, потому что мой

отец решил, что хочет быть частью всего, но как только он приходит на встречу, он не говорит ни слова. Это странное повторение первой встречи, но с большим количеством людей в комнате.

Идиотские электронные письма продолжают наводнять мой почтовый ящик. Наверное, они нашли мой номер телефона, потому что теперь я получаю все эти голосовые сообщения и разглагольствования, безумные угрозы. Я должна проверять все свои звонки, удалять три четверти своих сообщений. Я решаю приостановить свою учетную запись Facebook и вообще закрыть Twitter.

Все это тоже должно быть задокументировано. Все должно быть отслежено. Но я уже устала от этого. Как бы мне хотелось просто выключить телефон, компьютер и не обращать внимания на всю эту реку мусора, в которую превратилась моя жизнь.

И, как будто этого недостаточно, Уэст не может дозвониться до своей мамы. Фрэнки уже несколько дней не присылает ему никаких сообщений. Он беспокоится.

А я ничего не могу сделать.

Я подавлена, устала от ненависти, измучена такой тяжелой работой.

Он тоже ничего не может сделать.

Мы держимся вместе, как приклеенные друг к другу.

Мы уже в пекарне, когда наконец звонит его телефон. Я смешиваю укроп, а он разрезает мешок муки, чтобы высыпать его содержимое. Поскольку я стою ближе к его телефону, я смотрю на экран.

— Это Бо.

Он роняет мешок на пол. Я встречаю его на полпути с телефоном. Знаю, он надеялся, что Бо, его мама, хоть кто-нибудь позвонит ему.

— Привет. В чем дело?

Я поворачиваюсь спиной, чтобы отрегулировать громкость музыки, и десяти секунд, необходимых для этой работы, вполне достаточно, чтобы краска сошла с лица Уэста.

— Как давно это было?

Он расхаживает вдоль стола, прислушиваясь.

— Ты пытался отговорить ее? Или... Нет, я знаю... Нет. Ладно. А как насчет Фрэнки она...

Его плечи опускаются.

Его пальцы, сжимающие телефон, побелели.

— Хорошо. Спасибо. С твоей стороны было достойно позвонить мне. Я буду... Дальше я сам разберусь.

Когда он вешает трубку, он просто стоит там.

Он стоит так долго, что я боюсь к нему прикоснуться.

— Уэст?

— Она вернулась обратно к нему, — говорит он.

— Твоему отцу?

— Она, бл*дь, вернулась к нему обратно.

Это та возможность, которую он боялся назвать в течение последних нескольких дней.

Самое худшее.

— Как это случилось?

— Не знаю. Бо даже не... он не выгонял ее. Он пришел домой, а все ее вещи исчезли, с запиской, в которой говорилось, что она сожалеет, но должна следовать зову сердца. — Он

стучит кулаком по столу. — Ее сердцу.

— Они уехали из города или...

— Они в трейлерном парке. Она и Фрэнки. Они переехали к моему отцу.

— Ох.

Я не знаю, что сказать. Нет никаких слов, которые могли бы исправить поражение в его позе. Тяжелый мертвый звук его голоса, как будто кто-то вырвал из него весь запал на борьбу.

Я знаю, что это плохо, потому что, когда я встаю перед ним и пытаюсь обнять его, он падает на меня так сильно, что мне приходится согнуть колени, чтобы удержать его.

Ненадолго. Он дает себе десять секунд, не больше, а потом отстраняется.

Он не смотрит на меня, когда говорит:

— Мне надо домой.

— Конечно. — Он должен убедиться, что они в безопасности. Поговорить с его мамой. Проверить, как там его сестра. — Скажи, чем я могу помочь?

— Мне нужно лететь. Собрать мои вещи. Сразу после окончания смены.

— Ты останешься на экзамен? — завтра в десять утра у него контрольная.

— Нет, в этом нет смысла. Слушай, ты можешь поискать для меня рейсы? Посмотреть, когда я смогу вылететь из Де-Мойна.

— Я так и сделаю, но, может быть, тебе стоит хотя бы сдать экзамен? Чтобы, когда ты вернешься...

Меня останавливает то, как он отводит взгляд.

Это боль, которую я вижу, прежде чем он поворачивает лицо, чтобы я вообще не могла ее видеть.

— Уэст?

Он сжимает столешницу обеими руками. Я смотрю на его профиль: скрещенные руки, опущенная голова, прямая линия позвоночника.

Я знаю это раньше, чем он мне скажет.

Он не вернется.

— Это все равно никогда бы не сработало, — тихо говорит он. — Мне нечего было и думать, что так оно и будет.

— Что не работает?

— Я не должен был позволять себе думать, что смогу это сделать.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Он качает головой.

— Это не имеет значения.

— Это имеет значение. Уэст?

Когда он смотрит на меня, он так далеко. Он находится в таком состоянии, в котором я никогда не была, в месте, которое я видела на фотографиях, но не могу себе представить, не могу почувствовать запах. Город на берегу океана, которого я никогда не видела.

Орегон. Я даже не могу правильно произнести это слово. Он должен был научить меня говорить это как туземец.

— Да ладно тебе. Поговори со мной.

— Прости, — говорит он. — Но она моя сестра, и я должен присматривать за ней. Никто другой этого не сделает, никто и никогда не делал. Это моя вина, что подумал... Это моя вина.

То, как он смотрит на меня, похоже на прощание, но этого не может быть.

Мы смеем хлеб. Мы пробудем здесь еще несколько часов, будем топить печи, нарезать хлеб, выпускать пар. После того как мы закончим завтра, наступят весенние каникулы, и я, вероятно, не буду часто видеть его в течение недели, но потом у нас будет остаток семестра. Следующий курс. Выпускной год.

У нас еще есть все это время.

Этого не может быть.

— Ты не можешь просто уйти. Ты должен, по крайней мере, поговорить со своим консультантом, взять академический отпуск или...

Я как раз начинаю говорить, когда с другой стороны комнаты раздается резкий стук. Дверь в переулок открыта, как всегда, потому что на кухне становится очень жарко. Там стоят два полицейских в форме.

— Мистер Ливитт, — говорит тот, что впереди. Он блондин, средних лет, симпатичный. — Офицер Джейсон Морроу. Мы познакомились в декабре.

— Помню, — говорит Уэст. — Чего Вы хотите?

— У нас есть основания полагать, что Вы занимались незаконной продажей марихуаны в этом помещении. Мы хотели бы осмотреться.

Я придвигаюсь ближе к Уэсту. Он обнимает меня и целует в макушку.

— Молчи, — бормочет он.

А полицейскому говорит:

— Это не моя собственность. Я не могу согласиться на обыск.

— Эта молодая женщина — служащая?

— Нет. Она со мной.

— Значит, Вы здесь единственный работник, верно?

Уэст отступает от меня к двери и загораживает мне вид на офицеров.

Я бывала здесь раньше, так много раз, смотрела на его спину, когда он вставал между мной и неприятностями. Но на этот раз беда пришла за ним.

— Да.

— Как лицо, ответственное за помещение, Вы можете дать свое согласие.

— Вам придется позвонить Бобу. Он владелец. Все зависит от него.

— Мистер Ливитт, у Вас дома сейчас команда с дрессированной собакой. На данный момент в Ваших интересах сотрудничать с нашим расследованием.

Уэст берет дверь в руку и ботинком отодвигает деревянный клин, который Боб использует в качестве дверного упора.

— Пока Вы не вернетесь с Бобом или ордером, я не открою эту дверь.

А потом он закрывает ее и щелкает замком.

— Позвони Бриджит, — говорит он. — Я позвоню Кришу.

— Уэст, ты думаешь...

Но он даже не слушает. Он присел на корточки и роется в моей сумке. Он находит мой телефон и вкладывает его мне в руку.

— У нас ужасный беспорядок, и у нас не так много времени, чтобы разобраться в нем. Если они в квартире, мне нужно знать, что происходит. Позвони ей.

Мои пальцы делают всю работу.

Мне кажется, что я наблюдаю за всем происходящим с расстояния в несколько метров от своего тела, как будто я не могу сделать ничего, кроме стоящей передо мной задачи, и я

недостаточно понимаю. Все это крутится у меня в голове.

Уэст уезжает. Снаружи полиция. Он закрыл дверь. Они обыскивают квартиру. Он должен позаботиться о Фрэнки. Его могут арестовать. И меня тоже. Я — соучастница. Я не могу этого сделать.

Все это так запутанно.

Телефон звонит и звонит, но никто не берет трубку. Уэст прижимает к уху свой телефон и смотрит куда-то вдаль.

— Нет ответа? — спрашивает он.

— Нет.

Затем мой телефон звонит с входящим текстом.

Что происходит????!!!

— Это от Бриджит.

— Спроси ее, где она.

Я делаю это, и она отвечает:

В квартире Уэста и Криша. На пожарной лестнице. Полиция здесь с поисковой собакой!!!

Уэст стоит прямо за моей спиной и читает через плечо.

— Черт. Я надеялся, что они лгут об этом. Узнай, где Криш.

Минута, которую нам приходится ждать, кажется целой жизнью.

В комнате Уэста с копами и собакой.

— У тебя там было что-нибудь, что они могли бы найти? — шепотом спрашиваю я Уэста.

— Нет. Я не продавал весь семестр, ты же знаешь.

— Значит, беспокоиться не о чем.

Он смотрит на меня почти с жалостью.

— Хотел бы я, чтобы все было именно так. Спроси, может ли она тебе позвонить. Мы не должны переписываться об этом дерьме.

За мной наблюдает коп. Не хочет, чтобы я отвечала на звонки.

Пауза.

Она попыталась забрать его, но я спросила, арестована ли я, она ответила, что нет, и я оставила его себе. Но лучше общаться текстом.

— Удивлен, что она подумала об этом, — говорит Уэст.

— Она много смотрит криминальные сериалы.

Через несколько секунд еще одно сообщение:

Они в комнате Криша.

Уэст кладет руку мне на талию. Он прямо за мной, прямо со мной.

Не думаю, что смогу вынести, если он уйдет.

Они что-то нашли.

— Черт возьми, — говорит он. — Этот маленький придурок. Я говорил ему.

— Говорил ему что?

— Не держать травку в квартире. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Но он ленивый маленький ублюдок и не думает ни о чем. Черт побери.

Он забирает у меня телефон и начинает печатать большими пальцами.

— Что ты хочешь ей сказать?

— Тс-с. Пишу, что собираюсь позвонить. Я говорю, она слушает. Ей не нужно отвечать.

Должно быть, у него все в порядке с Бриджит, потому что через секунду он стучит несколько раз, прикладывает мой телефон к уху и ждет.

— Бридж, послушай, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. Мне нужно, чтобы ты просто сделала это, если хочешь помочь Кришу, и я знаю, что ты этого хочешь. Через несколько минут будет слишком поздно, так что вот в чем дело. Мне нужно, чтобы ты ворвалась в эту спальню, встала прямо среди всего этого и сказала полиции, что травка принадлежит мне. Веди себя так, как будто ты подружка Криша, как будто он благородно пытается взять вину на себя, а ты ненавидишь меня и хочешь, чтобы я сел за попытку свалить все на него. Говори все, что нужно. Возможно, тебе придется пойти в участок для допроса, но просто продолжай вести себя так, будто ты ни хрена не знаешь, чего ты и не знаешь и продолжай говорить, что травка принадлежит мне. С тобой все будет в порядке, и с Кришем тоже. Он им не нужен. Они хотят меня. И, если Криш будет возражать, найди способ сказать ему: «Уэст сказал сделать это. Ты меня слышишь?»

Уэст смотрит на меня, потом на потолок.

— А после того, как все закончится и тебя освободят, я хочу, чтобы ты нашла Кэролайн и позаботилась о ней для меня. Позаботься о ней как следует. Я знаю, что ты не можешь сейчас говорить, но обещай мне. Ты ей понадобишься.

Гулкий стук в дверь пекарни заставляет меня подпрыгнуть.

— Мистер Ливитт!

Они неправильно произносят его имя.

Левитт, а не Ливитт.

Без всякой причины, это то, что заставляет меня заплакать.

— Спасибо, Бридж, — говорит Уэст и отключает связь.

Он открывает адресную книгу на моем телефоне.

Бах-бах-бах.

— Мистер Ливитт!

Он печатает **Бо**. А потом телефонный номер с кодом города 541.

Он протягивает мне телефон.

— Я открою дверь, — говорит он. — Я собираюсь впустить их сюда, потому что тут нечего искать, а они все равно получают ордер и завтра вернутся, беспокоя Боба. Так что они будут искать, а мы будем печь хлеб, хорошо? Это может занять у них десять минут, может быть, три часа, но в какой-то момент они решат отвезти меня в участок. Ты останешься здесь и закончишь смену. Я не хочу, чтобы Боб влип еще больше, чем нужно. Потом просто затаись, Кэр. Они не могли найти в комнате Кришны больше пол унции. Может, четверть. Это проступок. Ничего особенного.

— Зачем ты это делаешь?

— Утром позвони Бо и расскажи, что случилось. Он позаботится обо всем, о чем нужно позаботиться. Передай ему, что, если у меня есть еще одно одолжение, пусть присматривает за Фрэнки, пока я во всем не разберусь.

— Уэст...

Бах-бах-бах.

— Мистер Ливитт!

Я этого не вынесу. Я не могу.

— Мне нужно, чтобы ты сделала то, что я сказал, — говорит Уэст. — Мне это нужно. Ладно?

— Ладно.

Когда он целует меня, его рот теплый и живой, его руки крепко обнимают меня, но что-то уже позади, что-то уже умерло, мне хочется кричать. Я сжимаю его футболку в кулаках.

— Я люблю тебя, — говорю я ему, не собираясь этого делать. Сейчас не самое подходящее время. Это неправильно. Но все же я открываю рот, чтобы сказать это, пока еще не слишком поздно.

Его глаза полны заботы и сожаления. Такой красивый цвет, такое красивое лицо.

Я повторяю еще раз.

— Я люблю тебя.

Он целует меня еще раз, но говорит только:

— Прости.

Затем он открывает дверь.

Я должна заняться делом. Дрожжи поднялись еще до того, как Уэст закончил замес, и тесто выглядит странно. Но с остальным хлебом все в порядке, и я продолжаю работу, сверяясь с планшетом, в одиночестве обслуживая миксеры в пронзительной тишине.

Уэст исчез.

Уэста арестовали.

Уэст потерян, а я здесь, окруженная сотней работ, предметов, запахов, вкусов, которые напоминают мне о нем.

Я плачу. Очень много.

Но остаюсь и делаю свою работу.

В половине шестого приходит Боб. Он сбит с толку, встретившись со мной.

— Уэст рассказывал мне о тебе, — говорит он после того, как выясняет, кто я. — Он что, болен?

— Его арестовали.

Не знаю, может быть, мне и не следовало ему говорить. Но он все равно бы выяснил это, и думаю, что Уэст предпочел бы, чтобы он узнал это от меня.

Разговор занимает тридцать минут. Это неприятно. Я бы хотела, чтобы после того, как все закончится, я справилась с этим лучше. К тому времени, когда мы заканчиваем, Боб выглядит грустным и побежденным, и я чувствую, что плохо справилась с защитой Уэста.

Может быть, когда поступлю на юридический факультет, я научусь правильно защищать человека, которого люблю, когда он сдается за хранение наркотиков, которые ему не принадлежали, но вполне могли принадлежать.

Однако я думаю, что, возможно, правильного пути нет.

Выйдя из пекарни, я звоню Бо, который говорит односложно и немного пугливо. Кажется, я его разбудила. Это не важно.

После, я не знаю куда идти. Я могла бы дойти до полицейского участка, но что мне там делать? Уэст велел держаться подальше. Я хочу сделать то, что обещала, но я этого не вынесу. Я не знаю, как это выглядит там, где он находится. Я видела много полицейских шоу, как и Бриджит. Я читала детективы. Все, что я могу себе представить — это Уэста в безличной комнате, которого допрашивает светловолосый полицейский. Уэста призывают назвать имена.

Уэст со своим умным ртом говорит не то, что нужно. Влипает в еще большие неприятности.

Но потом я думаю о Фрэнки и понимаю, что ошибаюсь.

Он будет на самолете. Сегодня днем, завтра, послезавтра, ничто не остановит его от поездки.

Лучше бы я этого о нем не знала. Лучше бы я не была так уверена в нем, так непоколебима в своей убежденности, что он всегда будет делать именно то, что считает правильным.

Я хотела бы, чтобы правильным было то, чего я хочу, но это не так, и это оставляет меня здесь. В беспокойстве за Уэста. Застрявшей наедине с собой, одной, на грани слез, потому что он уедет, а я останусь, а я люблю его.

Это несправедливо.

Я прохожу несколько кварталов до полицейского участка и сажусь на ступеньки. В такую рань здесь никого нет. Только редкие автомобили пробиваются сквозь холодное утро. Завтра весенние каникулы, но Айова застряла в зиме, замерзая и оттаивая только для того, чтобы снова замерзнуть.

Сегодня я ненавижу это место. Я также ненавижу Орегон, океан, холмы, которых никогда не видела. Ненавижу трейлерные парки. Я ненавижу маму Уэста за то, что она такая неудачница, за то, что любит человека, который не заслуживает любви, и забирает у меня человека, которого люблю я.

Столько ненависти. Но моя ненависть не кажется ядовитой. Это кажется истинным, неизбежным. Я должна ненавидеть эти вещи, потому что они здесь, посреди моей жизни.

Ненавидеть — единственный вариант, который у меня есть.

Я все еще сижу на ступеньках час спустя, когда друг Нейта Джош выходит из участка и останавливается, чтобы закурить сигарету.

— Кэрлайн, — говорит он, увидев меня. Он затаился, задыхаясь от дыма, и ему требуется некоторое время, чтобы восстановить голос. — Господи.

Он не спрашивает: «*Что ты здесь делаешь?*»

Он знает, почему я здесь.

Длинноволосый, широкоплечий, гибкий Джош. Я думала, что он мой друг. Я думала, что нравлюсь ему.

Он сдал Уэста.

— Нейт там? — спрашиваю я.

— Что? Нет.

— Значит, ты просто так настучал на него.

Он выглядит так, словно я ударила его молотком по лбу. Совершенно не готовый к этому разговору.

Я встаю с единственной целью, воспользоваться его удивлением. Думая о моем отце в его кабинете о том, как он поднимается, чтобы расхаживать, когда хочет получить власть надо мной, я даже ставлю себя на ступеньку выше Джоша.

Почему бы мне не воспользоваться теми преимуществами, которые у меня есть?

— Что он тебе сделал? — спрашиваю я. — Если уж на, то пошло, то я не понимаю, почему ты и меня ненавидишь? Я ничего не понимаю. Мне нужно, чтобы ты объяснил это.

— Ничего. И я не ненавижу тебя.

— Ты сдал его полиции.

— Нет, я этого не делал, клянусь. Я...

— Что случилось? Ты позвонил с наводкой или они тебя задержали?

Я наблюдаю за его лицом, сузившимися глазами, ожидая знака. Но мне не нужно быть

проницательной, чтобы увидеть это — это очевидно.

— Они задержали тебя. Что ты сделал?

— Я курил косяк в машине.

— Где, в кампусе?

— На стоянке «Хай-Ви».

— Ты издеваешься надо мной.

Он качает головой.

— Тебя поймали за курением наркотиков в машине у продуктового магазина?

Насколько ты глуп?

Теперь он не смотрит на меня.

— Итак, они спросили тебя, кто продал тебе травку, и ты назвал им имя Уэста. Даже несмотря на то, что это была ложь.

— У меня не было выбора.

— У тебя был выбор. Ты просто выбрал то, что было легко. Почему бы не повесить это на Уэста? Нейт все равно его ненавидит. Уэст тебе не друг. Он всего лишь дилер. Он расходный материал. Он никто. Не то чтобы его кто-то любил или кому-то было бы не все равно, когда его вышвырнут из университета, верно? Он не так важен, как ты. Никто так не важен, как ты.

И чем дольше я говорю, тем больше злюсь. На Джоша. На Нейта.

Я никогда не была для него по-настоящему человеком. Если бы это было так, он не обращался бы со мной так, ни тогда, когда мы встречались, ни в августе, ни сейчас.

Он стоит за всем этим. Меня не волнует, что это Джош сдал Уэста — это Нейт сделал это возможным. Нейт, который убедил всех наших друзей, в том числе и Джоша, что я психованная сука. Нейт, который обращался со мной как с дерьмом, причинял мне боль и нападал на меня, и Нейт, которому это сходило с рук.

Я провела так много месяцев, не сердясь на него.

Почему, черт возьми, я не злилась?

— Где Нейт?

— Не знаю. Спит?

— Он дома? — спросила я.

— А?

— Он уже уехал домой в Анкин на каникулы? Или он все еще здесь?

— Он поехал домой.

— Спасибо.

Я бегу вниз по ступенькам, оставляя Джоша там для... чего угодно.

Мне плевать на него.

Когда я добираюсь до Анкина, уже почти восемь, и шоссе забито людьми, идущими на работу. Движение в районе Нейта движется в противоположном от меня направлении, так что я уже чувствую, что нарушаю правила, когда паркуюсь на его подъездной дорожке. Тем более, когда его мама подходит к двери.

Его мама такая милая. Она всегда была добра ко мне. Она, кажется, не знает, что делать с тем фактом, что я стою на ее пороге, и я могу это понять. Раньше мне разрешали входить без стука. Я практически жила здесь в выпускном классе.

Теперь я опасна для ее сына, для ее покоя. Она это знает. Я могу сказать это точно.

— Нейт здесь?

— Он еще не встал.

— Я бы хотела, чтобы Вы его разбудили.

— Тебе не следует здесь находиться.

— Но я здесь.

— Кэролайн, тебе следовало бы поручить это дело колледжу.

Я устала от слова «это». Я много слышала это слово с тех пор, как впервые услышала его от своего отца, слово, используемое как убежище. Эта ситуация. Эта беда. Это разногласие.

Я прокурор. Я не позволю ей прятаться за словами.

— Вы видели фотографии?

Она не может смотреть на меня.

— Кэролайн, я не хочу об этом говорить.

— Так Вы их видели или нет?

— Да.

— Узнали одеяло Нейта на заднем плане?

Она скрещивает руки на груди. Смотрит на пятно на полу у своей ноги.

— На этих фотографиях я, — говорю я. — Но это и Ваш сын, нравится ему это или нет, хочет ли он признать, что на них со мной он. И не я показала всему миру, что они существуют. Это на его совести. Нейту есть за что ответить. Я бы хотела, чтобы Вы его разбудили.

С полминуты мы стоим так. Думаю, она надеется, что я уйду, передумаю, но этого не происходит.

Наконец она поворачивается и поднимается по покрытой ковром лестнице. Она оставляет дверь открытой. Я стою на пороге в сером утреннем свете. Нежеланный подарок на пороге.

Я слышу, как на кухне работает радио. Сверху доносится гул голосов, словесный танец между Нейтом и его матерью, слишком приглушенный, чтобы разобрать детали.

Жалоба. Резкий ответ. Потом разговор становится громче, открывается дверь.

— Почему ты на ее стороне?

— Я нет. Но, если я узнаю, что ты это сделал, не жди, что я поддержу тебя только потому, что ты мой сын. То, что с ней случилось, просто отвратительно.

— То, что она сделала, отвратительно.

— То, что она сделала, она сделала с тобой. А теперь одевайся и спускайся вниз.

Шаги. В ванной наверху течет вода.

Нейт спускается босиком, в красной футболке и джинсах, от него пахнет зубной пастой.

Он потирает рукой шею.

— Я не должен с тобой разговаривать.

— Кто это сказал, декан факультета? Я тебя умоляю.

— Меня могут исключить.

— Может, тебе стоило подумать об этом, прежде чем пытаться разрушить мою жизнь?

Его глаза сужаются.

— Не слишком ли мелодраматично?

— Думаешь, я преувеличиваю?

— Никто не пытался разрушить твою жизнь, Кэролайн. Твоя жизнь прекрасна. Всегда будет прекрасной.

— И что это вообще должно означать?

Его губы сжимаются. Он не отвечает.

— Ты даже не представляешь.

До меня только что дошло, что он не представляет, что наделал.

Когда он сказал, что мы всегда будем друзьями, в какой-то извращенной форме, он имел в виду именно это.

— Ты думаешь, это... как розыгрыш. Как в тот раз, когда вы с ребятами намылили все окна в средней школе или покатали машину футбольного тренера в парк и оставили ее на вершине. Ты что, засиделся допоздна с шестью пакетами пива, дрочил на порно, а потом подумал, я *должен пошутить над Кэролайн?*

— Кто-то украл мой телефон, — бормочет он.

— О, чушь собачья. Это такая гигантская дымящаяся куча дерьма, что я даже не собираюсь... Боже мой! Ты это сделал, не так ли? Ты думал, что сможешь это сделать, и это будет просто смешно, или потрясающе, или то, что я заслуживаю этого. Ты же не думал, что это испортит мои шансы поступить в юридическую школу. Разрушит мои отношения с моим единственным живым родителем. Ты не знал, что это приведет к тому, что я не смогу спать месяцами, не смогу смотреть на парня, не вздрагивая, не смогу натянуть футболку утром, не подумав: — Неужели это делает меня похожей на шлюху? Я подумывала о том, чтобы сменить имя, Нейт. Мне звонят незнакомые люди и говорят, что хотят воткнуть лезвие бритвы мне в киску. Вот что ты выпустил на волю. Это и миллион других ужасных вещей. Я хочу знать почему.

— Я этого не делал.

Голос у него тихий, сдавленный. Это ложь, наглая и нелепая ложь, которую он бросил здесь, в пространстве между нами. Слишком жалко даже для того, чтобы подкрепить это громкостью, языком тела, чем угодно.

— Ты сделал это.

Он пожимает плечами.

— Ты жалок, — говорю я. Потому что так оно и есть. Он такой жалкий. Прячется за своей ненавистью, смотрит на меня сверху вниз, смотрит на Уэста сверху вниз. — Мне жаль тебя.

— Ну ты и стерва.

— Почему? Почему я стерва? Это потому, что я порвала с тобой? Потому что я стою здесь? Потому что я не позволила тебе засунуть свой пенис мне в задницу? Я была добра к тебе, Нейт! Я любила тебя! В течение трех гребаных лет я делала для тебя все, что могла придумать, а потом ты отплатил мне этим. Я хочу услышать от тебя, что, по-твоему, я сделала, чтобы заслужить это.

— Ни хрена я тебе не скажу.

У него такое упрямое выражение лица, жаль, что его мама не видит его прямо сейчас. Честное слово. Он выглядит как четырехлетний ребенок.

Он мальчик, слишком упрямый, чтобы сказать мне правду, слишком инфантильный, чтобы понять последствия своих поступков.

Он ненавидит меня, потому что может.

Потому что ему это разрешили.

Потому что он мужчина, он богат, он привилегирован, и мир позволяет ему выходить сухим из воды.

Больше нет. Жизнь, которую разрушают эти снимки? Не будет моей жизнью.

— Приятного отдыха, — говорю я ему. — Наслаждайся оставшейся частью семестра.

Это будет твой последний год.

И я вижу это в его глазах — страх.

В первый раз Нейт боится меня.

Мне это нравится.

Когда я сажусь в машину, хлопающая дверь погружает меня в тишину.

Не знаю, что мне делать с Нейтом, поддержит ли меня администрация в борьбе с ним, есть ли какой-нибудь способ преследовать его легально, уголовный процесс, гражданский процесс. Я немного покопалась в интернете, но до этого месяца я не хотела думать о борьбе, поэтому я действительно не думала о том, как будет выглядеть этот бой. Сколько времени это может занять. Чего я вообще хочу от Нейта теперь, когда снова позволяю себе хотеть чего-то.

Сегодня не тот день, когда я буду беспокоиться об этом. Сегодня есть и другие невозможности, о которых нужно думать.

Уэст уезжает, а я люблю его.

Я не могу этого изменить. Я могу только найти способ помочь ему справиться с этим.

Я свернула с подъездной дорожки и направилась к дому отца.

Мне нужно попросить его об одолжении, и он единственный, кто может мне помочь.

— Мне нужно, чтобы ты вытащил моего парня из тюрьмы.

Это предложение, которое я никогда не ожидала произнести кому-либо, а тем более отцу, но оно вырвалось сразу, плавно и легко.

— Тебе нужно, чтобы я... что? Вытащил твоего парня из тюрьмы?

Может быть, мне следовало давно начать прокладывать путь к этому разговору.

Жаль, что я не могла выбрать другое время, как-нибудь утром, когда я вошла на кухню и он действительно выглядел счастливым, увидев меня. В отличие от сегодняшнего утра, когда он читал газету за чашкой кофе, круги под глазами были слишком темными, а рот слишком печальным, когда он увидел меня у французских дверей.

Но другого времени у нас нет.

Боль скручивает мои внутренности, когда я думаю о том, что мое будущее с отцом может быть таким навсегда — это вечное разочарование, наши старые отношения невозможно восстановить.

— Его зовут Уэст Левитт, и полиция держит его в Патнеме. По крайней мере, я так думаю. На самом деле было бы хорошо, если бы ты мог выяснить это для меня. Он собирался признаться в незаконном хранении марихуаны.

— У тебя есть парень. Который курит марихуану.

— Вроде того. Я имею в виду, да, он мой парень. И он иногда курит ее. Но в основном он просто...

Продает ее.

Мне нужно больше внимания уделять тому, что я говорю, потому что мой отец очень проницателен. Он уже давно разговаривает с обвиняемыми. Я думаю, он очень хорошо слышит то, чего они не говорят.

Когда до него доходит, я вижу это в его глазах. Морщины углубляются на его лице, а

челюсти сжимаются.

Я всегда думала, что он самый красивый папа. Я никогда раньше не видела его старым или слабым, и мне так больно быть той, что ослабляет его.

— Это тот парень, — говорит он. — Тот парень в комнате напротив. В прошлом году.

— Ага.

— Ты обещала мне держаться от него подальше.

— Я держалась подальше. В течение долгого времени.

Потом наступает тишина, и снег стучит в окна, потому что погода испортилась.

Он делает глоток кофе.

Я сжимаю спинку кухонного стула и думаю о маме.

Она бы встала на мою сторону, если бы не умерла.

Я думаю о своей сестре Элисон из Корпуса мира. Там, где она сейчас, у нее есть электронная почта и интернет.

Интересно, она уже знает?

Я также думаю о своей сестре Жанель, которая знает. Она написала мне письмо, длинное-длинное письмо, которое я должна была закрыть и не смотреть, потому что первый абзац содержал слова: «Я прощаю тебя и...»

Я не та, кого нужно прощать.

— Расскажи мне, что случилось, — просит папа.

— О наркотиках?

— Обо всем этом.

Я стараюсь, хотя чувствую, что на это нет времени, и мне жаль, что я сейчас не с Уэстом, и я не уверена, что многое из того, что я говорю отцу, может дойти до него через фильтр его боли и разочарования.

Я стараюсь, потому что знаю его, знаю, что он справедлив, и знаю, что он любит меня.

Я начинаю с самого начала. До этого момента, до этой кухни. Я рассказываю ему все, что, по-моему, ему действительно нужно знать. Что Нейт сделал со мной. То, что дал мне Уэст. Все, что произошло, все, что имеет отношение к делу, и даже больше.

Я использую слово «любовь». Я говорю ему, что люблю Уэста. Потому что это тоже имеет отношение к делу.

И еще потому, что теперь, когда я сказала это Уэсту, я могла бы сказать это кому угодно.

Я люблю Уэста. Я люблю его, я люблю его, я люблю его.

Когда я заканчиваю, отец выходит из комнаты, но я не иду за ним. Я беру его чашку с кофе и споласкиваю ее в раковине, достаю зерна из шкафа, измельчаю их и делаю еще одну порцию, собираю посуду со столешницы и стола, чтобы загрузить посудомоечную машину.

Я даю ему немного времени.

Думаю, на его месте мне бы понадобилось время.

Я его младшая дочь, его девочка, которая потеряла мать раньше всех, когда я была еще слишком мала, чтобы помнить ее. Это он укачивал меня у себя на груди, когда мне снились плохие сны. Именно он приходил на каждую церемонию награждения, на каждый дебютный турнир, на каждый выпускной.

У него есть фотография, в его спальне, на которой я стою с белозубой улыбкой и волосами, заплетенными в косички.

Думаю, может быть, когда твой последний ребенок, твоя дочь без матери с волосами,

заплетенными в косички, вырастет и уйдет, ты утетишь себя сознанием того, что она умна, и с ней все будет в порядке, и она знает, как сделать правильный выбор.

Должно быть, ему сейчас так трудно смириться с последствиями сделанного мной выбора.

Я не в белом платье. Мое будущее — это не то, что я могу испачкать, проделать дыры или испортить. Но для него, я думаю, это все еще про платье... Это платье, которое он выстирал, надежда, которую он лелеял, и он должен найти способ приспособиться к тому, что я с ним сделала.

Его дочь голая в интернете.

Его малышка влюблена в наркоторговца.

Я даю ему время.

Ему требуется всего десять минут, чтобы вернуться на кухню.

Он принимает чашку кофе, которую я ему предлагаю. Он смотрит в черное варево, а потом мне в глаза и говорит:

— Я сделаю несколько звонков.

— Спасибо.

Он вздыхает и ставит кружку с кофе.

— Пока не благодари меня. Наверное, я мало что могу сделать. И должен сказать тебе, Кэролайн, я не уверен, что сделал бы даже, если бы этот парень...

— Уэст.

— Если бы этот... Уэст не был причастен к истории с наркотиками до этого.

— Ладно. Все равно спасибо. — Это большая уступка с его стороны. Если он собирается сделать несколько звонков, это означает, что он ставит на карту свою репутацию для Уэста и это означает, что он действительно доверяет мне. По крайней мере, немного.

Я обняла его. Его шея пахнет лосьоном после бритья. Моим отцом.

— Я люблю тебя, — говорю я ему. Потому что я это делаю. Всегда любила. Он — мой мир, и он дал мне так много. Безопасность и сила, ум и мужество, знание, которым я вооружаюсь.

Он отличный отец, и я люблю его.

Когда я сжимаю его, его руки поднимаются, и он сжимает меня в ответ.

— После этого мы можем на какое-то время покончить с бомбами? — спрашивает он. — Ты доведешь меня до сердечного приступа.

— Надеюсь, что так. Хотя, может быть, именно сейчас мне следует сказать тебе, что я не собираюсь никуда уезжать на каникулы. Как только ты вытатишь Уэста, я останусь с ним, пока он не улетит домой.

Еще один вздох.

Долгая минута, пока снег бьется о стекло, а папа не отпускает меня, и я тоже не отпускаю. Воротник его рубашки жесткий, его тело теплое, размер его удивительно неправильный, так как я провела так много времени, прижимаясь к Уэсту.

Мой отец не очень высокий. Я всегда думала, что он выше меня, но это не так.

Он просто обычный человек.

— Я говорил с Диком, — говорит он. — Нам нужно обдумать несколько стратегий.

— Ладно. Почему бы тебе не организовать встречу для нас троих, и я приму во внимание все, что он может рассказать.

Папа отступает на шаг и смотрит на меня, сдвинув брови.

— Ты примешь это к сведению?

— Верно. — Я касаюсь его руки. — Это мой бой, папа. Я приму твою помощь, если она мне понадобится. Но не путайся в том, кто здесь лидер.

Он смеется. Что-то вроде фырканья с полуулыбкой и легким покачиванием головой.

— Ты всегда была властной, — говорит он.

Но он говорит это так, словно гордится.

ВЕСЕННИЕ КАНИКУЛЫ

Уэст

Жаль, что у меня нет фотографии того, как она выглядела в тот день.

Я сказал ей не приходить, не вмешиваться, но в действительности не ожидал, что она послушает. Как она мне сказала — мы команда, и она лидер.

Есть парни, у которых были бы проблемы с этим, и среди них ее бывший мудака. И, конечно, даже я бросил символический протест, когда она это сказала, но это было в основном, чтобы заставить ее улыбнуться.

Кэролайн — лидер, но это не значит, что я ее лакей. Это не умаляет меня. Просто она такая, какая есть.

Мне всегда это в ней нравилось. Как она могла войти в класс со своими книгами, папкой, ручками, и по тому, как она поднимала руку, по тем вопросам, которые она задавала, по ее прямой осанке было видно: она лидер.

Это то, что делает ее такой потрясающей.

Поэтому я жалею, что у меня нет фотографии Кэролайн на ступеньках полицейского участка, и это не потому, что я забуду. Ее идеальную осанку. Ее волосы, блестящие и гладкие, спадающие на ворот куртки. Выражение ее лица, серьезное в одну секунду и сияющее в следующую. Свет, вспыхнувший в ее больших карих глазах, когда она увидела, как я вошел в дверь.

Я этого не забуду. Никогда не забуду, как выглядела Кэролайн, когда я впервые увидел ее после того, как она призналась мне в любви.

Она единственный человек, который когда-либо говорил мне это, кроме моей мамы или Фрэнки. Единственная девушка, которая отдала мне свое сердце, и я ненавижу, что она отдала его мне прямо тогда, когда я уходил. Когда я все испортил: учебу, семью, травку, работу. Меня уволили из пекарни. Я пропустил экзамен, меня чуть не арестовали, и тогда она решила, что пришло время сказать свои слова.

Я не знал, что ответить ей. И до сих пор не знаю.

«Я тоже тебя люблю».

Думаю, она это знает. Если нет, значит, я делал что-то не так все те недели, что мы провели вместе.

Она это знает, но никому из нас не пойдет на пользу, если мы будем говорить об этом в открытую. Если бы я это сказал, это была бы просто еще одна потеря для нас.

Я хотел сказать: «Ты не должна», но не смог заставить себя сказать и это.

Она не должна. Но она любит. И я рад.

Более чем рад, я просто жаден до этого. Я не могу найти ни одной частички себя: ни косточки, ни молекулы, ни одного атома, которая хотела бы, чтобы она чувствовала себя по-другому.

Она влюблена в меня.

Слава гребанному Христу.

Поэтому мне нужна была эта фотография. Кэролайн, стояла на солнце, а вокруг нее собрались наши друзья. Бриджит и Куинн стояли на ступеньках и слушали, как она что-то

им рассказывает. Я попросил Бридж позаботиться о ней, но, увидев Кэролайн, понял, что она больше не нуждается в заботе, если вообще когда-нибудь нуждалась. Эти двое выстроились вокруг нее, ее отец сидел в машине у тротуара, ожидая ее команд.

Она была лидером.

Ее отец потянул за несколько ниточек, вытащил меня на испытательный срок с разрешением покинуть штат, если я закончу какую-нибудь программу по борьбе с наркотиками дома. Есть еще препятствия, через которые нужно перепрыгнуть, но общественный защитник сказал, что этот проступок исчезнет из моего досье, как только я пройду через них. Полиция сказала, что я получаю выгодную сделку, может быть, даже лучше, чем заслуживаю.

Лучше, чем я заслуживал — это была Кэролайн. С головы до ног, от начала до конца, каждый день она была у меня.

Я должен сожалеть, что переспал с ней, сожалеть, что мы стали друзьями, сожалеть, что я когда-то вышел туда, где она сидела у обочины в темноте, и втянул ее в свою жизнь.

Есть вещи, о которых я сожалею. Что я бросил Фрэнки. Что думал, что у меня может быть место в мире где-то кроме дома, что я могу сбросить ответственность, которую взял на себя десять лет назад, и доверить ее кому-то другому.

Я сожалею, что вообще приехал сюда, потому что если бы я остался в Орегоне, то, возможно, смог бы предотвратить это. Держал бы маму подальше от отца. Держал бы ее рядом с Бо, а Фрэнки прятал в безопасности, с мягкими игрушками в постели и блестками на ногтях. Я должен был быть там и рассказывать ей сказки на ночь. Говорить ей, что она может быть кем угодно, кем захочет.

Вот что в моих силах — дать это Фрэнки. Не себе.

Я сожалею, что пытался.

Но я не жалею о Кэролайн. Ни капельки.

Жаль, что у меня нет этой фотографии.

Ее улыбка.

Ее глаза в первое мгновение, когда она подняла голову и увидела, что я ухожу, свободным человеком.

Жаль, что у меня ее нет, просто чтобы сохранить что-то от Кэролайн.

АПРЕЛЬ

Кэролайн

Он остался еще на неделю, пока они разбирались с юридическими делами.

Семь дней.

Он попытался отстраниться от меня, но я не позволила этому случиться. Я спала в его постели. Я целовала его и облизывала, кусала и царапала, проводила языком по всему его телу, где только хотела.

Он был моим. Моим, и я знала, что верну его, но пока не должна была этого делать. Я отказывалась плакать из-за того, что потеряла его, когда он еще не ушел.

Я помогла ему собраться. Помогла продать его машину Куинн. Проводила его до отдела по делам студентов и заставила официально уйти. Не потому, что я думала, что он может вернуться, а потому, что это был правильный способ уйти. С обдумыванием. С осторожностью.

А позже в постели, обдуманно, осторожно, медленно втянула его член в рот и сосала его, пока он не перестал произносить мое имя и не начал отрываться от матраса, кончив, запутавшись руками в моих волосах.

Я обнимала его. Касалась его.

В ту последнюю ночь я гладила его спину и плечи, бедра и задницу, руки, шею, лицо.

Пока он был моим, я любила его.

А потом я отпустила его.

В аэропорту я не знаю, что сказать.

Мы держимся за руки по дороге от парковки к стойке регистрации.

Мы держимся за руки на пути от стойки регистрации до линии безопасности.

Мы держимся за руки, пока наконец не наступает момент, когда он должен уйти, а я должна остаться, и мы больше не можем держаться за руки.

Он бросает рюкзак на пол и притягивает меня к себе.

Я не могу придумать слов, чтобы сказать ему что-нибудь значимое. Тру мои влажные ресницы о его футболку, чувствую его губы на макушке, его руки крепко обнимающие меня.

Я не скажу ему, что не хочу, чтобы он уезжал. На другом конце страны есть маленькая девочка, которая нуждается в нем. Есть место, в которое он вписывается, жизнь, которая не является этой жизнью, и я не могу сомневаться в том, что она может претендовать на него. Я не имею на это права.

Я могу пожелать, чтобы все было по-другому. Я желала этого тысячу раз. Но от этого ничего не изменится, и я не скажу ему, что хочу, чтобы он остался.

— Эй, — говорит он.

Я смотрю ему в лицо, прижимаю ему уши там, где они торчат, потому что на нем черная бейсболка. Он сядет в самолет рядом с какой-нибудь дамой, которая подумает, что он безымянный чувак из колледжа, никому не нужный. Она не будет знать, что он — это все.

— Я буду скучать по твоим ушам, — говорю я ему.

— Мне будет не хватать щели в твоих зубах.

— Я никогда не показывала тебе, как я могу плевать через нее.

— Все в порядке. Мы нашли себе другое занятие.

Это заставляет меня улыбнуться, что заставляет и его улыбнуться, и мы просто смотрим друг на друга. Я изучаю, как морщинки появляются в уголках его глаз, как глубокие складки пролегают вокруг губ, обнажая красивые зубы. Его слегка кривой нос. Улыбка исчезает, оставляя его рот таким же серьезным, как и глаза.

Я глажу его за ушами. Щипаю его за мочки ушей.

— Я не знаю, как это сделать, — говорю я ему.

— Другого выхода нет. Мы просто делаем это.

Я тянусь к козырьку его бейсболки, стягиваю ее и поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Прощание. Я целую Уэста на прощание.

Его рука сжимает мою шею сзади. Его язык проникает в мой рот, и поцелуй становится все глубже, глубже, пока мы не достигаем того места, где между нами нет границы. Место, где я отдала ему частичку своего сердца, своей души, молитвенный флаг с мягкими, истрепанными краями, который хлопает на ветру, утверждает, что он принадлежит мне навсегда.

Этим поцелуем я говорю ему, что хочу, чтобы он был здоров. Что я хочу, чтобы он процветал. Я хочу, чтобы он использовал свой ум и свои руки, свою любопытную неутомимую энергию, свое творчество, чтобы поставить их на службу чему-то, что питает его душу.

Я говорю ему, что хочу, чтобы он не забывал есть, печь хороший хлеб, обращать внимание на то, что он делает в течение дня, что он вкладывает в свое тело.

Я говорю ему, что люблю его, и моя любовь означает, что я хочу, чтобы он был счастлив, я хочу, чтобы он был целым.

Моя любовь означает, что я должна отпустить его.

Когда он отодвигает губы, прижимается кончиком носа к моей щеке, я плачу, грязная и мокрая, и он говорит:

— Боже, Кэролайн. Не надо.

— Все в порядке, — говорю я.

Его руки лежат на моих плечах, на моей шее, его большие пальцы гладят мой рот, а я поглаживаю его предплечья, мышцы твердые и напряженные.

Хочу, чтобы у нас было больше времени.

Не думаю, что это справедливо, что у нас нет больше времени.

Мои пальцы цепляются за кожаный браслет на его запястье, за буквы его имени. Я нахожу защелку и провожу под ней большим пальцем, открывая ее. Браслет падает на пол, и когда я протягиваю руку, чтобы поднять его, наши головы сталкиваются друг с другом, потому что он нагнулся, чтобы поднять его для меня. Еще одна вещь, которую он сделал бы для меня, потому что может. Еще один способ, которым он хочет помочь мне.

— Я хочу сохранить его.

Он улыбается и говорит:

— Хорошо.

Он надевает его мне на запястье, а потом целует мою руку, прямо у защелки, прямо над пульсом.

Внутри меня тоже есть флаги с его молитвами. Я буду носить его с собой повсюду до конца своих дней.

— Береги себя, — говорит он. — Не позволяй никому безнаказанно нести всякую чушь.

— Не буду.

— Бриджит и Куинн присмотрят за тобой. И постарайся удержать Криша от самоуничтожения, если сможешь.

Криш.

Кришна — это беспорядок.

Он позволил Уэсту взять вину на себя, вышел из тюрьмы и напрямиком направился в бар. Он не вернулся в квартиру и не отвечает на звонки Уэста.

Только Бриджит, кажется, знает, что он делает. Она разговаривала с ним несколько раз. Она беспокоится о нем, но никто из нас не знает, что делать.

Сейчас я не могу по-настоящему сосредоточиться на Кришне.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Мой голос полон слез. Мое сердце так полно порезов, зазубрин с каждой секундой кровь течет все свободнее. Опустошает меня.

Он кладет голову мне на шею и целует в том месте, где шея переходит в плечо.

— Не плачь из-за меня. С тобой все будет в порядке. Отлично. Лучше, чем отлично. Ты будешь гораздо больше спать, и это хорошо. Ты проживешь дольше.

Вернись ко мне.

Слова кричат внутри меня, как маниакальные призраки, но я закрываю рот и кладу руки на его тело, просто чтобы почувствовать его тепло и то, как его спина поднимается и опускается с каждым вздохом.

Не знаю, увижу ли я его когда-нибудь снова.

— Обещай мне, — говорю я, хотя и не собиралась этого делать. Я поклялась себе, что не выдвину ни единого требования. — Обещай, что будешь моим другом. Обещай, что позвонишь мне, напишешь, расскажешь, что с тобой происходит. Обещай, что если ты проснешься среди ночи, если останешься один, если тебе кто-нибудь понадобится...

Он поднимает голову и снова вытирает мои слезы, на этот раз большими пальцами.

— Обещаю.

— Тебе понадобится друг.

— Ага.

— Я хочу быть твоим другом, Уэст.

Он целует меня в кончик носа.

— Ты уже мой друг, Кэролайн Пьясеки.

Я просто закрываю глаза, разжимаю руки и отпускаю ворот его футболки.

— Тебе следует встать в очередь.

— Ага.

— Напиши мне, когда приземлишься.

— Я так и сделаю.

— Передай привет сестре.

— Ей это понравится.

На этот раз, когда он целует меня, я не позволяю себе прикоснуться к нему. Только у самого рта.

У него такие мягкие губы.

Они рассказывают мне все и даже больше.

Живи. Дыши. Дерись.

Будь той, кто ты есть. Будь лучше.

Будь свирепой.

— Не жди меня, — шепчет он и снова целует меня. — Я не хочу, чтобы ты ждала.

Когда он берет свой рюкзак и уходит, я думаю о том дне, когда мы встретились.

Как он въехал на своей машине почти прямо мне под ноги. Как он дразнил меня, заставлял улыбаться, доводил до обморока.

Как он выглядел с этой тупой резиновой курицей, свисающей с его пальцев, ухмыляясь, спрашивая меня: «Хочешь поиграть?»

Думаю, что, может быть, я всегда ждала его.

Всегда.

И не знаю, смогу ли остановиться.

ПОСЛЕ

Дело в том, что, чтобы быть хорошей девочкой, ты тратишь всю свою жизнь на разработку тонко отточенного радара для обнаружения всего, что потенциально может заставить людей любить тебя меньше.

Девушки, подобные той, которой я была в августе прошлого года, — мы питаемся одобрением. Мы живем ради этого.

Поэтому, когда на нас злобно нападает парень, который изо всех сил старается заставить нас чувствовать себя грязными и отвратительными, наша первая реакция — всегда взять всю вину на себя.

Моя вина, говорим мы. Моя вина, моя вина, моя вина.

Нужен особый человек, чтобы оторвать наши руки от глаз и показать нам, на что мы действительно смотрим. Чья это вина.

Уэст научил меня печь хлеб. Он поднял меня на крышу и целовал до тех пор, пока я не увидела звезды.

Он научил меня, что глубже стоит того.

Потому что одно текстовое сообщение может расколоть твердую почву твоей жизни. Одно неверное решение, одна вспышка фотоаппарата и солнечная, прекрасная часть твоей юности закончилась.

Тогда тебе предстоит принять решение. Ты оглядываешься вокруг, просеиваешь обломки, делаешь свой выбор.

Ты вооружаешься любовью, друзьями, знаниями.

Ты выясняешь, кто ты такая. Чего ты хочешь.

Ты выясняешь это и добиваешься всего.

А это значит, что иногда приходится позволять себе бояться. Тебе нужно повернуть, рискнуть и ошибиться, потому что иначе как ты найдешь друзей, которые научат тебя ловить рыбу, пить ирисовый шнапс без всякой причины, раздеваться до лифчика и танцевать?

Когда у тебя есть шанс проникнуть глубже, тебе надо сжать кулаки с его футболкой и притянуть его ближе. Тянуть, пока ткань не порвется. Дергать его, притягивать, пока он не упрется тебе в живот, и ты не почувствуешь голод и сытость, отчаяние и удовлетворение, головокружение и землю под ногами.

Тебе надо это сделать, потому что уродство повсюду.

Потому что жизнь несправедлива.

Потому что мир — это серьезно испорченное место.

Это надо сделать, потому что красота существует, и она стоит каждой жертвы, которую мы приносим, чтобы овладеть ею.

Оно того стоит, даже если мы не сможем это сохранить.